

В. Е. Храпов

**Твой лучший
учитель, школа!**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	3
ГЛАВА 1 ИСТОКИ	4
ВГЛЯДЫВАЯСЬ В БУДУЩЕЕ	4
С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ УЧИТЕЛЬ?	7
НАСЛЕДСТВО	11
ТЫ НЕ ВЛАСТНА, ВОЙНА	17
УЧИТЕЛЯ УЧИТЕЛЕЙ	22
ГЛАВА 2 ВОСХОЖДЕНИЕ К ПРОФЕССИИ	28
ВЫБОР	28
ПОИСКИ И НАХОДКИ	35
УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И УЧИТЬСЯ	42
ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ	53
ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОСТОЯНСТВО	57
ГЛАВА 3 ГРАНИ МАСТЕРСТВА	62
СОЗИДАЯ ЛИЧНОСТЬ	63
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ	67
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА	75
МЕТОД ПОЛНОКРОВНОЙ ЖИЗНИ	81
СКОЛЬКО ЧАСОВ В СУТКАХ УЧИТЕЛЯ?	92
ГЛАВА 4 ЩЕДРОСТЬ	96
ПО ДОЛГУ СЕРДЦА	96
ЧТО ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ?	99
ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭСТАФЕТЫ	102
УРОКИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)	106
Урок первый: кто может быть учителем.	106
Урок второй: единство теории и практики.	107
Урок третий: школа мастерства.	107
Урок четвертый: познай себя!	108
Урок пятый: дороги, которые мы выбираем.	109
Урок шестой: соответствие средств и целей.	110
ЛИТЕРАТУРА	113

ОТ АВТОРА

Каждый из нас, наверное, по-своему вслушивался и вчитывался в строки Политического доклада ЦК КПСС XXVII съезду партии, в котором последовательно и обоснованно раскрывается необходимость ускорения социально-экономического развития нашей страны. Ускорение— наша общая стратегическая задача. Но общая,— значит, и каждого.

Ускорение требует от каждого из нас не только напряжения сил, но и верного их приложения. «Главное, что должно обеспечить нам успех,— подчеркивалось на съезде,— живое творчество масс, максимальное использование огромных возможностей и преимуществ социалистического строя» [3, с. 22].

Эта книга о творчестве. Точнее, о творчески работающих учителях и для учителей, которые стремятся сделать свой труд не простым выполнением обязанностей, а преобразованием окружающей жизни и самих себя.

Творчество учителя, как и всякое творчество, не может существовать само по себе. Оно — для других. Но каждый учитель, очевидно, чувствует двойственный характер своей профессии. С одной стороны, это труд, безусловно, общественный, на глазах десятков и сотен людей и для них. С другой — это труд в одиночестве. На протяжении сорока пяти минут урока, да и дома, готовясь к нему, ты, как правило, сам, и только сам, должен принимать решения и отвечать за них. Наверное, поэтому неистребимо желание учителя узнать: а как там, у других? А так ли, как надо бы, я все делаю? А как делают другие? Может, лучше? Почему? Каков он, лучший учитель нашей школы? В идеале? В реальной жизни?

Эта книга о становлении Учителя с большой буквы. Написана она на основе изучения жизненного пути и педагогического опыта реальных людей, лучших учителей советской школы, удостоенных звания «Народный учитель СССР».

И хотя эта книга об учителях и для учителей, настоящих и будущих, думается, ее с интересом прочтут все те, кто так или иначе связан со школой, с ее реформой, с воспитанием.

Общий замысел исследования принадлежит заведующему лабораторией теории и методики изучения и обобщения педагогического опыта НИИ общей педагогики АПН СССР Я. С. Турбовскому. В работе использованы некоторые материалы сотрудников лаборатории — Л. Ф. Белашкиной, В. Б. Бондаревского, А. М. Цирульникова.

Написана книга на основе непосредственного знакомства автора с жизнью и опытом народных учителей СССР Н. Н. Белоштентовой, Т. И. Гончаровой, Ю. Н. Черненко, а также изучения различных литературных источников, освещающих деятельность народных учителей. Помимо этого в работе использованы некоторые цифровые данные, полученные в результате анализа картотеки «Народные учителя СССР», составленной автором по документам, хранящимся в Министерстве просвещения СССР.

В этом кратком предисловии хочется выразить глубокую благодарность всем, кто участвовал в работе над книгой.

Глава 1

ИСТОКИ

... История носила бы очень мистический характер, если бы «случайности» не играли никакой роли. Эти случайности входят, конечно, и сами составной частью в общий ход развития, уравниваясь другими случайностями. Но ускорение и замедление в сильной степени зависят от этих «случайностей», среди которых фигурирует также и такой «случай», как характер людей, стоящих вначале во главе движения.

К. Маркс

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В БУДУЩЕЕ

1 сентября 1986 г. третий раз в нашей стране официально отмечался всенародный праздник День знаний. Во дворе одной из новых московских школ, где учится мой младший сын, после торжественного митинга и соответствующих празднику речей и поздравлений был объявлен конкурс на лучший проект школы будущего.

Разбившись на группы, ребята стали сосредоточенно и не очень рисовать цветными мелками. На асфальте школьного двора появились здания с куполами для астрономических наблюдений, телескопы и площадки для космических кораблей индивидуального пользования. Мелькали проекты столовых, где школьные завтраки разносил или развозил робот с пучком антенн на голове. В проектах классных комнат не было привычных досок и мела, их заменили дисплеи электронно-вычислительных машин. На каждом рисунке было множество кнопок. Видимо, с их помощью ребята пытались решить свои сегодняшние проблемы. Рядом суетились учителя: советовали, подсказывали, иногда подрисовывали...

Шел третий год реформы, и школа будущего волновала всех. В газетах и журналах рассказывалось об опыте обучения шестилеток-нулевичков, публиковались материалы, призванные поднять компьютерную грамотность и улучшить представления о значении и роли информатики в повседневной жизни, много писалось и об организации производительного труда учеников в школах и на базовых предприятиях. Это были важные, назревшие проблемы. Однако среди огромного потока материалов о школе, как бы вдруг прорвавшего какую-то плотину, особенно интересовали публикации об учителях, точнее об Учителе, который должен быть в школе будущего. А оно, как известно, начинается сегодня, сейчас...

Характерно, что на рисунках учеников учителей почти не было. А если и встречались, то какие-то абстрактно-одинаковые, облаченные в супермодные «марсианские» костюмы. Правда, однажды мелькнули знакомые очки знакомого учителя... А так — дворцы, роботы, «эвээмы». Случайно ли это? Наверное, нет. Технический прогресс нагляднее, очевиднее. Вот он в картину и просится. Гораздо труднее заглянуть во внутренний мир человека, а уж тем более отобразить его. Однако, по определению К. Маркса, техника, орудия труда — лишь продолжение руки и мысли человека.

Именно человеческий фактор назван решающим в новой редакции Программы КПСС, утвержденной XXVII съездом партии. В Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы также подчеркивается: «Успешное решение сложных задач обучения и воспитания молодежи в решающей степени зависит от учителя...» [4, с. 56].

Поняв это, необходимо ответить на главный вопрос: от какого учителя? Называя учителя ваятелем духовного мира юной личности, мы должны достаточно отчетливо видеть идеал, к которому нужно стремиться. Вот почему в педагогической печати, да и не

только в педагогической, постоянно возникают и будут возникать дискуссии по проблеме учителя. Кто он? Каков его духовный мир? Каким должен быть и современный учитель, и учитель будущего? С развитием нашего общества уточняются, углубляются, совершенствуются наши представления о школе, о ее предназначении, о том, какие требования мы можем и должны предъявить и к ее учителям, и к самим себе, потому что мы все тоже учителя друг для друга. Эти вопросы вечные. И не потому, что они неразрешимы, а потому, что каждому последующему поколению, да и каждому человеку, кто так или иначе связан со школой (а по сути, все мы), приходится давать свои ответы на эти вопросы.

Но где искать ответы или хотя бы подсказки к ответам? Наверное, прежде всего в окружающей нас жизни, в том, что мы называем передовым педагогическим опытом. И потому мы все пристальнее всматриваемся в выдающихся учителей нашего времени. Как до этого наши отцы, желая приблизиться и приблизить будущее, отправлялись паломниками в школы В. А. Сухомлинского, С. Т. Шацкого, в коммуны А. С. Макаренко...

Выдающиеся учителя составляли и составляют золотой фонд нашей школы, нашей педагогики, нашего общества, наших представлений о Лучшем Учителе. Этот золотой фонд предохраняет профессию учителя от девальвации, обесценивания. Таких учителей народ издавна называет своими, народными учителями. И не случайно. Ибо воспитанные ими ученики становились народом, определяли его лицо, духовный облик. Это их самоотверженный мирный и ратный труд во всех наших великих победах и завоеваниях, ставших вехами истории Страны Советов. А еще их ученики растили хлеб, варили металл, были матерями и отцами, бабушками и дедушками и несли педагогику труда и доброты, продолжение своих учителей, дальше, в будущее, ставшее нашим сегодняшним.

Конечно же, человека формирует не один учитель, даже выдающийся, но и значимость роли учителя в становлении человека несомненна. И разве восхищались бы мы сегодня военными и гражданскими подвигами Семена Афанасьевича Калабалина (в «Педагогической поэме» Карабанов) — разведчика в годы войны и директора замечательного детского дома в мирное время, если бы не было педагогического подвига Антона Семеновича Макаренко? «За хорошим человеком ищи хорошего учителя», — гласит народная мудрость.

Как же шло становление лучших учителей нашей школы, которых мы называем народными? Что определяет успех учителя-мастера? Очарование его неповторимой, своеобразной личности или многолетний опыт, вооружающий педагогической мудростью и опять-таки уникальным искусством? А может, открытие эффективных методов, педагогических технологий? А может, решающими оказываются эрудиция и культура, воля? А может, прекрасное владение собой, своим поведением, мыслью, речью — педагогической техникой? А может, и то, и другое, и третье, и четвертое?..

Вопросам изучения, обобщения и распространения педагогического опыта в нашей стране давно уделяется большое внимание. Вскоре после окончания гражданской войны в статье «О работе Наркомпроса», опубликованной 9 февраля 1921 г., В. И. Ленин, давая оценку практическому педагогическому опыту, писал: «Опираясь на эти, уже проверенные практикой, достижения, мы должны двигать дело вперед, расширяя — после надлежащей проверки — местный опыт до размеров всероссийского, передвигая талантливых или просто способных педагогов на посты более ответственные, с кругом деятельности более широким» [1, т. 42, с. 325]. Начиная с 30-х годов изучение педагогического опыта стало массовым.

Но в чем суть опыта выдающегося учителя? Как выявлять эту суть? Изучая работу одного учителя или нескольких десятков, сотен? Остается ли эта суть неизменной, а если наполняется другим содержанием, то в связи с чем? Передаваем ли весь опыт или только какая-то его часть? От чего зависит восприятие опыта другого учителя? Только ли от

полноты описания, а может, и от полноты понимания? И чем подлинное восприятие отличается от подражания, копирования?

Вопросов, связанных с изучением, распространением и использованием передового педагогического опыта, десятки, сотни. И далеко не на все мы можем ответить и сегодня. Даже не все можем поставить. Но без определения круга вопросов и поисков ответов на них не будет и движения к истине.

В педагогической литературе не раз высказывалась в общем-то правильная мысль о том, что в опыте каждого учителя есть что-то положительное и есть недостатки. И невольно возникало вроде бы разумное предположение: а что, если заимствовать у одного — одно, у другого — другое? Как говорится, «с миру по нитке...» Но не напоминает ли это действия, а точнее — несбыточные фантазии, разборчивой Агафьи Тихоновны из «Женитьбы» Н. В. Гоголя, которая мечтала губы одного жениха приставить к носу другого? Целое намного сложнее и существеннее, чем все части, из которых оно состоит. Недостатки порой суть проявление достоинств, последние же в «чистом» виде могут стать и своей противоположностью. Опыт человека, учителя, как и он сам, целостен.

«Учителей-передовиков мы должны изучать монографически, т. е. показывать их работу во всей полноте: как они готовятся к занятиям, как организуют и проводят уроки, как учитывают знания детей, как организуют коллектив детей, как проводят внеклассную работу, как учитывают связь с семьей, как используют краеведческий материал и т. д.», — писал академик АПН СССР М. Н. Скаткин еще в 1948 г. [61]. И хотя в этом случае опыт будет показан более полно, он предстанет перед нами лишь в статике, как результат. Даже при таком подходе мы не сможем ответить на вопрос: как сложился опыт? Почему именно этот человек стал мастером учительского дела? А ведь эти вопросы волнуют нас больше всего. Понять, как люди идут и приходят к мастерству, это значит и самому сделать первый шаг к нему, притом осознанный.

Сегодня на первый план выдвигается проблема качества: «Партия добивается того, чтобы человек воспитывался у нас не просто как носитель определенной суммы знаний, но прежде всего — как гражданин социалистического общества, активный строитель коммунизма, с присущими ему идейными установками, моралью и интересами, высокой культурой труда и поведения» [4, с. 39].

Этот социальный заказ предъявляет особые требования к учителю как воспитателю юной личности. Вот почему во главу угла ставится вопрос о личности самого педагога, о его духовном мире, о его позиции. «Воспитание без дружбы с ребенком, без духовной общности с ним можно сравнить с блужданием в потемках», — писал В. А. Сухомлинский [7, с. 15]. И если учить и даже научить без этой дружбы можно, то воспитать нельзя.

Есть и еще одна проблема в изучении и обобщении педагогического опыта, на которую указал М. Н. Скаткин: «Более доказательные научные обобщения на основе анализа передового опыта могут быть сделаны в том случае, если изучается опыт значительного количества учителей» [62, с. 16]. Но как найти, определить значительное число учителей высшей квалификации? В настоящее время такая возможность есть. Президиум Верховного Совета СССР в 1977 г. установил почетное звание «Народный учитель СССР» «за особые заслуги в обучении и коммунистическом воспитании учащихся». Высшее учительское звание присвоено уже более чем 80 работникам школ из разных областей и республик нашей страны. Это позволяет проследить становление достаточно большой группы педагогов высшей квалификации, выявить общее в их росте, педагогической позиции, создать обобщенный портрет лучшего учителя как ориентир для избравших эту профессию.

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ УЧИТЕЛЬ?

Звание «Народный учитель СССР» объединило учителей разного возраста, с неодинаковым жизненным и педагогическим опытом. Так, старейшина корпуса народных учителей СССР Антон Петрович Полехин — ныне директор средней школы № 20 Краснопресненского района Москвы — родился в 1903 г., за 14 лет до Великой Октябрьской социалистической революции, а учительница английского языка средней школы № 1 г. Нарткала Кабардино-Балкарской АССР Римма Хамидовна Канчукоева — незадолго до Великой Отечественной войны, в 1939-м. Антон Петрович был уже педагогом с 25-летним стажем, когда Римма Хамидовна начала учить первые буквы.

Народные учителя, представители свыше 30 национальностей и народностей нашей страны, живут и работают в разных краях. Николай Николаевич Дубинин — учитель физики и директор средней школы-интерната № 2 г. Владивостока, Борис Васильевич Дынга — директор и учитель молдавского языка и литературы криулянской средней школы № 1 Молдавской ССР. На Севере, в селе Помоздине Коми АССР, живет и работает учителем математики Александр Васильевич Уляшев, а Жамангул Утуров, его коллега, — в жаркой Средней Азии, в Киргизской ССР.

И все же, несмотря на различия возрастные, географические, этнические, исторические и многие другие, вчитываясь в строки биографий выдающихся учителей, нельзя не увидеть и много сходного. Все они — выходцы из трудовых семей крестьян, колхозников, рабочих, учителей, военнотружущих. Об этом говорят и беспристрастные цифры: из рабочих — 6,6%, из служащих — 26,2% (из семей учителей — 6,6%), из крестьян (колхозников) — 67,2%. О чем же вспоминают они, вглядываясь в свое далекое детство?

Из очерка об Александре Михайловиче Божко (родился в 1906 г. на станции Рудня ныне Волгоградской области):

«Было это в начале двадцатых годов. Каждый день приносил новые радости. Руднянский Совет наделил бедняков землей. Среди них — и семью Божко... Землю давали на десять семей. Работали сообща, потом делили урожай поровну на каждую семью. Родители напрягли силенки — купили корову.

...Травы тем летом были хороши. Вовремя прошли дожди и солнышко пригрело — вот они и встучнели... Саше в ту пору шел четырнадцатый год. Он вместе со взрослыми отправился на сенокос. ...Косари становились по трое. Сначала опытный косарь, следом, на расстоянии полутора метров, малолеток, потом снова кто-нибудь из старших. Тут огреха не сделаешь и не остановишься по собственной воле. Передний как бы тянул за собой, а тот, что шел справа и следом, кричал, если ты замедлял необходимый темп: «Ноги под косу!» И крик этот подхлестывал, заставлял быстрее взмахивать косой.

Усталость пришла быстро. Каждое движение стоило неимоверного напряжения воли. Пот заливал глаза, а рубаха взмокла так, словно попал под полосу дождя.

Взмах руки — и трава ложится под косу, еще взмах, еще и еще... Маятником раскачивается впереди идущий косарь.

— Ноги под косу! — это голос отца.

Только бы не упасть. А земля манит ласковой и мягкой прохладой травы. «Не упасть. Не упасть. Не упасть», — жикает коса при каждом взмахе. Ноги подкашиваются, и плывут перед глазами зеленые и красные круги, плывут и уплывают вверх и вдаль, до самого неба.

— Ноги под косу!

Не упасть! Потом он понял, что стояло за этим приказом самому себе. Позорно было оказаться слабым, не одолеть взрослую мужскую работу. Так воспитали его в семье. Иного не представлял себе поведения... Когда было трудно, повторял: «Ноги под косу!..»
Всю жизнь помогала эта формула крестьянской учебы» [16, с. 70—72].

А вот начало биографии Григория Бегларовича Кобахидзе, учителя физики и директора средней школы № 77 г. Тбилиси (родился в 1910 г. в грузинском селе Хета):

«Отец-лесоруб умер, когда Григорий Кобахидзе еще учился в младших классах. Мать, на руках которой осталось еще четверо младших братьев и сестер Григория, едва сводила концы с концами. Пришлось ему, старшему, еще до окончания школы узнать вкус тяжелой мужской работы. Летом вместе со взрослыми односельчанами он корчевал лес на горных склонах, обмотав тряпками горевшие от мозолей ладони, катал тяжелые бревна, а когда неподалеку от его родного села начали прокладывать первую в здешних краях железнодорожную ветку, бегал после уроков «размяться» с киркой и ломом... Весь заработок 16-летнего подростка уходил на домашние нужды» [30, с. 11 —12].

Николай Климентьевич Калугин — директор и учитель истории Дедуровской средней школы Оренбургской области— родился на 16 лет позже А. М. Божко и на 12 лет позже Г. Б. Кобахидзе, в 1922 г. Он принадлежит к поколению, детство которого начиналось при Советской власти. Но и его первые воспоминания о том же, о труде. О труде, значимом для близких людей, о недетской ответственности, о, может быть и невольном, доверии взрослых.

«...Все мои братья и я с малых лет делали что-то полезное, нужное, трудились круглый год. И та посильная работа, которую мы выполняли, была предметом нашей постоянной гордости. Было даже своего рода соревнование: кто быстрее вскопает участок приусадебного огорода, принесет с озера воды на грядки или со двора в избу кизяк. И скупое родительское «молодец!» словно прибавляло сил... С раннего детства каждый член семьи приучался к труду хлебороба теми, кто эту «школу» постиг раньше. Тогда это обучение было простым и ясным. Подросток в семье должен был обязательно что-то делать по дому, по хозяйству. Это были не отдельные поручения, а постоянные обязанности. Выполнение их предполагало определенную самостоятельность. Поэтому иногда, когда нам в зимние дни, после школы, казалось бы, предоставляли полную возможность отдохнуть, а отдых чаще всего был связан с чистым воздухом и подвижными играми, мы все же вовремя приходили домой, чтобы исполнить свои обязанности по дому. Не заигрывались, не забывали, знали строго свою ответственность... Это были уроки самой жизни, иногда очень трудные.

Расскажу об одном из них... Урожай в 1929 г. выдался неплохой. В нашем хозяйстве была жнейка (не без основания ее называли лобогрейкой), пара быков и старый конь по кличке Лысый. Отцу и матери справиться одним с работой было невозможно, и мы — трое их сыновей — становились незаменимыми помощниками. Старший брат, Михаил, должен был ходить за жнейкой и деревянными граблями помогать отцу сваливать хлеб с палубы; средний, Павел, находился на переднем сиденье, управлял срезом хлеба и погонял быков. Верховым на лошадь было решено посадить меня (тогда мне шел седьмой год). Чтобы я не упал под ножи жнейки, мне кушаком связывали ноги, и мы с Лысым становились единым целым. Так много дней подряд под палящими лучами солнца мы жали хлеб.

Мой первый урок был начат на уборке 1929 г., но и теперь... он памятен мне не только трудностью, но и гордостью от сознания того, что мне, шестилетнему мальцу, доверили убирать хлеб. И вот этому чувству ответственности за порученное дело в сущности нечего противопоставить: ему просто нет замены, во всяком случае равной» [37, с. 7—9].

Таким было их детство. Трудовым. Труд, необходимый близким людям, постоянный, регулярный, был неременным элементом семейного воспитания. Трудолюбие, привычка к серьезному, напряженному труду — оттуда, из детства.

Не эта ли привычка, ставшая чертой характера, помогала преодолевать трудности в жизни, в будущей профессии? Не она ли учила засучивать рукава там, где у белоручек опускаются руки? Не она ли закладывала основы воли? Быть у предела не раз и не два — это и значит иметь возможность учиться раздвигать пределы, привычные рамки. «Ноги

под косу!» — эта формула крестьянской учебы не так уж проста. За ней не только понуждение, необходимость, за ней и ощущение значимости совместного труда, работы «в одной упряжке» со взрослыми. За ней и понимание того, что остановка — беда. Только вперед, несмотря на усталость, вперед со всеми вместе через трудности, невзгоды.

И сегодня, когда в ходе осуществления реформы школы все больше и больше делается для того, чтобы общественно полезный, производительный труд, труд для людей стал составной, органической частью жизни наших детей, должны мы понимать, что это не только и не столько приобщение к профессии, это прежде всего путь формирования человека и гражданина. Осуществление идеала всесторонней, гармонически развитой личности начинается не с кружка хореографии или секции фигурного катания, не с увлечения аэробикой или классической музыкой, а с развития главной способности — способности к труду, стремления внести свой вклад в дела и заботы взрослых.

Человеческое в человеке формируется другими людьми. И без прочной связи с ними со всеми (а это дает только труд) нельзя ждать появления настоящего человека. Тем более когда речь идет об учителе — доверенном лице общества, представителе человечества в школе. Будем помнить слова К. Маркса о том, что «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений...» [2, т. 3, с. 3].

Народность народных учителей начиналась с того, что они росли вместе со своим народом.

Николай Семенович Борисов родился в 1925 г. в Заволжских степях Куйбышевской области, и не конная жнейка, а первые трактора начала коллективизации пленили мальчишку. Но вместе с музыкой их моторов он впитывал все ту же «привычку к труду благородную», к труду на благо людей.

«... С детских лет полюбился Николаю и его сверстникам целинный совхоз, в котором все начиналось заново — с колышка. Весною ребятишки поутру провожали, а вечером встречали уходившие в степь трактора, летом любовались степными кораблями — комбайнами, убиравшими обильные урожаи. Не было у детворы места более желанного, чем совхозные мастерские, где механизаторы «колдовали» над машинами, осматривали и ремонтировали их. И не было мечты более дерзновенной, чем самим сесть за руль трактора, за штурвал комбайна» [24].

Общий со взрослыми труд учил не только личному примеру как одному из эффективных приемов педагогической техники. Он учил большему — умению понимать, сострадать, помогать окружающим людям. И словом, и делом. Без сострадания, без желания помочь другим нет и не может быть учителя.

Перечитывая автобиографию выдающегося советского педагога С.Т. Шацкого, я поразились сначала необычности, даже, к сожалению, непривычности и только потом точности одного часто встречающегося словесного оборота, ставшего для Станислава Теофиловича термином, — «обслуживание детей». Да-да, для педагога, учителя смысл работы был и остается не в количестве проведенных уроков и даже не в количестве переданного знания, а в обслуживании детей, т. е. в служении им. Потребность в служении и движет учителем.

И понимание этого, пусть без точных словесных формулировок, закладывалось у будущих народных учителей тоже с детства. Этому способствовала не только трудовая атмосфера семей, в которых они росли, но и другие обстоятельства.

Семьи будущих учителей, к биографиям которых мы прикоснулись, были многодетными. И эти биографии не исключение. Нина Николаевна Белоштентова, Татьяна Ивановна Гончарова, Ольга Сысоевна Авраменко, Нарзи Тухташев, Мария Чириповна Гармаева, Полина Георгиевна Лозина и многие другие тоже росли в семьях, где было много детей. Забота друг о друге, старших о младших, а младших о старших была непременной частью уклада этих семей, условием существования. Начала доброты, нравственности, любви друг к другу передавались «по наследству» вместе с поношенной

одежкой и игрушками старших, передавались автоматически, формируя, быть может, самое главное учительское и человеческое качество— любовь к людям, к детям, щедрость души.

— Посмотрите-ка: ничего не осталось! — сетуют после отъезда гостей товарищи по работе, увидев пустые полки подсобки, где хранится раздаточный материал.

— Но и что ж тут такого? Ничего особенного. Восстановим! — бодро отвечает Субботина и садится за машинку пополнять, размножать. Кроме приезжих есть еще сотни писем с просьбой помочь, прислать, написать...

Признательных писем не счесть. Зинаида Алексеевна читает их со счастливой улыбкой. И не из тщеславия. От сознания, что принесла пользу

— Вот видите! — говорит она молодым учителям.— Зачем же пугаться? Надо только положить первый камушек. Потом второй, третий.

Так получилось и с 8-й школой (г. Кирово-Чепецка, в которой с 1963 г. преподавала географию народный учитель СССР З. А. Субботина.— В. Х.). 20 лет назад пришла Зинаида Алексеевна в тогдашнюю новостройку. Ее встретили чистые, только что побеленные стены, без единого гвоздя. Некуда было карту повесить. Верная своему призванию служить людям и неистощимой душевной щедрости, она ничего не взяла из той школы, в которой работала раньше. Оставила преемнице. Белые стены новой школы радовали своей первозданностью. Гигиенично! Светло! А то, что предстояло создать все заново, ничуть не пугало. Напротив, увлекало, заражало энергией... Около 12 тысяч экземпляров раздаточного материала — 470 видов, десятки папок переписки с тысячами предприятий и учреждений страны, с рабочими и колхозниками, с героями труда и учеными, лауреатами Государственных премий. Более 800 образцов горных пород на витрине, занимающей полстены. Среди них такие ценные, как уральские самоцветы, алмазы, золотоносные породы, различные руды. 500 с лишним звукозаписей, 400 папок с фотографиями, столько же географических книг и брошюр, доклады и самостоятельные исследования учеников, тысячи тематических кроссвордов, составленных ребятами...

Да, за всем этим — титанический труд. Но меньше всего походит Зинаида Алексеевна на титана или атланта, держащего на своих плечах земной шар. Невысокая, подвижная, любящая посмеяться и понимающая хорошую шутку. Ребята знают это и окружают ее на переменах так, что не подойдешь. И может быть, потому, что Субботина может так заразительно смеяться, ее и не берет усталость? Во всяком случае от нее никто не слышал, что она «везет тяжелый воз», на что любят жаловаться иные учителя.

— Усталость тоже приятна, когда хорошо поработаешь! С детства это знаю. Я ведь в крестьянской семье родилась. Много сестер и братьев. Мы и снопы вязали, и лен теребили, и сено косили, и дрова заготовливали... Посмотришь, бывало, сколько всего наработали, и весело станет, песни поем, пляшем!» [50, с. 174—176].

«Ну и что же из того для нас, сегодняшних, следует, что народные учителя росли в трудовых, многодетных семьях?! — удивится кто-то.— Сейчас совершенно иная демографическая ситуация. Совсем не та, что в 20—30-е годы!»

Во-первых (и это было и будет всегда!), доброта и сила духа, щедрость и трудолюбие удивительным образом между собой связаны. У эгоиста хватает сил только на себя. Во-вторых... Да, ситуация иная. Многодетные семьи теперь случайность, исключение, а не правило. И если в многодетности семей мы станем искать правило в формировании учителей высокой и высшей квалификации (да и не только учителей — людей!), то это, несомненно, будет ошибкой. Но давайте помнить и о том, что случайность есть проявление и дополнение необходимости. Сделать случайность закономерностью, работающей на нас,— непросто. А как это сделать, давно известно. С тех же 20—30-х годов. Открытие принадлежит А. С. Макаренко: это разновозрастные детско-юношеские отряды. Разновозрастные отряды пока еще медленно приживаются в нашей школе. Строгое разделение детей по классам, по возрастам, даже не по возрастам, а по годам рождения нарушает выдвинутый основоположником классно-урочной системы

Яном Амосом Коменским принцип природосообразности. Разделение детей по классам не только на уроках, что понятно, но и после уроков — во время различных мероприятий разобщает детей, делает условия их воспитания неполными. Разновозрастные макаренковские отряды создают эти более полные условия, продолжают и развивают традиции многодетной семьи, позволяя воспитывать самой атмосферой, характером отношений старших и младших.

Кто-то из философов прошлого очень точно подметил, что человеком движут три вида любви: любовь восходящая — к старшему, любовь к равному и любовь нисходящая — к младшему. И это действительно так. Без первого вида трудно воспитать стремление к идеалу, без второго — взаимопомощь и поддержку, без третьего — ответственность за слабого, перед слабым.

И наша школа, если мы действительно хотим ее видеть школой не только образования, но и воспитания, не только знаний, но и мыслей, чувств, не только учения, но и жизни, неминуемо должна прийти к органичному включению в свою деятельность разновозрастных отрядов. В этом нас убеждает и опыт народных учителей СССР. Стиль общения многодетных семей, в которых они росли, живет, пусть в другом качестве, в их методике воспитания, в их школах.

«Спрашиваю Дубинина:

— Если бы завтра пришлось оставить школу, что завещали бы преемнику?

— Беречь каждого человека: ребенка и взрослого,— не задумываясь, отвечает он.

Вот это-то и главное: как в хорошей семье, чувство защищенности. Малыши путаются под ногами у старшеклассников, пристают к ним с бесконечными вопросами. Знают: никто не обидит — не прогонит, не даст затрещину. В раздевалке старшие заботливо оглядывают младших: хорошо ли завязаны шарфы, застегнуты пальто.

— Что ты любишь больше всего? — поинтересовалась я у веселой круглоглазой первоклашки.

— Все, что захочу, то и люблю,— выпалила она и, засмеявшись, вприпрыжку побежала в конец коридора, где в окружении рослых ребят, что-то оживленно объясняющих, стоял Николай Николаевич. Прошмыгнула к нему и замерла рядом. Так и стояла, а он, слушая старшеклассников, о чем-то споря с ними, гладил ее разлажматившуюся головенку» [50, с. 202—203].

НАСЛЕДСТВО

«Все счастливые семьи похожи друг на друга...» Этими словами Л. Н. Толстого можно было бы, наверное, продолжить характеристику семей, в которых росли будущие народные учителя. Можно было бы, если бы не многие «но», с частью из которых мы уже встретились. В семьях Г. Б. Кобахидзе, П. Г. Лозиной, Т. И. Гончаровой и многих других учителей дети рано потеряли отцов. Об этом писать как-то не принято. Не принято писать и о другом... Но без этого трудно представить детство, с которого все начинается. И в двадцатые и в тридцатые годы, а уж тем более «в сороковые роковые», на которые выпало детство многих нынешних народных учителей, жизненные обстоятельства не баловали ни взрослых, ни детей материальным достатком.

Вот что пишет представитель этого поколения известный публицист Иван Васильев: «Мое поколение — военное. Мы осознали себя на войне. Осознали свою ответственность перед предками и наследниками, перед землей и народом. Все наши права и обязанности обратились в одно слово — долг. Уходя в небытие, мое поколение оставило детям свободную землю и великий дух. Оно оставило наследникам бесценное духовное богатство.

— Оно оставило кое-что и другое, не столь похвальное. Вы упрекаете нас, молодых, в безверии, иждивенчестве, цинизме... Не ваших ли семян всходы?

Такой примерно разговор произошел у меня с одним молодежным руководителем в немаленьком чине.

...— Да,— продолжает И. Васильев,— нам приходится самим сбивать позолоту с нами же намалеванных икон. Культ, волюнтаризм, лесть и угодничество... Многовато на одну жизнь, что и говорить. Можно и устать, и духом пасть. Устать-то, может, и устали — годы, ау, берут свое,— но духом не пали — в этом суть.

Грех этих недостатков, конечно, на нашей совести, от нас, как я думаю, микробом приспособленчества и беспринципности заразилось новое поколение. И не желая того, учили жить по «облегченному варианту». Приятельство, скептицизм, эгоизм, аморальность — все от нас. Некого больше винить.

Тут не пережитки проклятого прошлого, а свое, благоприобретенное. И ведь было сказано, что это — «враждебные социализму явления», но мы, дружным хором прокричав анафему, от упорной, длительной, повседневной борьбы с «враждебным» уклонились. И это на нас, не отрицаем. Безгрешных среди нас нет. Но учтите, грехи за нас никто не замаливал — сами очищались.... Иначе откуда же честные сыновья? Не поняли сейчас, придет мудрость — поймете, что гладких дорог история не выстилает, каждому поколению — свои ухабы» [22].

Нет, гладких дорог у них не было... Но они были и остаются честными сыновьями и дочерьми своего народа. Что спасло их от микробов приспособленчества и беспринципности?

Нина Николаевна Белоштентова рассказывала мне: «Мама два раза выходила замуж, но оба раза неудачно.

От второго брака были еще две мои сестренки. Жили мы дружно, но голодно. Но мама очень хотела, чтобы мы все получили образование, и для этого пошла работать уборщицей в школу. Получала она 180 рублей в месяц. По нынешним временам это 18 рублей. А тогда после семилетки за среднее образование надо было платить. Сумма, правда, была небольшая, но для мамы существенная... Вот она и пошла ради нас работать».

Что отразилось в этом коротеньком воспоминании? Жизненные невзгоды, бедность, постоянная нужда? Только ли? А неизбежная тяга к знаниям и у детей, и у матери? А преодоление пределов, поставленных жизненными обстоятельствами?.. Отразился здесь и родительский, материнский подвиг. Подвиг обыденный, не очень, может быть, яркий. Но он был. И он учил, учил без слов, учил тому, с чего начинается учитель,— служению детям. Этот обыденный урок, который остался в благодарной памяти,— еще один вклад в копилку не только педагогического, но и духовного опыта народного учителя. В этом воспоминании звучат и радость, и оптимизм: преодолели, преодолеем!..

Татьяна Ивановна Гончарова, сверстница Юрия Гагарина, учительница истории средней школы № 536 Ленинграда, тоже вспоминает свое детство, наполненное малыми радостями и большими горестями, как незабываемую школу жизни, добра и преодоления. Родной дом памятен ей своим духом — доброжелательности, заботы друг о друге, радушия, понимания.

Среди лучших воспоминаний и школа. Школа с голубым залом! Это средняя школа № 204, что на площади Восстания, в которой учились старшие сестры. В этой школе мечтала учиться и Таня. Но учиться ей пришлось в другой школе. В начале лета 1941 г., как и всегда, двух младших дочерей родители отправили в Бежецкий район Калининской области, в деревню Дуброво, к дальним родственникам матери. «Это дивные места,— рассказывала Татьяна Ивановна,— пленяющие истинно русской неброской красотой... Ну и конечно, обилие цветов, ягод, грибов. Для детей там раздолье». Там и застала ее война...

Дуброво бои обошли стороной. Сестры хотели домой, в Ленинград, но бабушка Груша не пускала. «Будем ждать Марью! Будем ждать мать!» — повторяла она. В деревне мужчин не осталось, но росло число эвакуированных женщин, стариков и детей из Ленинграда. А между тем приближались холода. Валенки, пальто и другую теплую одежду собрали сельчане. Каждый делился чем мог. Никто не остался в стороне.

Мама сумела выбраться к дочерям только в феврале 1942 г., она привезла скорбную весть: отец погиб в 41-м на Ленинградском фронте.

«Мама для меня идеал русской женщины,— признается Т. И. Гончарова.— Красивая, говорила великолепно и была однолюбка. Она так никогда и не сделала попытки выйти второй раз замуж. Была она грамотная — окончила три класса, и женщины выбрали ее председателем колхоза... У нее было еще одно достоинство: умела не вешать головы... Ее не отпускали с поста председателя до 49-го года.

А Дуброво для меня — идеал русской деревни. Не знаю, могут ли быть отношения между людьми лучше, чем там. Это была голодная деревня. Но в каждой избе жили ленинградцы!

Работали все. Мы, дети, создали свою детскую бригаду. Я ведь все по деревне могу, всю деревенскую работу знаю и люблю. Особенно по льну. И тереть, и чесать... Мы лен выращивали...»

Было тогда Татьяне Ивановне 8—10 лет. Впрочем, как и другим ее товарищам по школе.

«А хлеба в деревне не было — все для фронта,— продолжала рассказ Татьяна Ивановна.— Правда, выращивали дивную капусту, капустой и жили... Но и ее не хватало. Весной 44-го умер от голода Толик Герастов. Ему всего двенадцать лет было. Эта смерть потрясла всю деревню.... Женщины давно просили выдать хоть немного зерна. Но нельзя — поставки. А тут мама не выдержала. Посовещавшись, женщины решили: на посев хватит. Мама разрешила выдать из амбара по двести граммов на трудодень... Дети были спасены.

Но кто-то сообщил в район. Приехали забирать маму. Но деревня не дала. Кричали уполномоченному: «Забирай и нас!» Двенадцать километров шли за подводой. Плакали, кричали, просили, требовали... И маму отстояли».

Уроки жизни. Их будущим учителям давали рядом жившие люди, и прежде всего родители, уходившие на фронт добровольцами, бравшие на себя ношу ответственности за других, совершавшие поступки, становившиеся пусть небольшими, негромкими, но подвигами.

Родительский, и особенно материнский, подвиг обыден, каждодневен. Одеть, обусть, накормить, но и сказать вовремя ободряющее слово или, наоборот, осудить недостойный поступок. Мы часто не замечаем этого подвижничества, считаем фактором, малозначимым в судьбе человека, и особенно учителя. Интересуемся приемами и методами работы, новаторскими изысканиями, высокими результатами. А ведь разгадка достижений мастеров, может быть, прежде всего в отношении к труду, в качествах души, воспринятых ими от родителей. Но часто ли мы задумываемся, что сеем в душах своих детей?

Родители народных учителей вольно, а чаще невольно были мудрыми воспитателями, живя по правде, по совести в самые суровые времена.

Ольга Сысоевна Авраменко, учительница русского языка и литературы Уваровичской средней школы в Белоруссии,— ровесница Т. И. Гончаровой. Когда началась война, ей также шел седьмой год.

«Из ранних воспоминаний детства: оккупация, немцы в родном поселке, сгоняющие женщин и детей, мама, крепко прижимающая девочку к себе... Затем 1943-й, долгожданное освобождение...

Семья, в которой выросла Ольга Сысоевна, была простая, дружная, работающая. В ней привыкли думать друг о друге и ощущать чувство локтя. Жили более чем скромно. Отец, один из лучших трактористов в районе, ушел на фронт, к счастью, вернулся живым. Мать, по мнению односельчан, великая и безотказная труженица, много лет проработала в колхозе. С большим теплом вспоминает Ольга Сысоевна бабушку: «Была она простая крестьянка, неграмотная. Но я думаю, что она была все-таки культурным человеком: сколько в ней было такта, мягкости! Никогда не читала нотаций, не кричала на детей, не

наказывала. Каждого человека старалась выслушать, понять...» (из материалов Л. Ф. Белашкиной). Украина. Черкасская область. Сахновская средняя школа. Директор — А. А. Захаренко.

«Александр Антонович Захаренко родился в 1937 г. Отец, Антон Иванович Захаренко, по профессии — бухгалтер, человек трудолюбивый, обстоятельный, привык все делать основательно, вдумчиво. Мама, Варвара Еремеевна, много лет проработала в совхозе, последние годы перед выходом на пенсию была заведующей детским садом...

В семье царила обстановка трудолюбия, уважения к людям труда, нетерпимость к фальши, громким словам. Это и сказалось, пожалуй, больше всего на формировании цельного характера, глубоких нравственных и познавательных интересов, силы воли, любви к делу, к труду у юного Александра Захаренко. Особенно большую роль в становлении своей личности он отводит матери...» (из материалов В. Б. Бондаревского).

Родители народных учителей стремились и свою жизнь, и жизнь семьи, и жизнь детей наполнить высоким смыслом. Для них дети были не просто детьми, а товарищами по общему делу, продолжателями. Это была педагогика честной, трудовой жизни, человечности, духовности, единства слова и поступков.

А. М. Божко — директор и учитель истории средней школы № 2 г. Кисловодска начиная с 1959 г. Александр Михайлович внес большой вклад в изучение всеми школьниками Советского Союза великого ленинского наследия. Он один из инициаторов и составителей выдержавшего десятки изданий сборника произведений В. И. Ленина для учащихся средних школ и средних специальных учебных заведений. Автор многих методических разработок по воспитанию молодежи на великом ленинском примере. В 1937 г., когда родился А. А. Захаренко, трудовой стаж Александра Михайловича в системе народного просвещения составлял 15 лет. Он был заместителем наркома просвещения Северо-Осетинской автономной области, а затем работал далеко на Севере, в Норильске, только начинавшем тогда строиться. В тех суровых краях прожил 20 лет, там потерял жену и ребенка. Обращение к ленинскому наследию помогло ему не согнуться, несмотря на суровые испытания, а еще, наверное, поддерживала память об отце: «Помню, как впервые задумался я о политике. Было это то ли летом, то ли осенью 1917 г. Отец-солдат прислал с фронта нам письмо, чтобы мы обязательно голосовали за «список № 6 — большевиков». Был я тогда всего второклассником четырехклассного училища и не очень-то разбирался, что к чему. Но отцу я верил. С тех пор слово «большевик» стало для меня родным, близким» [77].

Юлия Николаевна Черненко — учительница биологии средней школы № 7 г. Херсона — почти на два десятилетия моложе А. М. Божко. Да и ее отец с отцом Александра Михайловича никогда не встречался. Но отношение к жизни, понимание человеческого предназначения она также восприняла от отца.

«Квартира, скорее, похожа на бивуак. Люди приходят и уходят, со своими бедами, заботами, огорчениями, расслабляясь во время коротких передышек, и снова куда-то торопятся.

Вещи только необходимые, функционально значимые: стол, стулья, шкаф, телевизор, секретер, диван, покрытый пледом. Вещам здесь не поклоняются. Их необходимость признают.

— Книги? Книги от отца. Сам он сады разводил, мой отец! Большие плодовые сады. Сдержанным был, достойным. И меня тому же учил. Помню, я в детстве увлекалась художественной самодеятельностью. Пела хорошо, танцевала, стихи читала. Может, и артистка бы из меня получилась. Как думаете? Отец на моих выступлениях не бывал. Только однажды вышла на сцену — и вдруг его очки в зале. Я даже растерялась, кажется, даже запнулась, когда читала. А дома он ничего не сказал — будто и не был на концерте. Он любил свое дело ощущать — видеть его, дышать им, уставать от него. Землю вскопал — дело, ветки подрезал — дело. А слова говорить — разве это дело! Так и я, глядя на него, училась жить, училась действовать... И артисткой не стала, как видите!

... Петр Алексеевич (муж Ю. Н. Черненко.— В. Х.), учитель математики, пришел из школы, когда наша беседа была в разгаре. И на лету перехватил нить разговора, вспомнив, как они с Юлией Николаевной познакомились, когда еще были студентами...

— После института у Юли было два увлечения: химия и биология. Два года преподавала химию. Потом прочно и навсегда биология взяла верх, хотя к химии и сейчас равнодушна. А как она работала в своих школьных садах, вы бы видели! Представьте, двести восемьдесят человек в школе, из них сто семьдесят вовлечено Юлией Николаевной в работу на пришкольных участках. До нее садов таких в Музыковке не было. А когда при школе зацвел ее сад — тут уж ребята увидели, что ради такой красоты никаких сил не жалко, что ее беречь и приумножать надо ...» [49, с. 146—147].

Матери и отцы, бабушки и дедушки будущих народных учителей воспитывали, даже когда их уже не было в живых. Воспитывали, повторим, всем образом своей иногда долгой, иногда очень короткой жизни, но жизни, самым тесным образом связанной с судьбой народа, с его радостями и бедами. Так было и в семье А. М. Божко, и в семье Т. И. Гончаровой, и в семье З. С. Журавлевой...

«Как-то после посещения музея боевой славы Зинаида Степановна на уроке литературы так рассказала о судьбе одного неизвестного солдата. Возможно, он был родом из Константиновки. Жил до войны, как все: работал, любил свой город, свою семью. Когда напали фашисты, добровольцем ушел на фронт. Воевал честно, за спины товарищей не прятался, пулям лишний раз не кланялся. И смерть свою встретил достойно: во время страшных, невиданных боев на Орловско-Курской дуге не дрогнул, не показал спину фашистским «тиграм» и «фердинандам». Свой последний рубеж — безвестную деревеньку Починки немцам не отдал. Там, у этой деревни, и покоится прах солдата.

Все верно в рассказе учительницы, кроме одного — имя солдата известно: Степан Александрович Журавлев, ее отец. Помнят его в Константиновке — веселого, резкого в суждениях, порой прямолинейного, но всегда справедливого и честного человека» [49, с. 53].

Правило кажется простым: дети, став выдающимися учителями, продолжают своих родителей. И если не в профессии, не в судьбе, не в биографии, то в духовных устремлениях. Но может быть, есть исключения из этого правила? Наверное, есть... Михаил Андреевич Алексеев? Кажется, да... Биографию этого якутского учителя физики из верхневилуйской средней школы № 2 нельзя читать без волнения. Но сначала один лишь факт, одна только цифра. Из физико-математических классов, созданных в начале 60-х годов этим человеком, ровесником Октября, когда за плечами была большая часть нелегкой жизни, вышло около 400 кандидатов физико-математических наук, инженеров, преподавателей вузов, учителей. Около 400 специалистов для Якутии, до революции одной из самых отсталых и неграмотных. Вот что писал М. А. Алексеев в 1979 г.:

«Вилуйский район — один из самых отдаленных в Якутии. Его центр — городок Вилуйск, где некогда томился в ссылке Николай Гаврилович Чернышевский,— находится в 750 километрах от столицы республики. Каждый район у нас делится на несколько наслегов (сельских Советов.— В. Х.). Речь пойдет об одном из самых дальних наслегов Вилуйского района — Баппагайском. От райцентра до него больше 300 километров.

Я родился в этом наслеге, там прошло мое сиротское детство. Недавно ездил домой на большой праздник — 50-летие местной школы. И неожиданно осознал вдруг, как тесно связаны со школой успехи этого якутского села.

Полвека назад в наслеге не было ни одного человека, который бы умел читать и писать. Сейчас в вузах обучаются 38 юношей и девушек. Вся интеллигенция наслега — это местные кадры...

Приток в хозяйство молодежи со средним образованием заметно повысил производительность труда и качество работ. Эти молодые люди подходят к любому делу грамотно и серьезно, быстро разбираются в технике, лучше ее используют» [10].

О себе лишь два слова: «сиротское детство». А дальше о других, о родном крае. А ведь было это сиротское детство несладким. Мог и ожесточиться, озлобиться на весь мир, на всю жизнь. Но не произошло этого. Его ученики на вопрос журналиста, что главное в характере Михаила Андреевича, по-разному ответили одно и то же: доброта. Вот какой коллективный портрет учителя получился. «Бежишь рано утром в школу, а он уже метет снег, прокладывает дорожки; следит, чтобы больше молока пили; на грузовике домой не пустил, нашел попутную легковушку; замечает после каникул, кто поправился, кто подрос; мамам письма пишет. Дом Алексеева — окраинный, первый на дороге из аэропорта. В июне движутся по ней ребята из всех окрестных райцентров, и, если идет мальчик, девочка с тяжелым рюкзаком, да еще без родителей, Михаил Андреевич непременно зазовет к себе. Накормит, ободрит, а то и ночевать оставит...

Двери дома вообще не закрываются, и любой человек из школы входит в них в любой час по любому неотложному делу, будь то ключ от лаборантской или выяснение вопроса об искусственной гравитации. Эти двери иной раз открываются среди глубокой ночи» [44].

Открытость, распахнутость, щедрость. Откуда? В чем их истоки? В старой газете в очерке об М. А. Алексееве рассказывается:

«Михаил Андреевич родился в 1917-м. «Мои родители, совершенно неграмотные якуты, занимались охотой и скотоводством. Оба умерли от сыпного тифа, и с шести лет взят на обучение и воспитание в теплые объятия Советской власти» — так начинается его автобиография. Изложить ее в газете немислимо. Она могла бы стать основой романа, драмы. Расставлю лишь вехи. Окончил педагогический техникум. Преподавал на Колыме. Был там секретарем райкома комсомола. Войну встретил старшиной-политруком саперного батальона 99-й стрелковой дивизии. Недавно развернул «Правду», увидел название статьи «Первый контрудар», родные имена и не смог читать — застлало глаза...

Ему не требовалось вспоминать — он никогда не забывал. Как утром 22-го взрывал под огнем один мост, а днем — второй. Как ночью с восьмью связными-сержантами вывозили из захваченного врагом городка жен и детей своих командиров. Как в июле шла дивизия назад, к Умани. Четыре окружения, четыре выхода с боями. Пятое оказалось последним. Их сжигали вместе с лесом, оцепленным и накрытым огнем. С самолетов сыпались бочки с бензином. Они пытались проложить себе путь штыками, но танки и минометы загнали их обратно... С остатками дивизии Алексеев, к тому времени политрук роты, попал в плен. Он узнал не только голод и пытки, но и предательство. Ему удалось бежать из лагеря. Поймали. Снова бежал... брел он по оккупированной Украине к своим, брел ночами, больше года. Он узнал сострадание и людское мужество. «Не мог я умереть,— говорит,— раз еще не начал жить...»

В Якутию Алексеев вернулся только в 1951 г. Поступил в пединститут на физмат. К окончанию было ему уже тридцать восемь лет» [45].

Остановимся. Перечитаем каждое слово. Представим, хоть очень и очень приблизительно, что стоит за каждым из них. Да нет, за каждым — не сможем. Пусть за немногими. «Родители... умерли от сыпного тифа», когда было ему всего пять лет от роду. Четыре года бедствовал в семье кулака. «Теплые объятия Советской власти».

Потом из документов, хранящихся в Министерстве просвещения СССР, узнаю: первые комсомольцы наслеза помогли мальчишке, определили в детский дом. В десять (!) лет увидел книжки, началась учеба, о которой не только не мечтали, но даже и не знали его родители. Была и пионерская организация. Не только с горнами, барабанами и алыми галстуками. Но и с походами на безграмотность, с войной против шаманов, предрассудков и невежества, с борьбой за колхозы в Якутии. Миша Алексеев был делегатом одного из первых пионерских слетов республики...

И чем больше вчитываешься, тем отчетливее встает вопрос: можно ли его судьбу, его истоки назвать исключением из правил? Да, у него недолго был родительский дом в

обыденном, привычном понимании, но таким домом стали «теплые объятия Советской власти», товарищи по пионерской организации и комсомолу.

Конечно же, хотелось бы четко разложить все по полочкам, классифицировать, систематизировать факты, сопоставить, выделить решающие факторы... Но не получается. Жизнь объемна, ее нити-струны густо переплетены. Тронь одну — зазвенят и другие. И факты влияния семьи, родителей на формирование строя личности подводят к главному, к тому, что объединено понятием «Советская власть». Начинаешь говорить о людях. О неродных родных людях, которые эту власть олицетворяют и которые приходили на помощь в беде, влияли на судьбы будущих народных учителей, помогая идти дальше, выше, к своему призванию. Вспоминает об этом и Г. Б. Кобахидзе.

«Когда строящаяся железная дорога вплотную подошла к Хете и понадобилось «перебросить» ее рельсы через овраг, все мужчины села «вдруг» изъявили желание помочь рабочим-путейцам ставить новый мост. Работали с такой же неистовостью, как и у себя на виноградниках. А после того как мост был готов, полученные деньги отнесли в дом семьи Кобахидзе.

— Пусть твой сын едет учиться в Тбилиси,— сказал тогда матери Григория Кобахидзе его школьный учитель Акакий Эсебуа.— Он самый способный среди нас. Кого же послать в институт, как не его? Так решили мы все, так решил сельский Совет.

И Григорий Кобахидзе еще в 1929 г. стал первым «стипендиатом» села Хета» [30, с. 12].

Наверное, каждый из народных учителей может сказать: «Мне очень везло в жизни на хороших людей!» Вот, например, факты из жизни З. С. Журавлевой — учительницы восьмилетней школы № 7 в шахтерской Константиновке:

«... В начале 1944 г. их семья вернулась из эвакуации. Город был на две трети уничтожен. Мария Ивановна, мать Зины, долго не могла себя убедить, будто горы кирпича и щебня на месте домов и заводов и есть их родная Константиновка. Но вопреки всему город жил, боролся. Первую сталь дал завод имени Фрунзе, выпустили первую продукцию стекольные заводы, ожил химический.

Восстанавливался и «Укрцинк». Тогдашний директор завода, хорошо знавший Степана Журавлева, в сумятице сотен дел и забот нашел время встретиться с Марией Ивановной. «Держись, Маша! — словно приказал он.— Всем сейчас несладко. У вас хоть домик уцелел, а у других... Есть стены — будет жизнь. Поможем!» И помогли. Нынешним поклонникам заморских гарнитуров показалась бы убогой мебель, сделанная рабочими завода для Журавлевых,— грубо сколоченные табуретки, столы, топчаны. Но какое-же это было богатство в те дни! Да что там богатство, кто о нем думал тогда! Просто люди пришли к людям. И среди зимней стужи, среди лишений и горьких утрат снова засветилась надежда: не одни. Завод, город — с ними!

Одну из подаренных табуреток Зина принесла потом в свою, 7-ю школу» [49, с. 54].

Вот и получается, что семьи у будущих народных учителей были большими вне зависимости от количественного состава, ибо каждая семья ощущала себя и действительно была неразрывной, неотъемлемой частью народа, честно деля с ним и радости и горе. Их путь от осмысления своего Я в труде, страде, страданиях и преодолении к осознанию Мы: Мы — деревня, Мы — город, Мы — народ. Они росли вместе со своим народом и проходили проверку на прочность, человечность, идейность, от которых берут начало и все профессиональные достоинства.

ТЫ НЕ ВЛАСТНА, ВОЙНА

Война, названная Великой Отечественной, была и остается громадным горем, пережитым нашим народом, но одновременно она явила миру и величие духа советского человека, его преданность социалистическому Отечеству. Война прошла и через судьбы народных учителей. И тех, кто воевал, и тех, кто работал в тылу, и тех девочек и мальчиков, которые выращивали лен и капусту, заготавливали дрова, собирали колоски и

в свои неполные десять лет пережили то, что стоит за недетскими словами эвакуация, оккупация, похоронка...

30 декабря 1942 г. ушел на фронт Александр Васильевич Уляшев, тогда ученик десятого класса. «Сначала — пехотное училище, позже — 1-й Украинский фронт, форсирование Днепра, контузия. (С тех пор Александр Васильевич плохо слышит.) Сапер танковой роты, кавалер орденов Красной Звезды и Славы III степени, закончивший войну в Берлине, Александр Уляшев вернулся в свое село ровно через четыре года — 30 декабря 1946 г.»[48].

Самсон Агабекович Дагбашян, учитель математики средней школы № 3 г. Еревана, ровесник Октября, вернулся с войны уже в 1942 г., вернулся без ноги. И конечно же, Герой Социалистического Труда, народный учитель СССР С. А. Дагбашян охотнее рассказывает о своих 48 годах работы в школе, чем о нескольких месяцах на фронте. Но не потому, что помнит эти несколько месяцев хуже... Фронтовики не любят вспоминать войну.

И тем более ценны факты, раскрывающие некоторые подробности.

Кумаш Нургалиевич Нургалиев более четверти века работает директором Бурановской средней школы имени В. И. Ленина Восточно-Казахстанской области. Но и сегодня в его памяти звучит бой. Это было 29 октября 1944 г. около латвийского городка Ауце. В тот день ему исполнилось 19 лет.

«...Кругом все гремело и грохотало. Над самым ухом услышал голос комбата:

— Подымай свое отделение, сержант! Уничтожить огневую точку, а мы прикроем вас! Без этого не взять нам Ауце! Давай!..

Кумаш коротко кивнул: понятно! Он видел, как из фашистского дота вырывалась беспощадная струя огня и понимал: «Не встать пехоте, пока не уничтожим дот!» Привычным жестом поправил автомат и пополз. За ним — его товарищи. Молодые елочки, первые рыхлые сугробы помогли подползти незамеченными. Вот уже несколько метров до огнедышащей амбразуры. Кумаш громко закричал: «Вперед!» И уже не таясь, поднялся во весь рост и изо всех сил швырнул противотанковую гранату. Взрыв, еще один, еще... «Молодцы, ребята!» Рядом рывком вставали с земли его товарищи и били по Доту гранатами... Справа, впереди, слева густо падали снаряды...

В первую секунду не почувствовал боли. Его только что-то сбило с ног и словно ожгло. Он попытался подняться и не смог — не на что было встать. Сколько лежал без сознания — не знает, в бою секунды длятся часами. Приподнялся на локтях и пополз. В глазах темнело, и он не увидел вспышки взрыва перед собой, лишь почувствовал, как обожгло левую руку... Он снова упал лицом в снежную землю, и ему показалось на мгновение, что он припадает к холодной воде горной речушки, которая осталась там, в детстве, за пять тысяч верст от этого поля сражения, от этой прибалтийской земли...

Очнулся он в госпитале. Кругом все бело было, как на том поле, но только тихо. Рядом с его кроватью сидели три девушки, удивился: почему три? Они смотрели на него и улыбались. «Чему улыбаться?» — подумал.

Позже узнал, чему они радовались. Три тяжелейшие ампутации, несколько дней между жизнью и смертью. Эти девушки неделю не отходили от тяжелораненого казаха... дали свою кровь для переливания.

— Ты теперь наш брат, кровный...— говорили ему.

Трудно, мучительно привыкал он к себе — новому, страшному... Что же он будет делать в жизни — без ног, без руки? Что может он после восьми классов сельской казахской школы? А его «кровные сестры» Лиза Велиханова, Наташа Солодкина и Валя Шевелева убежденно говорили:

— Вот долечат тебя в госпитале, поставят на ноги, найдешь себе работу, сколько дел будет после войны, вон как все разрушено — полстраны в развалинах... А ты же герой, ты упорный...

Эти слова произнес и замполит, который вручил ему здесь же, в палате, новенький, сияющий свежей эмалью орден Красного Знамени» [50, с. 147—148].

Полина Георгиевна Лозина во время войны стала партизанской разведчицей.

«Торжественный выпускной вечер. Светлая заря в тихих водах Плюссы. Поле Николаевой (девичья фамилия П. Г. Лозиной.— В. Х.) и ее друзьям это ясное утро сулило исполнение самых сокровенных желаний и планов. Поля мечтала стать учительницей...

А через несколько часов выпускники снова собрались на школьном дворе. Война! Суровый строй мальчиков и девочек. Они у Красного знамени давали клятву, что не пожалеют своих сил для борьбы с врагом.

Мальчики уехали в район на призывной пункт, а девчонок направили в ближайшую воинскую часть. Две недели вместе со всеми с утра до вечера набивала Полина пулеметные ленты патронами, пока не приблизилась линия фронта. Отшагав двадцать километров, она добралась до родной деревни, но увидела лишь покинутые дома. Бросилась вдогонку, бежала и плакала оттого, что потеряла своих. А когда разыскала их среди беженцев, дальше пути уже не было. По большаку катились вражеские машины, шли солдаты...

Хотя в затерянную среди болот, озер и лесов маленькую деревушку оккупанты наведывались нечасто, но не давали покоя известия о бесчинствах фашистов в округе.

Седьмого ноября в доме Николаевых появились гости из партизанского отряда. Пока не изгнали врагов с псковской земли, Поля выполняла поручения, требовавшие не только умения наблюдать и сообразительности, но и смех ости, риска и выдержки. Ходила с нищенской сумой от деревни к деревне, замечала, запоминала нужные сведения. За день могла отшагать не один десяток километров в любую погоду — грязь ли осенняя, снег ли по пояс. Откуда только силы брались в хрупкой девушке...

В этих странствиях ей приходилось встречаться с разными людьми, в считанные секунды порой решать, с кем имеешь дело, можно ли доверять. От этого зависела нередко не только ее собственная жизнь. Еще нужно было научиться скрывать свою ненависть к врагу, не обращать внимания на усталость, не бояться опасности, которая подстерегала на каждом шагу.

В отряде ее любили за легкий характер, доброжелательность, за то, что никогда не унывала. Наверное, именно эти годы сделали Полину сдержанной, суровой и в то же время безгранично чуткой к чужой беде и страданию» [63].

Народные учителя прошли суровую школу войны. Они учились переносить испытания, преодолевать невзгоды. Вместе со всем народом недоедали и недосыпали, теряли родных и близких, верили в победу и приближали ее своими руками в тылу и на фронте...

«Очень хорошо помню День Победы,— рассказывает Т. И. Гончарова, которой было в ту пору десять с половиной лет. — В деревню из мужчин вернулось только двое. Павел Каргин — без ног да дядя Ваня Герастов, умерший через месяц от ран.

Я уже училась в четвертом классе. Весна. И вдруг прискакал на взмыленной лошади Петька Пушкив и кричит в окно: «Война кончилась!» А Анна Дмитриевна, учительница наша, как заплачет. У нее в сорок четвертом жених был тяжело ранен, лежал в госпитале без ног и без руки...

Вечером гулянье было. А на гулянье одни женщины да «мужички» наши: Колька Пушкив одиннадцати лет да Петька Пушкив пятнадцати... И такой рев стоял! Знали, что не вернется больше никто...»

Оставшимся в живых предстояло еще одержать победу над собой. И этому тоже надо было учиться. И опять на помощь приходили люди.

«Московский госпиталь помещался на улице Радио, в здании нынешнего Областного пединститута имени Н. К. Крупской. Это конечно же случайность, что именно в этом здании возвращался к жизни будущий директор школы, народный учитель

СССР Кумаш Нургалиевич Нургалиев. Он еще и не мечтал тогда о педагогической профессии. Он только твердо понял: будет жить, будет бороться за жизнь...

К профессии своей пришел и случайно, и не случайно. Товарища по палате — старшину Леванова — часто навещал брат, преподаватель военной академии. Как-то раз положил на тумбочку Кумаша несколько книг:

— Вот тебе учебники. Не теряй времени...

А как не потерять его, как открыть эти учебники, если последний раз он держал их в руках два года назад? Да и было это в казахской школе... Как не потерять времени, если позади восемнадцать операций и порой сил нет поднять руку...

Преподаватель академии понял это по растерянному взгляду юноши. Понял и сказал твердо:

— Учись, солдат. Поможем тебе.

А на следующий день в палату вошли две немолодые женщины. Он запомнил их имена на всю жизнь: Наталья Васильевна Балдина и Зинаида Алексеевна Толстикова. Госпитальная палата на два года стала его классом, а московские учительницы — его школой, его директором и завучем. Русский язык, математика, история, физика — все предметы объясняли ему эти женщины. Он так никогда и не узнал, что перед каждым уроком они сами, как школьницы, учили незнакомый предмет. Он писал сочинения, решал задачи, учил историю, а вместе с этим — учился ходить, стоять на протезах, обходиться одной рукой. От боли выступали слезы, протезы жгли ноги...

Через два года, весной сорок шестого, впервые вышел из ворот госпиталя. Он уже твердо держался на ногах, даже гулял по Москве, ездил в метро, ходил во МХАТ. Перед выпиской из госпиталя... ему торжественно, прямо в палате, вручили свидетельство об окончании десятилетки.

... Осенью расстался с Москвой, в последний раз благодарно окинул взглядом здание госпиталя, в котором — так ему казалось — родился во второй раз. Да так оно и было: здесь, незаметно для него самого, родился в нем учитель. И этому во многом способствовали две русские женщины...

Дома он не стал отдыхать... Через неделю он уже входил в класс учителем школы-семилетки» [50, с. 148— 150].

А вот факты из биографии Н. С. Борисова. Случайно ли их совпадение с тем, что произошло в жизни К. Н. Нургалиева? Да, тяжелейшие ранения и увечья, которые принесла война одногодкам из казахского аула и из заволжского села, можно отнести на счет случайностей войны. Хотя вряд ли может остаться невредимым тот, кто не щадит себя, кто не прячется за спины других, а бесстрашно идет впереди. Но не случайно, что, повторив подвиг своего товарища по комсомолу Николая Островского, они нашли свое место в жизни. Как не случайно и то, что их поддержали знакомые и незнакомые люди. Ведь это были советские люди.

«Когда предстояло совершить разведывательный рейд по тылам противника, он в числе первых вызвался участвовать в этой опасной операции. И действовал смело и уверенно, в сложнейших условиях обеспечивая надежную радиосвязь с частью, за что был награжден орденом Красной Звезды. Второй раз этим боевым орденом Н. Борисов был награжден за отвагу и воинское умение, проявленное при освобождении от вражеских войск г. Орла. Однако получил он эту награду много месяцев спустя, уже после увольнения из армии по инвалидности.

Дело в том, что в боях на улицах Орла Борисов был тяжело ранен. После каждого из первых двух ранений он попадал во фронтовые госпитали и вскоре возвращался в строй. Третье оказалось более чем серьезным. Как ни старались медики во фронтовых и тыловых госпиталях, где лежал Борисов, как высоко ни ценили они терпение и выдержку, проявленные самим раненым, вернуть его в строй не удалось.

В феврале 1944 г. Н. С. Борисов на костылях возвратился в родной совхоз.

Трудное военное время не давало отсрочки для трудоустройства. Отец еще продолжал воевать, и девятнадцатилетний юноша оказался главным кормильцем семьи. Давнюю мечту о профессии механизатора, к которой готовился со школьных лет, пришлось оставить: ведь вражеская пуля повредила ногу. В ту пору в совхозной мастерской бытового обслуживания оказалось свободным место сапожника. Туда и устроился Николай, тем более что некоторые навыки этой профессии он перенял от деда и отца, которые сами не только чинили обувь всей семьи, но умели и сапоги тачать. Недолго, однако, довелось ему заниматься сапожным делом.

Судьба юноши волновала учителей совхозной школы, в которой он учился почти десять лет. Они знали, что у Николая Борисова не только умелые руки, но и светлая голова. Вспомнили, как в начале войны раскрылись его организаторские способности, как его доброму примеру следовали другие школьники. Припоминали и то, как охотно «возился» комсомолец Борисов с пионерами, как легко находил с ними общий язык, как часто можно было видеть его в окружении малышей, которые внимали каждому его слову. И еще вспомнили, как любил Николай книги, как много читал. В школе в это время было вакантным место библиотекаря. Его и предложили Н. Борисову.

— Решив трудоустроить его в школу,— вспоминает Антонина Павловна Черненко, ныне ветеран педагогического труда, а в ту пору молодая учительница,— педколлектив исходил из двух соображений: развить имевшиеся у юноши задатки к педагогической профессии и вместе с тем пополнить наши поредевшие ряды, готовить смену старшему поколению учителей...

Став в марте 1944 г. школьным библиотекарем, Николай Семенович уже в декабре того же года получил один из начальных классов, оставшийся без педагога. Одновременно самостоятельно готовился к экзаменам за полный курс педагогического училища и в 1946 г., успешно сдав их экстерном, получил звание учителя начальных классов» [24].

Лихолетье войны и первых послевоенных лет стало для многих народных учителей СССР испытанием характера, человеческой стойкости. И они выдержали его.

Мужчины 1922 г. рождения. Только три процента из них осталось в живых. Три процента... Трое из учителей рождения 1922 г. носят высокое звание народного учителя СССР. Это кандидат педагогических наук директор Каменностепной средней школы Воронежской области Алексей Михайлович Иванов; директор Дедуровской средней школы Николай Климентьевич Калугин; директор Пылтсамааской средней школы Эстонской ССР Калью Паулович Терас. Среди тех, кто с оружием в руках сражался с фашистами, и более молодые: Михаил Андриянович Аверин — директор Заринской средней школы Кемеровской области; Александр Александрович Ковалев — директор Николо-Шангской средней школы Костромской области; Анас Салахович Салахов — директор средней школы № 55 г. Казани; в Азербайджанской ССР живут и трудятся Загид Гамильевич Шоюбов — директор Халданской средней школы и Исрафил Худавердиевич Щукюров — учитель азербайджанского языка и литературы Дидиварской средней школы Нахичеванской АССР.

Продолжают работать в школе и их старшие соратники по Великой Отечественной: Юрий Сергеевич Кашкин — директор средней школы-интерната № 2 г. Андропова и Николай Васильевич Семин, долгие годы возглавлявший в Ульяновске среднюю школу № 1 имени В. И. Ленина, бывшую гимназию, в которой учились братья Ульяновы.

Чувство патриотизма и верность коммунистическим идеалам, проявленные ими в годы войны, были воспитаны всей предшествующей жизнью, но особую роль в их становлении сыграли учителя будующих учителей.

УЧИТЕЛЯ УЧИТЕЛЕЙ

«Первой аллеей, которую проложили в школьном парке, стала аллея Славы. Среди погибших на войне халданцев был и директор школы Сулейман Мамедов. Шоюбов был его учеником. Учитель писал ученику с Украинского фронта, ученик учителю — с Белорусского. Мамедов погиб. Шоюбов отлежал полгода в госпитале, но дошел до Берлина. Ученик долго искал могилу учителя. Нашел спустя четверть века после Победы благодаря случаю. Но случай находит тех, кто его упорно ищет. В село Песочное Хмельницкой области, где находится братская могила сорока девяти воинов, ездила целая делегация из Халданской школы...

В детстве особенно важно воспитание чувств, считает Загид Гамильевич. Человека надо учить любить, жалеть, сострадать, чтить память ушедших, быть благодарным людям за их внимание, заботу, дружбу. Человека надо учить уважать свой и чужой труд, понимать и беречь красоту. И учить этому в обстоятельствах, требующих поступков» [54].

Учителей и учеников разделила война, разделили годы. Но есть что-то такое, над чем не властны никакие силы, никакие события. Какое название этому? Память? Принципы? Поступки? Сила духа?.. Да, конечно, но есть еще что-то, что живет в тебе без названия, без слов, каждый день и многие, многие годы.

«Мальчик учился истово. Учителя, дивясь его упорству и рвению, сулили: «Далеко пойдешь». Но война на долгих три года прервала учение: школа закрылась, потому что некому было в ней учить — все до единого педагога ушли на фронт. Сейчас их имена высечены золотом на мраморной доске... В десятый класс Нарзи Тухташев пришел двадцатилетним переростком. Немногие решились в ту пору, когда уж не учиться, а жениться надо бы, вновь усесться за школьную скамью. Их было двенадцать, первых выпускников в Турш-Айгуре. Им приходилось нелегко: учебник математики, к примеру, был один на всех. Учитель Наджим Шарипов приносил его на урок, в торжественной тишине открывал на нужной странице, и начиналось высокое таинство учения.

Сколько лет прошло с тех пор, а глаза Нарзи влажнеют, когда он вспоминает любимого учителя, у которого был он, судя по всему, любимым учеником. Не только Нарзи — всем его одноклассникам Шарипов сумел объяснить гражданский смысл учения: учиться, чтобы потом учить других. В их школе не было тогда ни одного педагога с высшим образованием. И вот из двенадцати выпускников (они поступили в вузы все до единого) семеро стали учителями, а пятеро вернулись в родную школу. Так они усвоили преподанный им урок» [52].

Народный учитель СССР Нарзи Тухташев всю жизнь проработал учителем математики в одной школе, в своей школе, в которой был когда-то учеником Наджима Шарипова. В школе № 31 Пастдаргомского района Самаркандской области. Нарзи Тухташев воспитал 30 учителей математики, 15 из них работают все в том же, Пастдаргомском районе. Все они — «внуки», духовные внуки «династии» учителя Наджима Шарипова. А может, эти слова следует писать и без кавычек? Ведь родственность людей определяют не в меньшей, а может, и в большей степени не генами, а духовной близостью.

Это принято называть эстафетой поколений, эстафетой жизни. Но чем, какой силой должен обладать учитель, чтобы положить начало такой эстафете? Может быть, он должен обладать широкой эрудицией, высокой культурой, в совершенстве знать предмет и методику его преподавания? Применять, и по возможности разнообразно, различные технические средства обучения? Обладать рассредоточенным и вместе с тем устойчивым вниманием, включая и сильных и слабых учащихся в работу на уроке? А может...

Пытаюсь вспомнить все 42 параметра, по которым оценивали работу моих коллег по школе требовательные инспектора района и не менее требовательные методисты, выступавшие в этой же роли. Сами они все 42 параметра не помнили и частенько заглядывали в специально отпечатанную шпаргалку... Позже, став научным сотрудником

НИИ общей педагогики АПН СССР, я мог бы им помочь, перечислив свыше 400 элементов педагогического опыта учителя, установленных на основе опроса более чем 250 учителей. Правда, и мне пришлось бы пользоваться шпаргалкой, и не маленькой...

Но нет, к сожалению, среди этих 400 элементов, так же как не было, к сожалению, и среди тех 42 параметров того, что назван в небольшой заметке «Счастливая судьба», опубликованной в «Учительской газете» 9 октября 1984 г.:

«Эта тоненькая книжечка, отпечатанная на серой зернистой бумаге, как самая дорогая реликвия, хранится в моей библиотеке. Она — напоминание об учителе, встреча с которым помогла мне найти свой единственный путь в жизни.

Айназар Ходжамурадов был красноармейцем, отважно сражался с басмачами. А когда молодая Советская власть повела наступление на неграмотность, он снова оказался в первых рядах бойцов — на культурном фронте. Вот тогда в его походном ранце и появилась «Памятка учителю», изданная в 1920 г. политотделом Туркестанского фронта.

Так Айназар — сын бедняка стал первым учителем в здешних местах. Щедро делился он знаниями с земляками, избрав своим девизом строки «Памятки»: «Учитель прежде всего должен быть примером...» В самые дальние аулы, где люди не знали ничего, кроме продыmlенной юрты да протяжной песни бахши, вез он букварь, книги, глобус и непременно — небольшой портрет Владимира Ильича Ленина. С ленинского наказа «учиться, учиться и учиться» начинал он каждый свой урок. Среди учеников Айназара посчастливилось быть и мне.

Началась Великая Отечественная, и первый сакарский учитель добровольцем ушел на фронт. Прощаясь, он достал из нагрудного кармана гимнастерки заветную книжицу и, передав ее мне, сказал: «Теперь тебе быть на моем месте!»

Айназар Ходжамурадов погиб в первом бою. А я—17-летний его ученик, только что закончивший семилетку, пришел в его класс учителем...»

Под заметкой подпись: Х. Борджаков, народный учитель СССР, директор 1-й сакарской средней школы Туркменской ССР.

Конечно, времена изменились. Возросли требования к учителю, к его общему и профессиональному образованию, к его эрудиции и культуре, этике и этикету... Но оставалось и останется то главное, сущностное, что А. С. Пушкин называл «духовной жаждой». Только человек, постоянно сопричастный судьбе своего народа, стремящийся изменить ее, подвигнуть к высшему, лучшему, став учителем, способен «глаголом жечь сердца людей». Все остальное — прилагательное, пусть важное, но прилагательное...

Да, времена изменились. Но ничто не меняется в человеческой жизни само по себе, без усилий, без все новой и новой жажды. А изменялись времена в том числе и благодаря усилиям Наджима Шарипова, Айназара Ходжамурадова, Натальи Васильевны Балдиной и Зинаиды Алексеевны Толстиковой, Сулеймана Мамедова и Антонины Павловны Черненко.

Учителя учителей в те тяжелые, суровые годы сумели передать не только свои знания, но и свою убежденность, свою духовную жажду, сохранить и заставить светить ярче огонь культуры для мальчиков и девочек, чье Детство и юность пыталась растоптать война. Эти учителя сумели не только вселить веру и надежду, но и стать примером, образцом для подражания на многие и многие годы. Они и вольно и невольно становились для этих мальчиков и девочек реальным, живым идеалом и во многом определяли их решения, нравственный выбор на жизненном пути. Композитор продолжает жить в песнях, инженер — в машинах, учитель — в детях, в людях. Так было в жизни и Н. К. Нургалиева, и Х. Борджакова, и З. Г. Шоюбова, и других народных учителей. Все это не случайные случайности. Именно характер людей, «стоящих вначале во главе движения» (как писал К. Маркс в письме Л. Кугельману), и определил будущий взлет многих учеников нашей школы, ставших ее лучшими учителями.

Так было и в судьбе Т. И. Гончаровой. Несмотря на войну, учиться Таня (тогда Афонина) начала, как и положено было в то время, в семь лет. Уроки в Дубровинской

начальной школе вела молодая учительница Анна Дмитриевна Якимова. Скидок на войну она для себя не делала. Всегда была тщательно одета: строго, подтянуто, аккуратно — темное платье, белый воротничок. Голоса на учеников никогда не повышала.

Однажды весной, во время половодья, уроки долго не начинались. Ученики Дубровинской школы высыпали на речку и увидели на противоположном берегу безуспешно пытавшуюся переправиться учительницу. Когда она в очередной раз решила перейти речку, Колька Пушкив, выражая общее настроение, закричал: «Анна Дмитриевна! Не надо! Мы не хотим уроков!» Анна Дмитриевна все же переправилась и стала укорять ребят за нежелание учиться. Потупившись, один из мальчиков сказал неправду: «Да мы боялись, что вы утонете!»

«А мне было стыдно за всех нас и было жалко учительницу», — произносит своим ровным, спокойным голосом Татьяна Ивановна. В этом она, наверно, похожа на Анну Дмитриевну, как и в манере приходить на урок строго, но изящно одетой.

В 1945 г., отлично окончив начальную школу, Таня Афонина перешла в семилетнюю. Находилась она в селе Градницы, за двенадцать километров от Дуброва.

«Здесь были удивительные учителя! Настоящие народные просветители, — вспоминает Т. И. Гончарова. — Прежде всего это Анна Ивановна Троицкая, директор школы, учительница географии. Передо мной был живой идеал отношения к своему делу. Она мыла нас, вычесывала нам головы. В те голодные годы сумела организовать для нас питание. В школе было тепло и уютно, по-домашнему как-то...

Сама на уроки всегда приходила чистая, аккуратная. Рассказывала увлеченно. Перед глазами вырастали целые картины. Особенно мне почему-то запомнился рассказ о Камчатке: вулканы, гейзеры, ключи, снежные шапки, а внизу — фиалки и коровки травку жуют».

Свой путь учителя Татьяна Ивановна начала на Камчатке. Что это? Совпадение? Скорее, опять-таки продолжение учителя, оставившего след в душе ученика. Да и историю как учительскую специализацию Татьяна Ивановна выбрала, наверно, не без влияния еще одной учительницы Градницкой школы.

«Историю преподавала Муза Ивановна Кавская. Когда мы, девочки, увидели ее в первый раз, то решили, что перед нами не учительница, а артистка. Она была очень красивая, но строгая. Тепла мы от нее не видели. Может быть, сказалось то, что на войне у нее погибли и муж, и сын...

Но первый урок по истории древнего мира прошел у нее великолепно. Она нам показала каменные орудия эпохи неолита, дала потрогать и сказала, что такие же можно найти и в нашей местности. Этот первый урок захватил всех, у нас появилось рвение к учебе. На дом она задала нам нарисовать эти орудия эпохи неолита. Я рисовать не умела и свела рисунок с учебника. Получилось красиво...

На следующем уроке Муза Ивановна меня очень хвалила. А потом спросила у класса: «Сознайтесь, может быть, кто-то перевел рисунок из книжки?» Все молчали. Молчала и я. И Муза Ивановна сделала вид, что не заметила. Это был урок учительского такта. Для меня этого было достаточно, чтобы Муза Ивановна осталась в моих глазах великим человеком, человеком, не выставившим ученицу на посмешище во имя мнимого учительского назидания».

В 1947 г. материальное положение семьи Афониных стало совсем плохим. Надо было посылать деньги уехавшей на учебу в Ленинград старшей дочери. Таню взяла к себе А. И. Троицкая, жившая с сестрой, тоже учительницей. В их доме была великолепная библиотека. За два года Таня перечитала множество книг, особенно по истории. Тут были и Дюма, и Вальтер Скотт, и «Петр Первый» А. Н. Толстого, и «Князь Серебряный» А. К. Толстого. Ко всему Анна Ивановна научила свою подопечную скорочтению. «С тех пор, — говорит Т. И. Гончарова, — читаю быстро и схватываю суть быстро. Это очень помогает в работе».

В 1949 г. Таню приняли в комсомол. В том же году она успешно окончила Градницкую семилетнюю школу, и они вместе с мамой, сдавшей свои полномочия председателя колхоза, наконец-то смогли вернуться в родной Ленинград после восьми лет эвакуации. Но родина была теперь и в Бежецком районе...

Денег в семье не было. О том, чтобы учиться в восьмом классе, не могло быть и речи. Но учиться дальше очень хотелось. Мария Тимофеевна водила дочь по разным техникумам, дававшим стипендию и приличный заработок в будущем. Но 15-летняя Таня упорно стояла на своем: «Хочу быть учительницей! Хочу быть как Анна Ивановна!» И мама сдалась. Таня поступила во 2-е Ленинградское педагогическое училище.

Будущим народным учителям СССР повезло на учителей, потому-то они и стали учителями. А став ими, использовали вольно или невольно многое из того, что незаметно, день за днем, урок за уроком, входило в их представление об учителе. И сегодня, когда один из главных путей пополнения учительских кадров — прием в педвузы абитуриентов из педагогических классов, необходимо осознать, как велика роль первых учителей, которые каждым своим уроком несут в сознание своих учеников не теоретическую, а самую живую, самую действенную практическую педагогику. Именно школьный учитель, хочет он того или нет, отвечает за то, чтобы у его продолжателей «ум с сердцем» были в ладу. И теоретические представления и практические действия.

Много добрых слов говорится в адрес учителей на выпускных вечерах и традиционных сборах. Когда же и спустя десятки лет образ учителя через множество памятных деталей и подробностей предстает живым, близким, начинаешь понимать, что настоящий учитель продолжает жить в своих учениках каждый день.

Эта редко замечаемая другая жизнь в другом человеке, в другом учителе, конечно же, иная. Она дополнена, развита, переосмыслена. Да и видится иначе: из другого времени. И тем не менее это продолжение жизни учителя. Не об этом ли рассказ и Н. Н. Белоштенковой?

«Первого моего учителя звали Владимир Николаевич Муромский. Он был потомственный учитель. Его мать — Мария Алексеевна — тоже преподавала в нашей школе. В 1937 г., когда я пошла в первый класс, ему было лет тридцать, у него уже было трое своих детей.

Я очень хорошо помню первый урок. Когда он 1 сентября ввел нас в класс, то первое, на что мы обратили внимание, была гитара, висевшая рядом с классной доской. Он снял со стены гитару и запел Песню о юном барабанщике:

Мы шли под грохот канонады, Мы смерти смотрели в лицо, Вперед продвигались, отряды Спартаковцев — смелых бойцов...

Пел он очень хорошо, проникновенно, «с огнем большевистским в груди»... А когда кончил петь, спросил: «О ком эта песня?»

— О барабанщике... О войне... — раздались неуверенные голоса наших сельских ребяташек.

— Эта песня о коммунистах, — сказал Владимир Николаевич. — И вы должны быть коммунистами. Коммунисты хотят счастья для всех. Вы ведь тоже хотите счастья для всех? Я верю, вы будете коммунистами!

— В те времена в ходу было слово «партиец», — продолжала вспоминать Нина Николаевна. — А он говорил: коммунист. И мы все, как один, хотели стать коммунистами. В пионеры нас принимали рано, во втором классе. Привел нас Владимир Николаевич в лес. Там уже был подготовлен костер. Он запыхал. Мы сидели вокруг и пели песни, пели и нашу любимую — про барабанщика... А потом мы дали торжественное обещание, мы клялись быть коммунистами...»

Народный учитель СССР Н. Н. Белоштенкова всей своей 35-летней работой учителя истории, учителя-коммуниста подтверждает верность этой клятве. И когда сразу же по окончании Ростовского государственного учительского института, не задумываясь, поехала работать в школу одного из самых отдаленных и отсталых колхозов в районе, и

когда вместе с мужем решила в 1959 г. отправиться с обжитого места в Красноармейскую школу, которая в то время «славилась» только склоками и дразгами в коллективе. Подтверждает эту верность и сейчас, когда, не считаясь со временем, помогает молодым коллегам и в школе, и в районе, а односельчанам — как депутат областного Совета.

И еще один поступок учителя остался в памяти Нины Николаевны. «Началась война с белофиннами. Благодаря Владимиру Николаевичу мы знали об этой войне все, что было доступно нашему пониманию, и даже больше... Слушали по радио «Последние известия» каждый день, готовились все взять винтовки и идти на помощь нашим бойцам... Но на войну ушел Владимир Николаевич. Он нам ничего не говорил о своем решении. Это потом мы узнали и поняли, что он ушел добровольно.

Мы были уже в третьем классе. Вошел Владимир Николаевич, снял гитару, спел нашу песню, а потом сказал: «Все ребята. Ухожу на войну. Я иду помогать нашим. Я нужен там». С войны он не вернулся...»

Училась Нина (тогда Хохлова) дальше по-разному. Случались и неудачи. Но в восьмом классе она уже была одной из лучших. Особенно ее увлекала математика и... стрельба из винтовки. И деле было не только в том, что учиться ей пришлось в суровое время. Так продолжалась память о первом учителе. Нет, не случайно Нина Николаевна — уже Белоштентова — не раз становилась чемпионкой района по пулевой стрельбе.

«После прорыва ленинградской блокады в нашу Ростовскую область были эвакуированы многие талантливые специалисты, учителя. Были среди них и видные литературоведы, критики. В десятом классе нам в нашей Коннозаводской школе довелось прослушать целый цикл лекций по литературе и искусству эпохи Ренессанса, — вспоминая свои школьные годы, рассказывает Нина Николаевна. — Цикл лекций по западноевропейской литературе!.. В школе было много кружков. Прекрасный самодеятельный хор, секция акробатики, кружок художественной декламации. Я везде одновременно занималась. А еще танцевать любила. У нас прекрасная художественная самодеятельность была. Мы много концертов тогда давали...»

Слушая рассказ Н. Н. Белоштентовой о своей школе, отчетливее начинаешь понимать, почему она с юношеским задором и в зрелые годы пишет сценарии, ставит историко-документальные композиции, участвует в школьном хоре учителей, который сама и организовала. И таким вот образом в ней отзывается память об ее учителях.

«Кружок декламации помог мне полюбить слово, появилось желание читать, как можно больше думать... Помню, в девятом классе, когда изучали философские взгляды Л. Н. Толстого, я одна из немногих решила написать сочинение на тему «Эпоха рождает героев или герои рождают эпоху?». В тот год преподавала у нас молодая учительница Евдокия Георгиевна Розенкова-Писковацкая. Прочла она мое сочинение и сказала: «Если будешь работать над собой, то ты в жизни многого достигнешь...» Я эти слова на всю жизнь запомнила».

Своего будущего Нина уже не мыслила вне профессии учителя. Решение вопросов «кем быть?» и «каким быть?» совпало, как совпало оно и у Т. И. Гончаровой, и у К. Н. Нургалиева, ставшего под влиянием своих московских учительниц учителем русского языка и литературы в школе для казахских детей, и у Н. С. Борисова, поверившего в свои силы с помощью учителей совхозной школы. Так было у многих народных учителей. Но ограничимся еще одним примером. Свои первые шаги в постижении сложного учительского дела Г. Б. Кобахидзе также сделал, помогая своему учителю А. Эсебуа вести уроки в начальных классах. И это сотрудничество и содружество продолжалось и после окончания школы.

«Всякий раз, когда Г. Б. Кобахидзе приезжает в родные места, их видят вместе. И односельчане, собирающиеся обычно послушать их неспешную беседу, не устают удивляться поразительному сходству двух своих земляков. Роднят их не столько внешние черты, сколько единство взглядов на жизнь, на свое кровное учительское дело» [30, с. 16].

Как сказал поэт А. Дементьев: «Учитель, воспитай ученика, чтоб было у кого потом учиться!» Думают ли об этом те, кто идет в учителя? При поступлении на курсы водителей автобусов, в летные училища медицинскими комиссиями ведется строгий отбор кандидатов. Проверяются координированность движений, скорость реакции на слуховые и зрительные раздражители и многое другое. Работа шофера, летчика связана с риском для жизни, их собственной и других людей. Но разве жизнь и судьба детей не зависят от того, кто станет их учителем? Кандидатов в учителя следовало бы проверять на наличие духовного зрения и слуха, на готовность к служению детям, будущее которых во многом определяют, как, наверное, убедился читатель, «случайности», среди которых фигурирует и такая, как характер людей, «стоящих вначале во главе движения».

Однако не все зависит от людей, от обстоятельств, многое зависит и от нас самих.

Глава 2

ВОСХОЖДЕНИЕ К ПРОФЕССИИ

Но главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование.

... Человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага.

К. Маркс

ВЫБОР

Что такое профессия? Для многих ответ на этот вопрос представляется очевидным, вполне понятным. В крайнем случае можно посмотреть в толковом словаре, который определяет профессию как основной род занятий, трудовой деятельности человека. И не всегда за этим вопросом следует другой: для чего он нужен, этот основной род занятий для человека, играющего на протяжении своей жизни десятки, сотни разнообразных ролей?

Очевидно: для человеческого сообщества. Когда каждый из его членов занят в совместном и вместе с тем разделенном труде, это и способ существования, и источник развития.

Для многих и многих людей профессия тоже, как и для общества, способ существования. Она приносит заработок, на который можно есть, пить, одеваться, растить детей. Профессия — это функция, которую мы выполняем в нашем трудовом сообществе, внося свой вклад в общую копилку, и получаем в зависимости от этого вклада свою долю общего дохода. Профессия — это то, что нас объединяет с другими людьми, делает нас нужными им.

Кажется, все просто. Но почему же мы испытываем такое мучительное волнение, когда на пороге окончания школы или немножечко раньше или гораздо позже ищем и продолжаем искать ответ на вопрос: кем быть? Но ведь есть многие, кто не испытывал и не испытывает этого волнения. Почему? Может быть, потому, что этот вопрос не кажется им главным? Помнится, герой пьесы В. Розова «В добрый час» заявил своим родителям: «Важно не кем я буду, а каким я буду!»

Фраза красивая, звонкая. Но всегда ли можно ответить на вопрос, каким я буду, вне зависимости от того, кем я буду? Разве профессия не накладывает на человека свои отпечатки? Разве гоголевского Акакия Акакиевича можно представить без его департамента? Порой профессия заставляет нас со многим мириться. Более того, что-то ломать, корезить внутри себя, втискивать многообразную человеческую сущность в одну роль, в одно занятие, в одну профессию. Ведь не только человек выбирает профессию, но и профессия выбирает его, упрощает, обламывает, отторгает. Разве не заметил выдающийся, тончайший человековед А. П. Чехов, что самыми равнодушными являются люди, имеющие дело с человеческими страданиями,— врачи и юристы? Но опять возникает вопрос: только ли профессия в этом виновата, или мы сами находим себе такое оправдание? Разве другого нарицательного героя — чеховского Ионыча — так уж трудно представить не врачом, а преуспевающим адвокатом, журналистом, официантом? Не мы ли сами загоняем свою индивидуальность в рамки профессии-функции? А может, она проявляется таким образом, твоя индивидуальность? И это опять вечные вопросы, потому что ответы на них можешь дать только ты сам. За тебя эти ответы никто не даст. Это вопросы и ответы твоей совести.

И потому так, наверное, мучителен выбор в 17 лет. По какой дороге идти? Да и можно ли этот выбор представить в виде плоской дороги? Эта дорога, как и вся жизнь, объемна, у нее много пластов, и первый начинается с вопроса: для чего, для кого ты

трудишься? «Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком» — так отвечал на этот вопрос 17-летний Карл Маркс в своем выпускном сочинении. А как отвечали на него лучшие учителя нашей школы?

Мы уже видели, что для многих народных учителей путь в школу, в профессию был не случаен. Влияние их школьных наставников было столь велико, что проблема выбора практически не вставала. Они не мыслили своего будущего вне продолжения дела своих учителей. Именно интересные, преданные своему делу учителя оказались для них путеводными звездами. Для искалеченного войной К. Н. Нургалиева проблема была в другом: как выстоять и в буквальном и в переносном смысле? Выбор м. А. Алексеева внутренне состоялся еще в детском Доме, в пионерских делах, когда он еще мальчиком учил грамоте взрослых односельчан. Т. И. Гончарова вопреки Доводам мамы рвалась в педагогическое училище, а Н. Н. Белоштентова следовала, наоборот, настояниям мамы неграмотной крестьянки, которая не верила в бога, о очень верила в учителей, не уставая повторять дочери восхищенное: «Так он же учитель!»

Конечно же, 40—60 лет назад престиж профессии учителя, как и образования в целом, был столь высок, что для многих выпускников сельских да и городских школ желание стать учителем рождалось как бы само собой. Оно было в атмосфере тех лет. И все же далеко не все выпускники шли в учителя: были и другие, не менее уважаемые профессии. По-настоящему увлечь учительской профессией мог только яркий, влюбляющий в свой труд учитель. Примеров уже приведено немало. Но вот еще один — из биографии белорусской учительницы Ольги Сысоевны Авраменко.

«... После изгнания фашистов Оля вернулась в школу с огромным желанием учиться. Школа по тем временам считалась лучшей в районе. Но не хватало преподавателей, книг, особенно художественной литературы. «Войну и мир» целиком удалось прочитать только в институте. Больше всех ей нравилась учительница белорусского языка Нина Савельевна Пашевич... Было тогда Нине Савельевне, ныне заслуженной учительнице БССР, всего 18 лет. Только-только закончив десятилетку, она сразу же стала преподавать — не хватало учителей. «Тоненькая, грациозная, красивая, очень хорошо читала стихи, вообще любила литературу», — вспоминает о ней Ольга Сысоевна. И еще главная, по мнению Ольги Сысоевны, черта: ровная, спокойная, тактичная. Тогда-то и решила Оля, что станет учителем, будет преподавать, как и Нина Савельевна, язык и литературу, и «хорошо бы стать такой, как Нина Савельевна...»

Так что сомнения «кем быть?» почти не было, если не считать очень небольших колебаний: родные сестры поступили в медицинский институт, агитировали поступать туда и Ольгу, интересно рассказывали о своей будущей профессии. Действительно, во врачевании людей заложены высокий смысл, огромная польза, да и с профессией учителя много общего... Но Ольга все же выбрала педагогический.

Только вряд ли сознавала тогда Ольга Сысоевна, какой это титанический труд — труд учителя. Вряд ли догадывалась, что не спала ночами Нина Савельевна, готовясь к урокам, выучивала стихи наизусть, чтобы детям на уроках было интересно, чтобы не догадались они, что знаний и опыта пока не хватает.

Ольга Сысоевна считает: ей повезло, что в жизни была Нина Савельевна. Многие годы они будут потом работать вместе, и всякий раз Ольга Сысоевна будет ощущать ее поддержку, ее неизменно доброжелательное отношение ко всем людям. Именно ее манеру доброжелательных и тактичных отношений с детьми усвоит Ольга Сысоевна, этот же стиль отношений выберет для себя и ее бывшая ученица, ныне молодая учительница русского языка и литературы все той же Уваровичской школы Валентина Константиновна Васильцова» (из материалов Л. Ф. Белашкиной).

Учитель передает не только знания, но и отношение к жизни, к ее ценностям. И поэтому не может не вызывать тревогу то, о чем писала на страницах «Учительской газеты» 16 марта 1985 г. ленинградская учительница М. Смусина:

«В девятом классе шла пресс-конференция. Ребята, ставшие на этот час представителями различных редакций, расспрашивали людей из будущего, вели диалог. Они, кстати, спросили своих собеседников, какими стали там, в будущем, отношения учителей и учеников. И ответ получили незамедлительный:

— У нас нет учителей, их заменили электронные обучающие устройства.

Поразил меня, нет, не ответ, а реакция на него. Вернее, полнейшее отсутствие реакции: никто и глазом не моргнул. То ли дело, когда пришельцы «отменили» спорт,— тут целая буря поднялась, все почувствовали себя кровно задетыми... Девятиклассников не интересовало, какие предметы станут изучать в XXV веке. Со святой младенческой безошибочностью они попали в самое главное и больное: отношения между учителем и учеником».

И далее М. Смусина весьма точно определяет сущность работы учителя: «Мы ведь учим не предмету (хоть и ему, конечно, тоже), мы учим детей своему отношению к предмету, к ним, сидящим в классе, жизни вообще. Учим и воспитываем собственными человеческими качествами, которые ребята определяют и оценивают быстро и почти всегда безошибочно».

Да, видимо, недалеко то время, когда обучающие электронно-вычислительные машины во многом заменят учителей, позволят разрешить неразрешимые пока проблемы индивидуализации обучения, его темпов, усвоения школьной программы на высоком уровне всеми учениками. Высвободится значительное количество времени, так не хватающего в сегодняшней школе. Но кто и чем заполнит это время? Чему будут служить возросшие возможности школы, обучения? Разве все это не будет зависеть от учителя, призванного вести детей за собой? Куда он их поведет? К физике, к математике, к правописанию безударных гласных? Да выдержит ли он в таком случае конкуренцию с компьютером? А может, что более вероятно в таком случае, станет рабом, придатком машины?

Но разве даже самая прекрасная ЭВМ новейшего поколения может пробудить совесть, великодушие, передать опыт человеческого взаимопонимания и поддержки, сочувствия и сострадания, борьбы с обстоятельствами, преодоления трудностей, в том числе и своей собственной трусости и косности, научить радоваться красоте, зажечь стремление к совершенствованию себя и жизни?! Только Человек может вырастить Человека.

Народным учителям повезло. Еще в школьные годы они встретились с учителями, понимавшими свою профессию как служение, миссию, воплощавшими в себе лучшие человеческие качества. Вот почему ученики выбрали педагогическое поприще, чтобы продолжить дело любимых учителей. Однако выбор был сделан не слепо, а сознательно, и точность его подтвердила вся последующая жизнь. Многие еще на школьной скамье попробовали себя в учительском или воспитательском деле. Жизнь в многодетных семьях также исподволь обогащала опытом общения, понимания, сотрудничества, так необходимых педагогу. Их призвание, готовность к педагогической деятельности проявились задолго до того, как они встали к учительскому столу. Вот эпизод из партизанской жизни Полины Георгиевны Лозиной.

«На одну из встреч с Полиной пришел комиссар отряда Михаил Тихонович Жигарев. Он сообщил, что гитлеровцы с помощью полицаев схватили детей партизан и в выпущенной листовке обещали освободить их лишь в том случае, если за ребятишками придут родители.

Было известно, что детей прячут где-то в бывшем райцентре Полне. Задание заключалось в том, чтобы точно установить местонахождение детей и помочь отряду освободить их.

Облачась в свою «походную» одежду, Полина отправилась в Полну — собирать милостыню. Обошла немало домов, но никаких следов маленьких заложников не обнаружила. Уже на окраине заметила у одного из домов часового. Но стоило ей приблизиться к дому, как солдат замахал руками, предупреждая, что туда входить нельзя. «Нищенка» заплакала, жестами показывая, что она голодная, хочет есть. Часовой сжалился и пропустил ее в дом. Именно здесь оказались дети партизан и с ними две женщины. Они покормили девушку, которая тем временем успела все приметить.

Сообщив командованию отряда о местонахождении детей, Полина затем дважды проникала в дом, чтобы предупредить о готовящемся освобождении женщин и подготовить детей, уговорить их, чтобы ночью, когда появятся партизаны, не возникло шума. Если женщины сразу поняли, что от них требуется, то с ребяташками пришлось немало поиграть и помянчиться, с каждым поговорить особо. И у будущей учительницы нашлись такие слова, которые дошли до ума и сердца всех десяти ребяташек.

Операция по спасению детей прошла успешно...» [26]. Конечно же, путь в профессию не был и не мог быть для всех одинаковым. И обстоятельства, повлиявшие на выбор, могут показаться и самыми невероятными, и самыми будничными. Но важно не только то, какие это были обстоятельства, но и то, что в них проявилось. А проявиться может только то, что было заложено природой, другими людьми.

Но бывало и так, что высота идеала и затрудняла выбор. Николай Семенович Борисов вспоминал: «О профессии учителя я не смел и мечтать. С тех пор как я впервые переступил порог школы, она, занимавшая тогда небольшое, тесное помещение, представлялась мне храмом, храмом науки, а учителя — ее жрецами, так много знающими и умеющими, что нам, ученикам, увы, не дано...» [24].

И неизвестно, стал бы покалеченный на войне молодой солдат учителем начальных классов, а потом и учителем географии, если бы поверить в себя не помогли опять-таки учителя. Только теперь не исподволь, подсознательно, пленяя своим образом, а вполне осознанно. Это они, и в частности А. П. Черненко, как помнит читатель, уговорили, убедили Н. С. Борисова идти работать в школу.

Нет, не у всех будущих народных учителей СССР путь в школу, в педагогику был простым и прямым. Просматривая скудные на информацию листки по учету кадров, хранящиеся в Министерстве просвещения СССР, нет-нет да и обнаружишь исключения. Вера Александровна Александрова — ныне директор и учитель химии и биологии Сергиевской средней школы Саратовской области — стала учителем сравнительно поздно, в 27 лет. После окончания школы работала и ткачихой, и агрономом, закончив сельскохозяйственный техникум и сельскохозяйственный институт в Саратове, а учителем стала в Кемеровской области, куда поехала работать вместе с мужем. В 1960 г. райком комсомола направил ее в одну из сельских школ. О чем же свидетельствует это исключение? Не будем пока торопиться с выводами. Послушаем Александра Васильевича Уляшева.

«Может, и думаю,— ответил Уляшев на мой вопрос, не думает ли он, что другая профессия пришлась бы ему в жизни больше по душе.— Я ведь всегда хотел стать инженером. Пожалуй, для себя я тогда бы полнее состоялся. А здесь получилось полнее для других. Что лучше?» [48].

«Полнее для других. Что лучше?» Думается, что Александр Васильевич всей своей жизнью уже дал ответ на этот вопрос. Но почему полнее для других — лучше? Что за этими тремя словами: полнее для других? Не проявление ли это чувства долга перед своим народом, перед его будущим, чувства, выраженного не в громких словах, а в деле, нужном людям?

Но откуда это чувство долга? Какими путями пришло оно к молодому солдату, которому только-только минул 21 год, когда вернулся он домой, навсегда оглушенный войной в переносном и самом прямом смысле — контузия. Только ли пережитые

человеческие и нечеловеческие страдания размягчили и одновременно закалили душу? А может, душа уже была готова к осознанию этого возвышающего ее чувства?

«Александр Васильевич Уляшеву не повезло на педвуз. По его словам, тамошняя педагогика была страшно далека от жизни. Вернувшись с фронта, он пошел работать в детский дом, куда были собраны разбросанные войной дети Коми, Карелии, Ленинграда, потом — в школу и не подозревал, что сделал свой выбор. Просто считал — так нужно. Кто из учителей служил для него примером? Пожалуй, не только учившие его Иона Васильевич Игнатов и Зинаида Евлогиевна Козлова, не только Антон Семенович Макаренко, чью «Педагогическую поэму» читали вслух всем коллективом, но и те учителя, память о которых бережно хранилась в истории села Помоздина.

Старожилы помнили Никона Алексеевича и Анисью Ивановну Старовских, прибывших в Помоздино в 1890 г. и отдавших школе 20 лучших лет своей жизни. Примерно в эти же годы в соседнем Деревянске оказался учитель Чевский, а в Усть-Ниме — Щекин. Молодые люди, горевшие желанием донести знания до глухого угла империи.

«Зырянин груб, упрям, недоверчив, но, кроме того, зачастую не понимает русского языка, а если и понимает, то настолько плохо, что с ним нет никакой возможности объясняться», — досадовал на народ коми в конце прошлого века литератор Александр Круглов. Но тот, кто желал объясниться, находил слова, даже если их было всего два. Указывая на предметы, учитель объяснял группке детей в классе: «Эсса (это) пол, эсса окно, эсса печь». И так повторял несколько раз, а потом, показывая на пол: «Шу-пол!» (то есть «Говори: пол!»). Дети кричали: «Пол!» Это было забавно. На другое утро они приводили приятелей, и урок продолжался. «Эсса?» — спрашивал учитель, указывая на доску, названия которой не знал. Теперь учился учитель...

Коми-ребята оказались смышленными учениками. Отцы и матери, которые поначалу отнеслись к приезжим настороженно, сдержанно улыбались. Учеников становилось больше, теперь они знали не только русские слова и цифры, но и Ломоносова, Пушкина и даже Фета, так опрометчиво написавшего: «К зырянам Тютчев не придет...» Высшее начальное училище открыли в 1915-м, несмотря на запрет царского министра Пуришкевича, того самого, которого В. И. Ленин едко назвал министром народного затемнения. Инспектором, по-нынешнему директором, прибыл выпускник учительской семинарии Н. И. Никитин, будущий академик-методист, автор учебника геометрии, по которому училось не одно поколение советских детей. Были уже и свои учителя. С 1910 г. учительствовал будущий народный поэт Тима Вень (Вениамин Чисталев), чье имя носит сейчас Помоздинская средняя школа.

После революции началась цепная реакция просветительства. Одновременно с коммунистическими ячейками открывались народные дома и избы-читальни, школьные опытнические поля опережали колхозные, молодые радиолюбители устанавливали двадцатиметровые столбы для радиоантенн, учителя биологии и географии сооружали метеорологические станции. Основоположники культуры коми — первые писатели, поэты, драматурги, критики, ученые, артисты, авторы коми букварей для детей и взрослых — выходили из учителей.

Тима Вень, преподававший в школе лесоустройство и литературу, учил детей творчеству. Они сочиняли, спорили, разбирали на уроках стихи и рассказы учителей, издавали рукописный журнал «Поросль», выращивали сады, ходили, как у Сухомлинского, на «уроки природы».

Роясь в архивах Помоздинского краеведческого музея, мы занялись арифметикой. По нашим подсчетам, более чем за полвека почти четверть (!) выпускников Помоздинской школы стали учителями.

Учитель А. В. Уляшева — Иона Васильевич Игнатов — показал мне сохранившиеся фотонегативы двухсот учителей и тридцати школьных директоров с начала века.

— Неужели все по призванию? — усомнился я, разглядывая черные лица на негативах.

У Ионы Васильевича лицо светлое, с необыкновенно синими глазами.

— Знаете, когда я в тридцать втором думал, куда идти, мне брат, он был председателем колхоза, говорит: «Ты, парень, собирайся на учебу...» А куда собираться?

Брат из учителей, мать, дядя — вот и выбирай...

Все без исключения пожилые учителя, с которыми мне довелось беседовать, стояли на своем: выбор случаен, просто поблизости не было других учебных заведений.

Иначе они наверняка стали математиками, географами, артистами, кораблестроителями... Но многие из тех, кто приходил им на смену, как А. В. Уляшев, повторяли ту же «ошибку». И было совершенно невозможно понять, где кончаются обстоятельства и начинается традиция» (из материалов А. М. Цирульникова).

Вероятно, теперь выбор В. А. Александровой и А. В. Уляшева не покажется таким уж исключением, случайностью, как и выбор Михаила Андрияновича Аверина — директора и учителя географии Заринской средней школы Кемеровской области. Он тоже стал учителем не сразу, в 24 года. А до этого, как и Н. М. Борисов, вернувшись с войны инвалидом в 19 лет, работал и киномехаником, и бухгалтером, и инженером по технике безопасности, пока не понял: жизнь вне школы не будет полной. Так кончились метания. И у этих людей, только по-особому, с запозданием, проявилось то, что скрыто в душе каждого учителя по призванию.

Призвание... В этом слове заключена радость открытия человеком наилучшего применения своему духовному строю, своим задаткам и способностям и открытия обществом человека, необходимого для большого и сложного дела. Призвание — это взаимооткрытие, основанное на знании.

Но призвание не вырастает на пустом месте. Оно подготовлено в данном случае всеми учителями учителей. И учителями в узком смысле этого слова — школьными наставниками, и учителями в самом широком смысле — теми, кто влияет на детей всем образом своей жизни.

«Мне на редкость везет,— сказала однажды Т. И. Гончарова.— Наше второе педагогическое училище было великолепное. Чему нас только там не учили! И шить, и вязать, и готовить, и играть на фортепьяно, и петь. Великолепная была самодеятельность! И плясали, и играли на сцене, режиссировали. Мы получили отличную профессиональную подготовку. Все, что нужно учительнице начальных классов. Правда, курс педагогики читался неважно, но недостаток теории компенсировался отличной практикой. Да и перед глазами мы каждый день видели отличных учителей. Елизавета Иннокентьевна Камер — классный руководитель — постоянно пеклась о нас, водила нас на экскурсии, интересовалась, что мы читаем. В училище я много читала. У нас в группе даже какое-то негласное соревнование возникло: кто больше прочтет».

Слушая Татьяну Ивановну, я думал о том, что она и сейчас, несмотря на занятость, болезни, много читает, ходит, ездит с ребятами на экскурсии, продолжая линию своих учителей из педучилища, как и они, незнакомые, но родные по духу, продолжали линию учителей семилетней сельской школы, учивших Таню Афонину сразу же после войны.

Да разве только в этом, внешнем, продолжение? Разве не отразилось в этих экскурсиях, в ворохе книг и журналов, читаемых со все той же духовной жадью, что-то гораздо более важное, существенное? Что? Забота о повышении «культурного уровня», как иногда пишут? Забота о детях, о своих будущих и настоящих учениках, о развитии их кругозора? Или то, о чем писал юный К. Маркс: «... человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников»? Может, в этом главная, магистральная линия, отразившаяся в воспоминаниях Татьяны Ивановны?

«В 1952 г. вышел на экраны фильм «Сельская учительница» Это самый лучший фильм об учителях. Сейчас почему то таких фильмов не ставят, разве что «Доживем до понедельника»... А это был серьезный фильм об учителе, серьезный и романтичный одновременно. После этого фильма мы всей группой решили, что работать поедем только в деревню. Ползали по карте, смотрели: где же наша деревня?..»

Таково, наверное, главное свойство молодости — романтическая приподнятость, жажда подвига. И произведение искусства кажется реальной основой для продолжения его идей в твоей жизни. Случайно это или нет, что о том же самом фильме, оказавшем на нее серьезное влияние, вспоминает и Надежда Николаевна Захарова — директор и учитель физики Никоновской средней школы Раменского района Московской области?

«Образ сельской учительницы для многих, наверное, связан с именем актрисы Веры Петровны Марецкой, и для меня тоже. Она создала такой запоминающийся, такой обаятельный образ сельской учительницы, что никакой другой и не видится. Чистая в помыслах, твердая в убеждениях, негибкая в испытаниях, простая и достойная в общении с людьми... Необыкновенная. Попробуй-ка быть такой!

Многое изменилось с того далекого времени. Нет теперь учителя-одиночки. Есть коллектив учителей сельской школы. Почти совсем исчезла бревенчатая изба— школьные здания теперь, как правило, не ниже двух этажей.

Но незыблемым осталось святое назначение школы — «сеять разумное, доброе, вечное» [33, с. 33].

Однако искусство искусством, а знания знаниями. Они учителю необходимы не меньше, чем романтический настрой души. Без них и этот настрой быстро исчезнет, и сеять разумное, доброе, вечное вряд ли будет возможно. Поэзия без прозы существовать не может Порой этой прозы бывает много, даже слишком много. Эта проза называется прозой жизни.

Народным учителям, особенно выпускникам сельских школ военных и послевоенных лет, а таких, как мы знаем, было большинство среди них, знаний не хватало. Они это чувствовали, понимали особенно остро, когда попадали в город. Тяга к знаниям была высока. Но не всегда учительские институты (педагогических вузов, дающих полное высшее образование, в те времена было немного) давали такое образование, какое бы им хотелось, какое было нужно для последующей работы. И это были лишь первые трудности на пути в профессию, первые испытания.

Конечно, трудности у каждого поколения бывают свои. Их очень нелегко сравнивать, как и запросы, потребности разных людей, тем более разных поколений. Неудовлетворенность — вещь субъективная. Но были всем понятные трудности студенческих лет. Годы студенчества— это не только годы учения, подготовки к работе в избранной уже профессии, но и годы увлечений и разочарований, поэзии и любви. А для многих и годы создания семьи, первых пеленок и радостной детской улыбки твоего ребенка, и его же первых слез и первых болячек и болезней. Годы тревог, надежд и сомнений: а как там пойдет дальнейшая жизнь? По накатанным рельсам? Или придется вырываться за пределы круга, очерченного обстоятельствами? Смогу ли? И опять приходится решать, выбирать, действовать.

В 1952 г. О. С. Авраменко поступила в Гомельский педагогический институт на отделение русского языка и литературы. «Нельзя сказать, чтобы институт дал нам очень многое... Дал, правда, возможность много читать. В институте была хорошая библиотека. Курс советской литературы читали хорошо. По русскому языку был требовательный преподаватель,— вспоминала Ольга Сысоевна.— Позднее нам очень помог руководитель школьной практики. Вообще уровень преподавания был средний. А вот методику обучения давали очень слабо: самые общие представления о структуре урока, и всё.

Не было тогда в институте, после войны, ни научных студенческих обществ, ни семинаров, ни лекториев. Когда я начала работать, сразу почувствовала нехватку психолого-педагогических знаний и методических» (из материалов Л. Ф. Белашкиной).

Как видим, не всегда начало пути в профессию было столь простым и ясным, как ее выбор. И чаще всего первые уроки приходилось не только давать, но и брать самому, учиться у книг, у ребят, у первых успехов и неудач.

ПОИСКИ И НАХОДКИ

А. М. Божко начал свой путь в педагогику за треть века до О. С. Авраменко. И не было у него института даже со средним уровнем преподавания: закончилась гражданская война. За плечами была только девятилетка с педагогическим уклоном, а впереди незнакомое село.

«Крепко запомнились Божко августовские дни 3923 г., когда он, 17-летний паренек, по комсомольской путевке приехал в село Матякино Камышенского района, чтобы стать учителем и избачом. Школы-то, собственно, еще и не было. Ее предстояло создать, как не было ни учебников, ни пособий, ни минимального опыта у юного педагога. Привез его в село заведующий уездным отделом народного образования.

Созвал председатель сельсовета сход. Стоят мужики, бабы. Лица серьезные, строгие. Молчат. Слово взял зав. уоно — за культуру агитировал. А они все молчат. «Граждане-товарищи,— говорит председатель,— надо детей учить».— «Надо!» — согласился народ. На том и порешили. Нашли избу. Деревенские умельцы сколотили столы, из домов скамьи притащили. Соорудили классную доску, окрасили какой-то самодельной краской из постного масла и кожуры лука. Писать можно. А мел сами ребята добывали — кругом меловые горы. Юный учитель привез с собой глобус, карту полушарий, угольник, циркуль.

Решили на сходе и вопрос о зарплате педагогу. Положили ему в год хлеба—15 пудов, тыквы — воз, арбузной патоки — ведро, подсолнечного масла — ведро. Так и начал комсомолец Божко свою педагогическую деятельность, ставшую его жизненным призванием.

— В те годы,— рассказывает Александр Михайлович,— собственно, я был для учеников единственным источником информации. Учебников не было, едва доходили до нас так называемые рассыпные учебники ГУСа — по существу затрепанные куски газет. Еле-еле по окрестным селам собрали несколько букварей. Так и учили.

Никогда не забуду наш первый учебный день. Ребятишки притихли, как-то сжались, стесняются. Тишина. А в глазах любопытство: что это, мол, за шутка такая — школа? Я рассказал детям, чему мы должны научиться, что понять. Как теперь помню, говорил: вот вырастут они большими, станут комсомольцами, будут грамотными людьми — и хозяйство сельское по-новому расцветет. Потом пошли мы все за село, к любимому ребятам оврагу. Затеяли игры. Я привез с собой мяч — они его до тех пор никогда и не видели. Стал учить играть в лапту. А сам наблюдаю за детишками, прикидываю, кто как себя в учебе проявит, кто пошустрее, посмекалистее» [77].

Конечно же условия работы в школе в те годы резко отличались от условий нынешних или даже тех, что были 30 лет назад. Учить детей тогда было в чем-то сложнее: даже доска в классе была самодельная и учебники «рассыпные», которых на всех не хватало, а в чем-то и проще: для детей и учитель, и школа, и учение были в диковинку, казалось, что за знаниями сами собой придут коренные преобразования в жизни. Дети тянулись к учителям, а учительский авторитет был неизмеримо высок.

Но удивляет не это. Удивляет, что в разные времена, в разных условиях народные учителя не замыкались в рамках школы, не были только давателями знаний строго по программе, они с первых своих шагов становились воспитателями, учителями в самом высоком и емком смысле этого слова. Работа их не делилась на урочную и внеурочную, они жили ею и сами были организаторами новой жизни.

Ровно 30 лет разделяют первые уроки А. М. Божко и Т. И. Гончаровой. Но сколько между ними сходства.

В 1953 г. Т. И. Гончарова закончила педагогическое училище. В деревню решились поехать только три девушки. Они выбрали Дальний Восток. В Хабаровском крайоне встретили неприветливо: «И куда вас, девочки, несет! Можем предложить места только на Камчатке и Чукотке». Подружки, как только услышали эти слова, приуныли, а Танины глаза при упоминании о Камчатке тут же загорелись: «Едем, это сказочная страна!»

Пароход преодолел бурное Охотское море только к середине сентября. В Усть-Большерецком роно распределили по школам. Ее назначили заведующей и учителем большерецкой начальной школы № 18, в которой уже давно не было учителя.

Большерецкая школа хоть и имела № 18, но была не в самом Усть-Большерецке и не в Большерецке, а на Рыббазе № 5, что находилась всего лишь... в 150 километрах от райцентра.

Через два дня путешествия по тундре ее встретило обшарпанное, с застоявшимся кислым запахом, больше похожее на сарай здание школы, непривычная, голая тундра, где нет ни одного деревца. Встретили и недоверчивые, насмешливые, частенько залитые спиртным глаза рыбаков: «И чего притащилась сюда, на край земли, эта девица-красавица аж из самого Ленинграда?!».

13—16-летние переростки не очень-то стремились в школу. Пришлось ходить по домам, упрашивать, уговаривать, умолять. Собрала. Но в школе ни учебников, ни тетрадей, ни книг. Что делать? Как учить? Сориентировалась быстро. Закрыла только что вымытую ею школу на амок и отправилась назад — к начальству, к директору Большерецкой средней школы.

Дошла за день. И сразу же ультиматум: «Никуда не уйду, пока не дадите учебники, тетради, письменные принадлежности!»

— Ты откуда взялась? Пешком что ли пришла?

— Пешком.

— Раз пешком, придется дать. Сколько же тебе дать?

— Сколько унесу.

Директор не поспешил, и нести пришлось с провожатым.

Снова собрала учеников. «Многие на голову выше меня,— вспоминала Татьяна Ивановна,— кому 12, кому 16, а Олегу Торохову уже 17, а мне только в ноябре 19 будет... Пробую их чему-то научить — и ничего не получается. Смеются, разговаривают. Их хоть и всего-то 18 учеников, ничего сделать не могу. День так проходит, другой... Я и плакать пробовала, про себя, конечно. Кричать на них не кричала. Не умела, да и видела: бесполезно.

И вот как-то утром пришли в класс, и опять то же самое. А я с отчаяния вместо урока сама себе стала сказку рассказывать. Смотрю: слушают, даже рты раскрыли! Я сказку рассказала, а потом начала урок. А они все слушали. Так они у меня учиться стали».

Тогда-то, наверное, родился один из любопытных педагогических приемов Т. И. Гончаровой — начинать урок с чего-то неожиданного, будь то взволновавшая тебя статья или неожиданный поступок ученика, начинать с того, что волнует тебя, а следовательно, должно волновать и учеников, помочь им после шумной перемены настроиться как бы на одну волну с тобой.

Но ее ждали и другие испытания. Крупа, которую дала в дорогу мама, вскоре кончилась. Надо было где-то доставать продукты. Пошла к заведующему складом. Тому приглянулась молоденькая учительница. И он без затей предложил стать его «женой». А пока не согласится, продуктов не даст.

Начались дни голода. За голодом пришла цинга, начали шататься передние зубы. Ребята, конечно же, заметили, что их худенькая учительница стала совсем прозрачной. И после уроков оставляли в партах ломти хлеба.

Через несколько дней она поняла, что это не случайность, и, поблагодарив ребят, не удержалась от слез. Мальчишки стали допытываться, почему она голодает.

Учительница, уставшая носить обиду в одиночестве, все рассказала. Вечером парни «поговорили» с завкладом по-свойски, так, что вскоре он уволился и уехал.

А Татьяна Ивановна вывела для себя, наверное, другое педагогическое правило: делить с ребятами и радости, и горе, не бояться находить в них помощников в любом деле.

Помнит она и первые радости. После того удачного урока было решено поставить на клубной сцене сказку. Клуб приводили в порядок и учительница, и ученики.

К 36-й годовщине Октября вместе с «Золушкой» в поселок Рыббазы № 5 пришло и чудо театра. Такому успеху у рыбаков мог бы позавидовать любой актер, любой театр. Зрителей радовал и преображенный клуб, и игра своих актеров, и декорации, и костюмы. Все как в настоящем театре! (На костюмы она истратила большую часть своей зарплаты, показавшейся ей слишком большой: накупила дешевой ткани, а шили ребята сами.) По окончании спектакля на сцену выскочил старый рыбак Поскуриков, обнял при всех, радостно вопя: «Артисточка ты моя! Артисточка!» Со сцены ее выносили на руках и родители, и дети.

После этого исторического события в жизни Рыббазы № 5 двери всех домов в поселке были для нее открыты. Она стала самым желанным гостем на любом празднике. К ее слову прислушивались теперь и взрослые.

С этого спектакля начались традиционные театральные вечера, которые станут непременным элементом методической системы Т. И. Гончаровой, помогая увлечь ребят не только историей, которую она начала преподавать уже в Ленинграде, но и литературой, искусством, человековедением. Вечера — это еще и праздник, который творится каждым и всеми вместе на радость себе и другим людям.

А вот А. М. Божко пришлось начинать с другого: надо было решать проблему ликвидации неграмотности. Тогда, в 1923-м, на одного человека, умеющего читать и писать, приходилось двое, которые этого не умели. А в «свободное время» приходилось заниматься другими делами. «Два года проучительствовал Александр Божко в Митякинской школе. Днем учил детей, вечером — взрослых» [77].

И все же «театры» тоже были! Было искусство, которое помогало и ликвидации неграмотности, и единению людей.

«...В 1929 г. он закончил педагогический факультет Саратовского университета. Был оставлен при кафедре педагогики как проявивший склонность к теоретической работе. Но... Через два года, когда закончил аспирантуру, стал инспектором-методистом... Особенно долго он был связан с Калмыцкой областью, которая входила тогда в Нижне-Волжский край с центром в г. Саратове... Революция освободила калмыцкий народ от власти богатых. Но народ жил в такой темноте, что не все осознали сразу смысл свершившегося. Иной калмык-батрак доводился родней богатому и видел в нем прежде всего родственника, как тот ни эксплуатировал его...

Серьезным препятствием распространению образования был и кочевой образ жизни. Если детей еще можно было удержать при школе, которая строилась вместе с общежитием, то ликвидировать неграмотность было чрезвычайно трудно. Да и детей родители оставляли в школе лишь в самые холодные месяцы... Александр Михайлович ел со всеми шулюн, сидел на уроке, рассказывал политические новости, вечером подпевал, когда собирались все вокруг костра. Уезжая, посоветовал Бате (Бадмаеву, учителю. — В. Х.): «Люди петь любят, организуй самодеятельность. Это объединяет людей. Несколько случаев знаю: бегали парни от занятий, а как стали петь на уроках, сами пришли и в занятия втянулись» [16, с. 178—187].

В 1953 г. ликвидировать неграмотность уже не приходилось. Но и Т. И. Гончарова, и А. М. Божко решали в сущности одну и ту же проблему, проблему духовного обогащения жизни. Не все сразу получалось. Нужно было не только учиться учить и взрослых, и детей, но и не отчаиваться от первых неудач. Однажды на районном конкурсе самодеятельности директор Большерецкой школы заявил Татьяне Ивановне: «Все

пляшешь? А когда же ты ребят учишь? Два дня на дорогу сюда, два — обратно, да еще день здесь... Почти целая неделя! Надо посмотреть твои уроки. Жди, скоро приеду».

Уроки ему показались хорошими. «Но когда в конце учебного года привезла ребят к нему в школу на экзамен,— вспоминает Татьяна Ивановна,— поняла, что не научила их за первый год ни писать, ни решать задачи как следует... Вызвали меня на поселковый Совет. Поговорили... Плакала я долго, а потом решила: буду с утра до ночи и «плясать», и учить».

И учила. Больше поселковому Совету не приходилось разбирать ее работу. «После первого года работы отношение ко мне, как к учителю и человеку, было в поселке идеальное,— рассказывает Татьяна Ивановна. — А после второго года, когда все ученики сдали переводные экзамены хорошо, я окончательно поняла, что сделала правильный выбор. Появилось желание работать еще лучше».

Увлеченно рассказывая о трех годах, проработанных на Камчатке, Т. И. Гончарова забыла упомянуть, что через год с небольшим она была избрана депутатом Усть-Большерецкого районного Совета. А может быть, и не случайно забыла? Она всегда была «службой народа», Народа и детского, и взрослого с первых шагов своей учительской карьеры. Да разве только она? Разве только в селе или на далекой Камчатке народные учителя начинали со служения народу, со служения детству? Для подлинного учителя его работа всегда служение. Разве не об этом свидетельствуют воспоминания о начале пути З.С. Журавлевой?

«— Боишься? Первоклашек все боятся...

Зина отрицательно махнула головой. Говорить она не могла: в горле застрял комок, во рту пересохло.

— Ладно,— Матрена Григорьевна (пожилая учительница.— В. Х.) сочувственно улыбнулась,— даю тебе еще пять минут. А потом — в класс. Это лучшее лекарство для робких душ.

Так вместе они и предстали перед малышами.

— Дети,— сказала Матрена Григорьевна,— познакомьтесь с Зинаидой Степановной — вашей первой учительницей.

Как давно это было? За 30 лет, казалось, могли бы и стереться в памяти подробности. Но нет, стоит перед глазами и первый урок, и финал того рабочего дня. «Получается!» — звенело в голове, когда во дворе школы долго прощалась с ребяташками. А они доверчиво жались к ней и сыпали бесконечными вопросами: «А что завтра будет?», «Можно в класс приносить куклу?», «А рисовать будем?» Получается... Какое счастье!

В тот день они еще долго беседовали в учительской.

— Робость проходит быстро,— наставляла Матрена Григорьевна.— Это я по себе знаю. Плохо, если на смену ей придут зазнайство и равнодушие. Равнодушие в нашем деле что ржавчина — медленно, но верно разъедает души учителя и детей. Неравнодушный — значит человеческий.

Это, Зина, наша с тобой рабочая формула.

И она старалась помнить об этой простой и емкой формуле всегда. Однажды, когда уже вела старшие классы, разразился скандал. Все началось с того, что пятиклассник Сережа Шуманенко бросил в лужу возле школы банку с карбидом. Грохнул взрыв, едва не сорвались занятия. Мальчишку решили исключить, о чем и сообщили провинившемуся, его родителям и, естественно, всем педагогам. Но на другой день Сергей все-таки пришел в школу. Почему-то он заглянул в класс именно во время урока Журавлевой. И та разрешила изгнаннику занять свое место за партой. Кое-кто, включая директора школы, истолковал это как вызов администрации, педсовету и даже всему коллективу.

— А если он взорвет учительскую? — наступали на нее.— Что тогда?

— А если не взорвет? — упорствовала Зина.— Если мальчишка огорчен случившимся не меньше нас с вами?

— Это Шуманенко-то? Ну, знаете... Вы-то сами за него поручиться можете?

— Это я и хочу сделать,— сказала и почувствовала, что стала уважать себя больше. Сергей ее не подвел...» [49, с. 55—56].

Начало пути — это всегда преодоление. Преодоление робости перед первыми учениками, преодоление первых промахов и неудач, первого головокружения от успеха и неуверенности в себе. Но будущие народные учителя были подготовлены к этим преодолениям всей своей предшествующей жизнью. Они учились не только на победах, но и на своих ошибках. Прочитаем рассказ о начале пути Исрафаила Худавердиевича Шукюрова — учителя азербайджанского языка и литературы Дидиварской средней школы Нахичеванской АССР.

«...Давно это было. Он готовился к открытому уроку, ожидая гостей из района. Все, казалось, продумал до мелочей. Но в разгар урока, когда разговор зашел об одном из произведений азербайджанского писателя Ахундова, ученик вдруг задал вопрос о персонаже второстепенном, незначительном, о котором учитель вполне мог и не помнить. В глазах мальчишки прыгали озорные огоньки. Что это? Детская шалость или осознанный подвох педагогу?..

Ничем не выдал он своего волнения, подробно ответив ученику... Но запомнил на всю жизнь — учитель должен готовиться к уроку так, чтобы знать много больше, чем положено по плану, чтобы, слушая его, воспитанники удивлялись, «сколько же знает наш учитель!», и мечтали когда-нибудь достичь наставника в его познании...

Бывали, конечно, в его практике ситуации и посложнее. Горе педагогу, если он не искренен, если позволяет себе отмахнуться или слукавить, когда ребенок задает жизненно важный для него вопрос. Однажды ученик поднял руку: «Вот вы все говорите правильно, а в жизни все по-другому. Наш сосед хвалится, что школу еле-еле закончил, а теперь завскладом работает, люди к нему с поклоном идут, машина у него, дом большой... Говорит, что главное в жизни уметь устроиться...»

Что тут ответишь? «Помню, отложил я тогда журнал в сторону и стали мы беседовать о жизни,— рассказывает Шукюров.— Вспомнил я тогда и героев наших классиков Сулеймена Рахимова, Мирзы Ибрагимова, для которых честность, порядочность, принципиальность были сутью бытия, и свою жизнь вспомнил. Нет, не искал я окольных Дорожек» [51].

Первые уроки... Готовим ли мы к ним сегодняшних выпускников педагогических училищ и вузов? Нет, не к тому, что говорить на этих уроках согласно учебным программам и планам. С этим все обстоит относительно благополучно. Учим ли действовать вот в таких непредвиденных ситуациях, которые не может предусмотреть ни одна предусмотрительная программа? Готовят ли к первым урокам молодых, начинающих учителей их старшие коллеги, завучи, директора и готовятся ли к ним сами, хотя бы тем, как распределяют нагрузку, классы? Ведь одно дело войти в первый раз к четырех-пятиклассникам, и совсем другое — к восьмиклассникам. Да и мало войти в класс, надо суметь остаться в нем, остаться с ним. А это значит стать другом, товарищем и одновременно лидером, вождем этих рослых ребят, еще не ставших взрослыми. Для того чтобы завладеть их умами и сердцами, надо уметь и удивлять и восхищать, и удивляться и восхищаться, надо уметь быть и интересным, и искренним. Готовят ли к этому начинающих учителей? Готовятся ли они к этому сами? Тут репетиции не помогут, и подготовка к одному уроку — тоже. К этому готовятся всем образом жизни, постоянно, изо дня в день.

А сколько мелких неприятностей поджидает в школе бывшего студента? То журнал забыл, то заговорился с ребятами и не успел отвести пятиклассников на завтраки, то не запомнил график контрольных работ или еще какую бумажку. И к этим мини-неприятностям, мини-испытаниям школьной жизни тоже надо быть готовым.

От того, что и как преодолевает учитель в начале пути, зависит и то, как сложится его учительская дорога дальше. Пойдет ли он вверх или, так и не достигнув радостных

вершин, останется вечным подмастерьем, а когда устанет (а в учительском деле идти под гору тяжелее, чем в гору), как спасительный парус поднимет заявление об уходе...

В школе, как, наверное, и везде, простого преодоления трудностей мало, надо уметь понять и найти главное — на что ты должен положить свои силы.

Любое преодоление всегда легче, если рядом с тобой люди: твои ученики, их родители, старшие и более молодые коллеги. Так было у Т. И. Гончаровой, у З. С. Журавлевой, у Н. Н. Белоштентовой и у многих других народных учителей.

По окончании института в 1950 г. Н. Н. Белоштентова 20-летней девушкой была направлена в Орловский район Ростовской области, в котором и работает до сего дня. Ее как одного из немногих специалистов с неполным высшим образованием сразу же назначили директором семилетней школы. Школа эта находилась в одном из самых дальних и самых бедных колхозов. До райцентра было 100 с лишним километров, а автобусы тогда не ходили и асфальта не было.

Трудностей от встречи со своими первыми учениками в седьмом классе па уроке Конституции СССР она не испытала. Хотя многие из них были переростками и выглядели особенно внушительно в сравнении со своей маленькой, молоденькой учительницей. Сельские ребята, видимо, уважали директора вне зависимости от возраста и роста. Намного труднее складывались отношения с учителями, которые были гораздо старше Нины Николаевны. А она, с детства привыкшая уважать учителей, робела перед ними. Так же недоверчиво отнесся к новому директору школы председатель колхоза. И когда в конце августа Нина Николаевна, составив план необходимых работ по ремонту парт, пришла в правление и положила на стол председателя список, тот удивленно взглянул на нее:

— Тебе что надо?

— Вот список того, что нужно для ремонта школы.

— Для школы?!..— удивленно протянул председатель, возвышаясь могучей громадой из-за стола своего кабинета.— Для школы... Ну, тогда пойдешь закрой дверь...

Нина Николаевна вернулась к двери и стала закрывать ее.

— Да не с этой, а с той стороны,— «уточнил» председатель, нисколько не смущаясь присутствием людей, собравшихся в правлении в тот утренний час.

Залившись краской стыда от нанесенного оскорбления, 20-летний директор школы бросилась домой. Добежав до дома учителей, где в одной из комнат стояла ее койка, она упала на нее и разрыдалась. На плач пришли соседи, тоже учителя, и, расспросив в чем дело, стали искать выход. На другой день Нину Николаевну позвал к себе зоотехник колхоза, и они вдвоем отправились к председателю. «Разговаривал» он с новенькой директрисой, обращаясь к ней только через зоотехника: «Скажи ты ей, нет, нет у меня белой краски...» Но выделил и краску, и доски, и плотника, и к 1 сентября школа была приведена в порядок.

С учениками дружеские отношения установились быстро. Сказывалась и небольшая разница в возрасте, и то, что новоиспеченный директор школы, не чинясь и не чванясь, развернула в школе художественную самодеятельность. Своими огненными танцами и стихами Нина Николаевна зажигала ребят, готовя с ними, а потом и с Родителями один за другим концерты для хуторян. Вскоре школа стала лауреатом районного смотра художественной самодеятельности. И когда на одном из совещаний председателя стали упрекать в том, что колхоз отстает по всем показателям, тот, нисколько не задумываясь, парировал: «Почему же по всем? По самодеятельности мы первые!»

Но некоторые пожилые учителя остерегали молодого Директора:

— Ты подрываешь авторитет своими танцульками.

— Ваш я не подрываю, а своего у меня пока нет, и подрывать нечего,— ответила Нина Николаевна.

Н. Н. Белоштентова и Т. И. Гончарова до того, как были они удостоены звания народного учителя СССР, никогда не встречались друг с другом, более того, начинали работать за тысячи километров друг от друга. Но как много в их воспоминаниях об этом времени совпадает! Память сохранила и сдержанность, недоверчивость сельчан при первой встрече, и первые неприятности, первые слезы после столкновения с грубыми, черствыми душами, и то, как обретали они первых своих помощников и союзников. Немалую роль сыграли в этом театр, художественная самодеятельность. Любовь к искусству они переняли тоже у своих учителей.

Еще древние греки называли театр школой для взрослых. Но только ли для взрослых? Школа театра необходима всем: взрослым и детям, учителям и ученикам.

Театр, утверждая наши идеалы воспитания, учит ответственности, коллективизму.

За школьной партой бывает трудно почувствовать, как это «один за всех, все за одного», а в театральной деятельности это ощущается на каждом шагу: опоздал на репетицию — опаздывают все, неудача одного — неудача всего спектакля, неудача всегда и успех может быть только общим.

Театр — это постоянная работа не только для себя, но и для людей, для зрителей. В этом его гуманизм, его просветительская миссия.

Театр — это не только игра, но и труд, причем творческий, увлекательный, дающий возможность наглядно увидеть его результаты, организовать коллективную, взаимо-обогащающую жизнь класса, всей школы, тем более если она небольшая, сельская. Создание декораций и шитье костюмов, изготовление светового и звукового оформления, актерская игра и режиссура — разве это не дело, через которое можно почувствовать общественную значимость своего труда, испытать людскую благодарность?

Не случайно А. С. Макаренко и его колонисты ставили спектакли для всей округи еженедельно! Каждую неделю новый спектакль! После напряженной работы в полях, саду на фермах, в конюшне, учебных занятий в школе в конце каждой недели приходило чудо театра, которое творили вместе и воспитатели, и воспитанники.

Об эстетическом значении театра говорить не приходится. Театр — это всегда поиск и утверждение красоты.

Но пожалуй, особенно важно, что деятельность в роли актера, режиссера и даже зрителя приучает наблюдать, сравнивать, анализировать, смотреть на себя со стороны, глазами других, давать оценки и самооценки. А ведь с этого и начинается самовоспитание, которое, в сущности, есть и начало, и результат подлинного воспитания. С помощью театра создается тот внутренний двигатель, который и позволяет человеку развиваться всю жизнь. Театр приучает к работе души.

Вот почему многие из народных учителей еще в ранней юности были увлечены театром, художественной самодеятельностью. Не только Т. И. Гончарова, Н. Н. Белоштентова и Ю. В. Черненко, но и Галина Львовна Королева — учительница русского языка и литературы из средней школы № 182 г. Горького, и Маргарита Николаевна Сивцова — учительница математики из средней школы № 36 г. Читы.

Конечно же, декламацию, драматизацию, постановку целых спектаклей в своей работе с детьми используют прежде всего учителя, преподающие язык и литературу. Так, учительница русского языка и литературы Шашикманской восьмилетней школы Горно-Алтайской автономной области Юлия Максимовна Ойноктинова ведет кружок выразительного чтения, организует тематические вечера, устные журналы, в которых не последнюю роль играет сценическое искусство. Преподаватель марийского языка и литературы Оршанского педагогического училища Марийской АССР Петр Емельянович Емельянов руководит в училище драматическим театром. Литературный театр работает и в школе, которую возглавляет Антон Петрович Полехин.

Но народных учителей, увлеченных сценическим искусством, трудно делить на физиков и лириков. До сих пор играет на сцене Дома культуры А. В. Уляшев, учитель математики, увлекающий своим примером других учителей Помоздинской средней школы.

Физик Н. Н. Дубинин, как только пришел в 1961 г. в среднюю школу-интернат № 2 г. Владивостока, организовал драматический театр и стал в нем ведущим актером. По его инициативе в интернате создан и хор, знаменитый на весь Дальний Восток.

«Сегодня в школе-интернате все — от мала до велика — увлечены своим театром. Пожалуй, нет никого, кто бы хоть раз не вышел на сцену, пусть в самой маленькой роли. Его организатор и режиссер Людмила Вениаминовна Васильченко, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, вспоминает, какую большую помощь оказал ей Николай Николаевич. Был одним из активнейших артистов. Мало того, даже юмористическую пьесу написал — «Урок физики». Может, его пример и оказался таким заразительным» [50, с. 200].

Далеко не всегда учитель, а уж тем более директор, Оберегая свое время, а чаще авторитет, согласится выйти с ребятами на сцену, играть вместе с ними — не солидно! Смешные люди. Авторитет только в таких совместных делах и обретается. А еще обретается доверие, понимание друг друга, знание жизни, стремление к прекрасному. Искусство обогащает всех: и взрослых, и детей.

В средней школе № 51 г. Комсомольска-на-Амуре, которой руководит Нина Федоровна Рожко, создана детская опера «Амурчонок». На всю Эстонию знаменит школьный духовой оркестр первой категории из Пылтсамааской средней школы, которую возглавляет Калью Паулович Терас. А в средней школе-интернате № 2 г. Андропова под руководством Юрия Сергеевича Кашкина работает не только известная даже за пределами СССР станция юных техников, но и музыкальная школа, хор, духовой оркестр, балетная студия.

Сценическое искусство, принося радость и пользу взрослым и детям, изменяя окружающую жизнь, несомненно, способствует укреплению дружбы, доверия между учениками и учителями. Оно сыграло свою неоценимую роль и в росте профессионального мастерства народных учителей СССР. Ведь главным инструментом педагогической техники учителя был и остается он сам: его слово, жест, мимика, умение держаться на людях, контролировать себя.

Театр был и остается верным помощником и учителем учителя. И конечно, жаль, что обучение сценическому искусству для многих народных учителей складывалось стихийно: 30—40 лет назад для этого не было условий. Но еще более прискорбно, что сценическое искусство, и прежде всего драматическое, до сих пор отсутствует в программах многих педагогических вузов. Опыт выдающихся учителей страны убеждает, что театр помогает подниматься к вершинам мастерства.

УЧИТЬСЯ, УЧИТЬСЯ И УЧИТЬСЯ

Когда истек срок договора, за плечами Т. И. Гончаровой были не только три года педагогического стажа на далекой Камчатке, но и три, может быть, самых главных урока в ее учительской биографии. Но хотелось, очень хотелось учиться дальше.

Вернувшись в Ленинград, она в том же, 1956 году приблизилась к осуществлению своей мечты — стать учителем истории. Экзамены сдала на вечернее, а не на дневное отделение исторического факультета ЛГПИ имени А. И. Герцена. Не хотела сидеть «на маминой шее», да и тянуло в школу, к детям.

В Ленинграде ее ждала не менее трудная и увлекательная работа. Она была принята учителем начальных классов в школу-интернат № 2 Московского района (с этим районом практически связана вся ее последующая жизнь). Интернат был одним из первых, только что образованных в городе.

Начав работать во втором классе, Т. И. Гончарова обнаружила, что многие из ее новых учеников как бы и не учились вовсе, да и дисциплина была хуже некуда. Как-то в сердцах она со звоном ударила линейкой по парте: «Тихо!» В классе стало действительно тихо. Потом она не раз прибегала к этому «педагогическому» приему. Дисциплина стала вроде бы налаживаться...

Вскоре на урок пришел директор. Урок ему понравился, дисциплина тоже. Но разговорившись с ребятами на перемене, узнал, каким путем молодая учительница добивается ее. То, что директор сказал ей тогда, Татьяна Ивановна помнит до сих пор. «Мне было стыдно, мучительно стыдно», — вспоминает она.

По-настоящему материнское чувство она постигла позже, когда стала растить своих собственных детей, но вся атмосфера интерната была пронизана заботой, чуткостью и вниманием к воспитанникам. «В интернате все для нас делалось, — рассказывала одна из его воспитанниц. — В спальнях уют и чистота. Обедали на белоснежных скатертях, готовили прекрасно. Девочкам, почему-то это особенно помню, покупали даже лакированные туфли... Я мечтала стать художницей. Использовала любую возможность, чтобы взяться за карандаш или кисть. На уроках, случалось, тоже увлеченно рисовала, рисовала на русском, рисовала на математике. Татьяна Ивановна делала вид, что не замечает. Как-то после уроков, это было в конце четвертого класса, мы уже кончали начальную школу, Татьяна Ивановна вышла из класса, а мы, несколько девочек, подошли к ее столу. Там лежали написанные на нас характеристики. Она на каждого писала характеристику для будущих учителей. Каждый бросился смотреть свою. В своей я прочитала: «Девочка чуткая к природе, хорошо рисует. Прошу обратить внимание». И все, И никаких слов о том, что я плохо училась, вела себя неважно. Она всегда старалась видеть в нас лучшее» — так вспоминает свою учительницу Т. М. Драницина, выпускница Академии художеств СССР, ныне член Союза художников.

Вспоминает она и занятия музыкой и танцами, выступления в школе и на предприятиях города, и исторический кружок, в котором изучалась история Ленинграда не за партами, а на улицах и в музеях, и свой первый в жизни читательский билет в Публичную библиотеку имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. «Это все Татьяна Ивановна. Это она добилась для нас, второклассников, разрешения пользоваться такой библиотекой, дабы приохотить нас к чтению. Татьяна Ивановна — идеал учителя. Красивый человек, она умеет и жизнь вокруг себя делать красивой», — говорит Т. М. Драницина.

Только не знала она тогда, что красота давалась непросто, что все эти годы Татьяна Ивановна продолжала учиться, вышла замуж, родила и растила дочь и в 1962 г. закончила институт.

Но так было у многих других народных учителей: работать и учиться приходилось одновременно. Н. С. Борисов в 1946 г. сдал экзамены экстерном за курс педагогического училища. «В 1949 г. Николай Семенович поступил на географический факультет заочного отделения Куйбышевского пединститута и в том же году стал преподавать в школе географию. И это было нелегко — вести курс, вернее, несколько курсов — физической и экономической географии Советского Союза и зарубежных стран — и одновременно заочно учиться в институте. Но Николай Семенович успешно совмещал то и другое. Серьезная подготовка к урокам с использованием помимо учебников научной и методической литературы облегчала освоение вузовского курса. Знания же, получаемые на геофаке, пополняли научный багаж учителя, позволяли совершенствовать преподавание» [24].

Заочно училась и П. Г. Лозина: закончила Псковское педагогическое училище, а потом исторический факультет педагогического института. Так же учился и другой фронтовик, инвалид войны К. Н. Нургалиев.

«Чем глубже он вникал в педагогическую работу, тем больше ощущал необходимость учиться. После тщательной двухлетней подготовки, выдержав вступительные экзамены, поступил на исторический факультет заочного отделения Пединститута имени Абая в Алма-Ате. Одновременно на факультет казахского языка и литературы поступила его жена.

Это было нелегко — совмещать учебу и работу, тем более что в семье появились дети, требовавшие внимания и времени родителей. Кумаш Нургалиевич, как он выражается, жил по «режиму Сухомлинского»: вставал в 5 утра, работал над собой, затем

шел в школу и вечером, после занятий и классных мероприятий, снова садился за книги. Педагогический институт закончил в срок, получив диплом с отличием» [25].

Одновременно работали и учились не только фронтовики, но и более молодые учителя. Андижанское педагогическое училище и Ферганский педагогический институт заочно закончил учитель начальных классов средней школы № 41 Московского района Андижанской области Мамаджан Абдурасулов; учитель географии и директор Цвеленевской средней школы Орловской области Елена Андреевна Артюхова в 1950 г. получила диплом Орловского учительского института, в 1964 г.— Курского педагогического; учитель географии и директор Пановской средней школы Омской области Николай Андреевич Чернышев также заочно закончил в 1955 г. Омское педагогическое училище, а в 1966 г. (в 36 лет!) — Омский педагогический институт.

Путь к мастерству был нелегким. Для того чтобы так учиться, нужна воля, огромная работоспособность, самостоятельность, высокая степень самоорганизации. Вот тут-то, наверное, тоже пригодились упорство, умение работать на пределе, полученные в детстве, в нелегкой юности. Был и другой путь — дневное обучение, но даже фронтовики, имевшие льготы, выбирали иной, без отрыва от школы. Список народных учителей СССР из разных республик, краев и областей нашей страны, получивших высшее образование в 30 и в 40 лет, мог бы оказаться очень большим. Достаточно сказать, что две трети из их числа (точнее, 67,8%) учились заочно.

Конечно же, тут нельзя не сказать о тяжелых условиях послевоенных лет, когда чаще всего надо было думать о работе, о семье в первую очередь, а о дипломе, свидетельствующем о высшем образовании,— во вторую. Да и большинство педагогических учебных заведений в те времена давали неполное высшее образование, были учительскими институтами. И все же нельзя не обратить внимание на роль заочного образования в становлении педагогического опыта народных учителей СССР. Теоретическая подготовка, точнее, совершенствование в теории не было отделено от практики временем, шло одновременно, хотя, конечно же, ценой больших усилий со стороны учителей. Но больше всего в этом проявилась потребность учиться постоянно, совершенствовать свое мастерство, применяя полученные знания в деле, поверяя теорию практикой. Как можно быстрее включиться в жизнь школы стремились и те, кто учился на дневных отделениях педвузов, как это сделал Г. Б. Кобахидзе еще в начале 30-х годов.

«... Книжных знаний ему было мало. И дотошный студент стал все чаще напрашиваться в помощники к преподавателям, на чьем попечении были университетские лаборатории, чтобы освоить все те приборы и технические Устройства, которые в них тогда были, научиться разбирать и собирать с закрытыми глазами, знать до последнего винтика.

Дело кончилось тем, что еще на третьем курсе ему предложили остаться в штате университета, для начала на Должности лаборанта кафедры общей физики. Но Григорий Кобахидзе неожиданно для всех отказался от лестного для любого студента предложения. Подошло время, считал он, не только брать знания, но и отдавать их. А где лучше всего испытать себя, как не в школе, на самостоятельной работе. Вероятно, «виновата» тут была прежде всего память о том годе, когда еще до поступления в вуз он, по существу мальчишкой, учительствовал в своем родном селе Хета. Правда, тогда это были лишь начальные классы, а теперь ему, имеющему за плечами целых три студенческих курса, неудержимо хотелось попробовать свои силы и в старших. К школе влекло и по другой причине. Слишком уж куцым, на его взгляд, был срок педагогической практики, отведенной студентам по учебной программе. Каких-нибудь две-три недели, когда не успеваешь по-настоящему даже окунуться в будущее дело, почувствовать вкус к учительской работе.

Словом, он выбрал не вузовскую лабораторию, которая сулила в недалеком будущем прямой путь в аспирантуру, к заветной для многих диссертационной теме, а самую обычную школу. Выбрал навсегда. И, приняв это решение, старался не упустить ни

одного удобного случая, чтобы лишний раз попрактиковаться в школьных классах, дать хоть несколько уроков.

Со временем такие «случаи» стали подворачиваться ему все чаще. Способного студента-физика взяли на заметку сразу в нескольких тбилисских школах...» [30, с. 14—15].

И это исключение подтверждает правило: для абсолютного большинства народных учителей теоретическая подготовка и практика были неотделимы, дополняя друг друга. Это заставляет взглянуть по-иному и на педагогическую практику современных студентов педвузов и университетов. Она должна, думается, стать не одноразовой кампанией на том или ином курсе, а постоянной работой, пусть с небольшой нагрузкой, но в течение всего учебного года. Необходимо, чтобы каждый студент получил возможность не «окунуться», а постоянно жить жизнью школы.

Нельзя не отметить и тот факт, что почти четверть народных учителей СССР (точнее, 24,2%) первое свое педагогическое образование получили в педагогических училищах и первые шаги в профессию, к мастерству учителя делали в начальных классах. Это позволило им лучше узнать детей, увидеть все особенности и сложности их взросления, трудности учения от первого до десятого класса, т. е. осмыслить педагогический процесс в школе как целостное явление.

Есть за плечами у народных учителей и такое образование, о котором не пишут в листках по учету кадров.

«В середине 50-х годов, когда в совхозе пополнился парк тракторов и других сельхозмашин, были организованы курсы механизаторов, на которые объявили прием старшекласников; добровольцев среди них поначалу не оказалось. «Что же, тогда я первым записываюсь»,— сказал учитель географии. Ни загруженность педагогической и общественной работой, ни последствия ранения, ограничившего движения одной ноги, не помешали ему пройти курсы и сдать экзамены по практическому управлению трактором. Н. С. Борисов первым получил права механизатора широкого профиля. Примеру учителя-коммуниста последовали ученики...» [24].

У кого-то может возникнуть и недоуменный вопрос: «А зачем это было нужно? Разве нельзя было вдохновить учащихся более простым, более прямым способом? Зачем учителю географии удостоверение механизатора?» Да, учителю географии, если он только учитель-предметник, этого, может быть, и не нужно. Но учителю это нужно, чтобы лучше понять жизнь и учить детей достойной человека жизни, учить бороться за лучшее в себе и жизни.

«... О котельной. В ней висит рабочий комбинезон директора школы. Заходя сюда, Николай Семенович, которого в школе можно видеть только в хорошо отглаженном костюме, сверкающей белизной сорочке и свежем галстуке, переоденется, проверит, в порядке ли котел, поговорит с кочегаром, а если нужно, то и пошурует в топке, покажет, как поддерживать оптимальный режим.

Другой комбинезон директора мы видели в гараже, где стоят тракторы ДТ-75, МТЗ-80, комбайн «Нива» и другие сельскохозяйственные машины, переданные совхозом школе. В этот рабочий костюм директор облачается, когда приходит, чтобы убедиться в готовности техники к весеннему севу или уборке» [24].

Николаю Клементьевичу Калугину «лишнее» образование, полученное в годы войны, потребовалось в несколько иной ситуации, когда он, начинающий учитель и директор, решил переломить отношение односельчан к школе...

«Хотя я понимал, что мою мечту не только сразу, но и в ближайшие годы осуществить трудно, однако считал, что следует вести в этом плане подготовительную работу, чтобы создать перспективу у учителей и психологически подготовить колхозников к необходимости строительства (нового школьного здания Дедуровской школы вместо двух приземистых саманных хат с облупившимися стенами.— В. Х.)... И

уже весной 1947 г. исполком Совета определил место строительства будущей школы. Перед учителями и учащимися встала задача — озеленить территорию новой школы...

Сейчас это целая роща, краса села, место отдыха и детей и взрослых. И кажется, будто вечно были здесь могучие деревья, словно и не было огромного пустыря, на котором люди трижды пытались разбить парк, но все напрасно: жесточайшая засуха убивала саженцы. Со временем сельчане махнули на пустырь рукой: «Что сделаешь, знать, не принимает земля». И когда школьники вместе с учителями стали сажать деревья в четвертый раз, родители только вздыхали: «Чего зря ребятишек заставляешь работать...»

... Но прежде хочу рассказать о том, как пахалась площадь под парк. Потому что это имеет прямое отношение к моим тогдашним, да, можно сказать, и нынешним мыслям о месте школы в сельской жизни, о тех нитях, которые должны связывать воедино школьный и колхозный коллективы.

Когда стали пахать площадь (а пахали ее только что полученным трактором С-80), произошла заминка. Земля оказалась настолько уплотненной, что даже трактору было тяжело.

В первой же борозде тракторист Иван Васильевич Скрынников заявил мне: «Не вспашем, почва тяжелая». Я попросил его разрешения сесть за рычаги машины (во время войны... мне немало пришлось испытать танков, а трактор С-80 уже в последние годы войны начал свой путь с того же завода).

Иван Васильевич удивленно посмотрел на меня, но разрешил. Пашня «пошла». Тогда, сменив меня за рычагами, он посмотрел мне в лицо и сказал: «Извините, боялся машину поломать».

Я не обиделся на его «хитрость». В сущности, это была реакция человека с хлебного поля, который вспашку пустыря в центре села, очевидно, не считал серьезным занятием...» [37, с. 33 — 35].

«Лишнее» образование и «лишние» профессии, полученные в довоенном детстве, понадобились Н. К. Калугину и просто для того, чтобы утвердить свой авторитет, показать, что он не «человек со стороны»:

«Весной 1947 г. мне дали отдельную квартиру — «дедуховскую хату». В шеренге других домов по улице она не отличалась: как и многие, была невзрачна на вид, с полуразгороженным двором и плетневыми воротами... И хотя времени было мало, «усадьбу свою» нужно было привести в порядок, озеленить. И я стал плести плетни, огораживать двор. Колхозники любопытствовали, не раз наблюдали за мной. Когда немного позже, на сельском сходе, старейший колхозник Иван Анисимович Демченко сказал: «Директор-то у нас мужик деловой, знает крестьянский труд», меня обрадовало это, подумал: доверять начинают, а будут доверять — будут и помогать» [37, с. 24].

Так что на поверку вовсе не лишними были эти профессии, полученные в совместном труде с родителями в детстве, на фронтах Великой Отечественной и в тылу, в период поиска своего призвания, да и потом, в годы становления как учителя, как директора. Разве не помогла учителю физики М. А. Алексееву работа секретарем райкома комсомола и чертежником в конструкторско-проектном бюро в годы студенчества в Якутске? Пригодились навыки лаборанта, полученные на университетской кафедре, другому учителю физики — Г. Б. Кобахидзе. А прежняя профессия агронома помогла В. А. Александровой при создании ученической производственной бригады и организации учебно-опытной работы ребят.

Разносторонность личности для таких людей понятие не абстрактное. Свой жизненный и профессиональный опыт они пополняют постоянно, и это помогает им лучше учить детей. Неосновные профессии и разнообразные увлечения позволяли и позволяют открывать новые формы и методы работы, увлекать детей учением, развивать способности каждого, укреплять авторитет учителя. Быть с народом — это и значит вместе с учениками, с их родителями участвовать и в обычных, будничных делах, и в

больших, общественно значимых. Искать и находить духовные связи, которые обогащают жизнь окружающих и твою собственную.

Еще одно подтверждение этого — биография Лидии Сергеевны Филипповой, учительницы истории средней школы № 345 Москвы. В ее листке по учету кадров в графе «Правительственные награды» есть среди прочих и скромная запись о том, что она награждена юбилейной медалью «За освоение целины». Но в том же листке значится, что Л. С. Филиппова после окончания МОПИ имени Н. К. Крупской в 1956 г. нигде, кроме как в средней школе № 345, не работала. Но вот пожелтевшая от времени книжка, выпущенная Учпедгизом в 1960 г. Читаю:

«Общественно полезный труд оказал огромное положительное влияние на наших ребят... И поэтому нас не удивило, когда комсомольцы из IX А класса решили организовать бригаду и отправиться на целинные земли убирать урожай.

С тревогой и ожиданием смотрели ребята на свою учительницу Лидию Сергеевну Филиппову: поймет ли она их, одобрит ли? И как просияли их лица, когда Лидия Сергеевна горячо поддержала своих воспитанников. Правда, она тут же сказала им: «Осуществить наш замысел будет, ребята, нелегко. Но ничего, добьемся!»

И добились... Получив согласие райкома, ребята отправились к комсомольцам Московского инженерно-строительного института имени В. В. Куйбышева, с которыми школа поддерживает тесную связь. Студенты согласились...

Много усилий потребовалось, чтобы добиться разрешения от родителей. Нередко получалось так: отец согласен, а мать категорически протестует, или наоборот. Но ребята не сдавались. Они приводили родителей в школу к учительнице, к директору, и «переговоры» в конце концов оканчивались успешно... Утром 22 июля 1958 г. наши целинники вместе с Лидией Сергеевной отправились в путь. Вскоре в школу и к родителям пришли первые письма. Они были короткими: живы, здоровы, работаем, писать много некогда...

А Лидии Сергеевне пришлось нелегко. Нелегко с первых же минут, когда в шумной компании студентов инженерно-строительного института ребята начали обживать товарный вагон...

Ребята сразу почувствовали себя взрослыми, независимыми и как равные вошли в веселую студенческую семью. После завтрака двое мальчиков, даже не взглянув на учительницу, взяли предложенные им папиросы. Лидия Сергеевна в первую минуту растерялась. Сделать замечание, запретить сейчас же, при всех? Нет, нельзя. И учительница промолчала. Но в тот же день, улучив удобную минуту, сказала мальчикам тоном, не допускающим возражений:

— Курить запрещаю. Я вынуждена буду поставить о вас вопрос на собрании комсомольской группы.

Больше она папирос у ребят не видела... Мальчики не могли не оценить тактичность учительницы» [64, с. 21 — 22].

Сегодня, более четверти века спустя, когда уже десятки лет существуют летние лагеря труда и отдыха и летние производственные объединения старшекласников, конечно же, многие из давних проблем и проблемок кажутся наивными. Лагеря труда и отдыха объединяют сейчас сотни ребят, отправляющихся в далекие и близкие совхозы и колхозы каждое лето. И многие учителя, десятки тысяч учителей, проводят вот так, как Лидия Сергеевна, значительную часть отпуска. И цифры нам сейчас могут показаться более чем скромными: всего-то 14 девятиклассников с учительницей и старшим пионервожатым решились поехать в дальние края...

Все это так и не так. Давайте не забывать, что они были первыми, и отправлялись не в турпоход, не на экскурсию, а на серьезную работу, и не просто на работу — на целину, стремясь внести свой вклад в общее дело, приобщиться к всенародному подвигу. И нельзя не отдать должного мужеству и мудрости воспитателей этих девятиклассников, решившихся на такое. Они были первопроходцами.

Многое из того, что вошло в жизнь сегодняшней школы, стало ее арсеналом, достоянием, начиналось, вводилось в жизнь народными учителями, тогда еще совсем молодыми. В союзе с учениками они создавали наш общий педагогический опыт и обретали свой, через промахи, ошибки, но обретали. И это был опыт не только методики и организации деятельности, но и человеческих и человеческих отношений. Они формировали иную атмосферу школьной жизни, иной тип общения между учителем и учениками.

Всем своим поведением они противостояли тому, что чуждо духу советской социалистической школы: начетничеству и рутине, авторитарности по отношению к ученикам и угодничеству перед вышестоящими, внешней красоты и внутренней душевной черствости, всему тому, что мы называем сейчас рецидивами рапортизма, парадности, процентомании. Они помогали нашему обществу формировать представление об идеале учителя, авторитет которого подтверждается образом жизни, подлинной гражданственностью, неразрывностью слова и дела. Об учителе — Человеке, который помогает ученикам в самостроительстве своей личности, совершенствует себя вместе с ними. Это был нелегкий процесс. Далеко не всеми и не всё принималось на ура. Приходилось перестраивать что-то и внутри себя самого. Народные учителя помогали и помогают утвердиться взгляду на учителя как на доверенное лицо нашего общества, представителя человечества в школе.

Нет, они не были непогрешимыми. Заблуждались, ошибались, но и сами исправляли, а не замазывали ошибки, и свои, и чужие.

В ряду таких учителей была и Л. С. Филиппова. Она тоже ошибалась. Но не будем забывать, что шел лишь третий год работы Лидии Сергеевны в школе. И не будем удивляться, что у молодого учителя, ставшего одновременно и воспитателем и рабочим совхоза, хватило мудрости и такта не опуститься до мелочной опеки ребят, а помочь им обрести самостоятельность, веру в себя. И этому же учиться у них.

«... Наравне с ними, на сенокосе, на комбайне, с утра до вечера трудилась учительница... Она знала: учить работать — значит работать самой.

А по вечерам, расположившись вокруг костра, ребята и учительница вели негромкие разговоры о жизни, о своих мечтах, о всем, что увидели здесь, что взволновало. О чем только не переговорили! Лидия Сергеевна была справедлива и по-настоящему уважала ребят за все хорошее в них, а о плохом говорила прямо. Ребята не могли не оценить это. Учительница не скрывала от них своих тревог и волнений (а их было немало), искренне сердилась на них и также искренне радовалась вместе со всеми. И никогда не лицемерила, не обманывала.

«Не разрешаю!» — говорила она и тут же объясняла почему. И ребята убеждались, что она права. Бывало и наоборот... Учительница, обеспокоенная тем, что мальчики очень сильно уставали, сказала, что потребует для них другую, более легкую работу. Но она не учла одного, очень важного обстоятельства. Школьники уже стали членами большого коллектива совхоза, стремившегося к одной цели — быстрее и лучше убрать урожай. «Как! — возмутились ребята.— Подвести совхоз, сбежать, когда трудно,— ни за что!» И потребовали, чтобы вопрос этот обсудили на общем собрании. Мнение было единодушным: «Трудно, но работать будем». И Лидия Сергеевна поняла: ребята правы... Стали ли после этого ее меньше уважать, упал ли ее авторитет? Наоборот! Ребята были благодарны, что она поняла их...

— Знаете, почему мы слушаемся вас, уважаем? Думаете, только потому, что вы наша учительница? Нет. Здесь ведь не школьный урок. Потому что вы настоящий человек и хороший товарищ...» [64, с. 25 — 26].

Хороший товарищ... Быть одновременно учителем и хорошим товарищем не так просто, как может показаться на первый взгляд. Быть учителем — значит быть выше ребят, нести ответственность перед обществом за их жизнь, здоровье, знания, поступки. Быть товарищем — значит быть равным им, не только отдавать команды, подчинять ребят

своей воле, но и уметь понять их желания, уступить, согласиться с их мнением, если это необходимо. Без такого неравного равенства нет и не может быть настоящего учителя.

Не так давно на заседании Ученого совета НИИ общей педагогики АПН СССР обсуждались проблемы развития школы в современных условиях. Было отмечено, что еще многими учителями до сих пор не изжит императивный, авторитарный стиль руководства. А без перестройки самого учителя, без появления учителя вежливого, обходительного, знающего и изучающего детей перестройка школы невозможна.

Эти пожелания казались присутствовавшим вполне точными и своевременными. А я думал: неужели формализм можно победить, борясь с ним формальными методами? Разве дело только во внешнем поведении учителя, в изучении детей? Я вспомнил преподавателей, обращавшихся к подросткам в самой вежливой и доброжелательной форме: «милочка, деточка», но ребята почему-то не принимали, не любили их. Разве не о таком «внешнем» учителе, точнее, директоре школы пишет Ю. П. Азаров?

«С ребятами и педагогами запросто. Даже в обнимку по коридору. Зайти в кабинет — в любое время! На ходу решить вопрос — пожалуйста. Остроумен, находчив, изысканно вежлив и ровен в обращении.

... А, прически?.. Пожалуйста, всех на линейку! «Ну-ка, Наташа, выйди из строя». Наташа выходит, и педагог читает стихи, читает ярко, блистательно: «И кудри ее, что осенний пейзаж, и профиль, хоть выбей на статую...» Школьные стены содрогаются от хохота сотен ребят и взрослых. Педагог делает паузу и заканчивает: «Завтра встретимся на этом же месте в этот же час. До встречи, Наташа». Хохот... Назавтра и Наташа, и другие девочки приходят с аккуратными прическами» [9, с. 62].

Авторитарность учителя или, точнее, автократичность — навязывание своей воли, использование своего авторитета как основного, а зачастую и единственного способа педагогического воздействия. Но навязать свою волю можно как угодно. Криком, запугиванием, двойками, замечаниями в дневники и другими неприятностями, и вот так, с помощью «коллектива» и с помощью... любви. Да-да, любовь к детям, снисходительность к ним тоже могут выражать власть взрослого и парализовать их мысль, ответственность за свои поступки. Вот как об этом рассказывает Я. С. Турбовской:

«В IX классе было 36 учеников. Класс этот считался одним из лучших: 9 отличников, 10—13 учеников, как правило, не имели троек; ребята увлекались чтением... спортом, художественной самодеятельностью... Так примерно характеризовал этот класс его прежний руководитель, передавая «бразды правления» новому... Какой педагог не обрадовался бы, услышав о классе, с которым будет работать, подобную характеристику?

Однако радость эта была преждевременной. Класс — «гордость школы» — встретил своего нового воспитателя хорошо организованным хулиганством: большинство ребят сидели, повернувшись спиной к учителю; они выбивали немислимую дробь на барабанах и крышках парт, один играл на трубе (вот как проявилось увлечение художественной самодеятельностью!). Судя по тому, как организовали эту встречу, в сплоченности классу нельзя было отказать.

Новый классный руководитель почувствовал, что в этот момент проявлять охвативший его гнев, требовать тишины, внимания было бессмысленно — именно такой реакции и ожидали ученики. Они ожидали, что новый учитель сорвется.

Нужно было немедленно чем-то удивить ребят, педагог чувствовал это, т. е. поступить совсем не так, как ожидали ученики. И вот он спокойно обратился к «разошедшемуся» трубачу: «Между прочим, в этом месте нужно «до», а не «до-диез».

Мелочь? Возможно.

Но вдруг стало тихо, и на воспитателя смотрели уже не враждебные, а удивленные глаза подростков.

Тишиной этой необходимо было немедленно воспользоваться. Учитель так и сделал — он начал урок, стараясь... заинтересовать ребят» [68].

И теперь встает вопрос: так ли уж всегда плохо навязывание классу, ученикам, воспитанникам своей воли? А может, это иногда необходимо даже вне зависимости от формы ее проявления? Вспомним, с чего началось педагогическое существование колонии имени М. Горького.

«В одно зимнее утро я предложил Задорову пойти нарубить дров для кухни. Услышал обычный задорно-веселый ответ:

— Иди сам наруби, много вас тут!

Это впервые ко мне обратились на «ты».

В состоянии гнева и обиды, доведенный до отчаянья и остервенения всеми предшествующими месяцами, я размахнулся и ударил Задорова по щеке. Ударил сильно, он не удержался на ногах и повалился на печку. Я ударил второй раз, схватил его за шиворот, приподнял и ударил третий раз.

Я вдруг увидел, что он страшно испугался. Бледный, с трясущимися руками, он поспешил надеть фуражку, потом снял ее и снова надел. Я, вероятно, еще бил бы его, но он тихо и со стоном прошептал:

— Простите, Антон Семенович...

... Я обернулся к ним и постучал кочергой по спинке кровати:

— Или всем немедленно отправляться в лес, на работу, или убираться из колонии к чертовой матери!

И вышел из спальни.

Пройдя к сараю, в котором хранились наши инструменты, я взял топор и хмуро посматривал, как воспитанники разбирали топоры и пилы. У меня мелькнула мысль, что лучше в этот день не рубить лес — не давать воспитанникам топоров в руки, но было уже поздно... К моему удивлению, все прошло прекрасно. Я проработал с ребятами до обеда... В перерыве... Задоров вдруг разразился смехом:

— А здорово! Ха-ха-ха-ха!..

Приятно было видеть его смеющуюся румяную рожу, и я не мог не ответить ему улыбкой:

— Что — здорово? Работа?

— Работа само собой. Нет, а вот как вы меня съездили!» [5, с. 24 — 25].

Нет, я не призываю к рукоприкладству, как не призывал к этому А. С. Макаренко, включая эту сцену в «Педагогическую поэму». Да, он прекрасно понимал, что «сорвался с педагогического каната», но это был «канат» предписаний и инструкций. Я призываю понять, что не в форме действий педагога, в самой грубой или в самой утонченной, изящной, вежливой, заложен стиль его поведения, а в том, что движет учителем, какие мотивы, какие цели.

Понять нам надо и другое: для того чтобы повести детей за собой, педагог так или иначе, в той ли, в иной ли форме должен проявить свою силу. Не физическую, а духовную, интеллектуальную, эмоциональную. Необходимо найти форму ее выражения, отвечающую неповторимой, конкретной ситуации. В этом и заключается творчество, искусство педагога. Это нужно, чтобы произошло слияние общественно значимого «надо» с ребячьим «хочу». Только в этом случае учитель может повести за собой. И здесь он не может не быть авторитарен, иначе он не будет учителем, вернее, останется им лишь по должности.

Вопрос еще и в том: куда поведет педагог подчинившихся или доверившихся ему воспитанников? Ведь нужно, как А. С. Макаренко, — к раскрытию лучшего в каждом, чтобы потом все реже и реже прибегать к навязыванию своей воли, отдавая предпочтение самоуправлению личности, коллектива. Для одних, понимающих диалектику педагогического процесса, суть работы — качественный скачок, включение энергии самодвижения к высокому идеалу. Для других, не понимающих этого, педагогический процесс — унылая, изматывающая работа: сколько ни делай, конца не видно. «Главное: удержать, уберечь от влияния улицы!» — говорят они. И удерживают. Только воля-то

воспитанников тоже растет и крепнет. Загнанная школой, педагогами в рамки норм, вне школы она вырывается наружу в виде все того же анархического «хочу», в виде бессмысленного, отупляющего времяпрепровождения, асоциального поведения. Такие воспитанники — плоды формализма в воспитании, в педагогике, плоды узкого, метафизического мышления, отказывающегося видеть противоречия педагогического процесса, пытающегося остановить, абсолютизировать, сделать годными на все времена, на все школы, на всех учителей, на всех детей те или иные формы, методы, стили. Но этого сделать нельзя, даже во имя самых благих намерений. «В педагогике нет и не может быть рецептов!» — говорят одни. «Дайте нам (или: возьмите наши) методические рекомендации, инструкции — и все будет хорошо!» — говорят другие. Но и то и другое утверждение так же дышит абсолютом метафизики.

Да, не может быть рецептов, потому что каждая жизненная ситуация (а только жизненные ситуации воспитывают) неповторима, если не по внешним обстоятельствам, то уж, совершенно точно, по тому, кто в ней действует. Но рецепты могут и должны быть потому, что есть общие закономерности педагогического процесса, есть последовательные этапы возникновения и развития сотворчества учителя и учеников, этапы их творения друг другом.

Однако мало указать в этих рецептах, что и как делалось и должно делаться, надо раскрыть, для чего, с какой целью, с какого момента началось движение в ту или иную сторону и к каким качественным изменениям оно привело. И это вопросы не только к тем, кто пишет рецепты, но и к тем, кто их применяет, использует. Без этой общности, общности понимания, жизненных позиций нет и не может быть никакой пользы от науки педагогики для педагогики — искусства, практики. В диалектической педагогике нет и не может быть ханжеского указания поведения на все случаи жизни. Нет, и она не догма, а руководство к действию. Действия народных учителей пронизаны этой непротиворечивой противоречивостью, и внешней, и внутренней.

В преодолении этих противоречий и растут учитель, его ученики, люди, окружающие его. 15 января 1984 г., обсуждая проект школьной реформы, Н. К. Калугин писал в «Комсомольской правде»:

«Прямо скажу: многое в нашей системе (работы школы.— В. Х.), особенно профессиональная подготовка, идет вразрез с общепринятыми установками.

К примеру, работать на технике самостоятельно разрешается только с восемнадцати лет. Но как вырвать практику из профессиональной подготовки школьника? Это все равно, что учить плавать на сухом месте. Вот и приходится нарушать запрет. Надо, чтобы выпускник средней школы не просто получал квалификационное удостоверение на право управлять техникой, но и был подготовлен практически, мог еще до армии поработать на тракторе или автомобиле.

Сам уровень сегодняшнего сельского хозяйства требует улучшить подготовку кадров для трудового обучения. Школе нужны не случайные люди, а специалисты — инженеры, агрономы, зоотехники. А как их привлечь?.. Колхоз дал нам толкового зоотехника, сам стал ему платить, и мы получили возможность готовить животноводов. Два года все шло нормально, пока не узнал начальник районного сельхозуправления. Сразу скандал: не имеете, мол, права! Дело у нас с ним дошло до сессии райисполкома. Я выступил, разъяснил, какая всем от этого польза. В конце концов он понял, разрешил привлекать специалистов для обучения школьников и в других хозяйствах» [38].

Без преодоления нет движения, нет развития. Вспомним, как молодая учительница З. С. Журавлева пошла на конфликт с более опытными, а точнее, пожилыми коллегами, администрацией школы ради отпетого пятиклассника, как Т. И. Гончарова, борясь за камчатских мальчишек и девчонок, не бросала петь и плясать вопреки указаниям директора. Вспомним и, быть может, все-таки поймем, что педагогом высокой пробы нельзя стать лишь по общим схемам и инструкциям. Надо уметь читать и иную инструкцию — инструкцию реальной окружающей жизни.

А может, пойдем и другое: подлинная педагогика не менее сложна, противоречива, диалектична, чем квантовая механика. Нам трудно вообразить, что фотон может быть одновременно размытой волной и частицей, но это так. Не менее трудно понять, как учитель может заставить себя слушать, не заставляя, как он должен быть товарищем и одновременно нетоварищем для ученика, быть на равных с ним и одновременно возвышаться над ним. Но без первого условия он теряет взаимопонимание, контакт с учеником. Без второго — перестает быть педагогом, человеком, ведущим за собой. Без этих двух противоречивых условий нет и не может быть учителя.

Вот этому-то правилу неравного равенства умеют подчинить свои действия, свои поступки народные учителя. Порой это происходит вполне осознанно, порой неосознанно, но происходит постоянно. Почему же им удается если не осознавать, то, по крайней мере, постоянно ощущать это правило и следовать ему? Вероятно, все по той же причине: они вышли из народа, живут с народом и служат ему. Для них народность, гражданственность, патриотизм, прогресс не просто слова, а каждодневная жизнь, их каждодневный труд. Они постоянно учились и учатся у народа: у своих родителей, товарищей, у учеников и их родителей. Но одновременно и учат их, ведут за собой. В этом диалектика их жизни, их труда. Они умеют видеть противоречия, и преодолевать их, и встречать новые противоречия. Для них страдание и боль, невежество и недалекость окружающих не констатация факта, а точка приложения сил, объект преодоления. И именно понимание диалектики жизни, перспектив развития вооружает особым зрением, дает вид с высоты, которая и позволяет им идти впереди, прокладывая дорогу другим.

Разве не эта высота позвала молодую учительницу Л. С. Филиппову поехать на целину и стать инициатором создания одного из первых в стране лагерей труда и отдыха? Разве не благодаря этому Н. Н. Белоштентова стала одной из первых поборниц проблемного обучения? Разве не эта высота побудила Н. К. Калугина, опять-таки одного из первых, организовать ученические производственные бригады для решения проблемы закрепления молодежи на селе еще в конце 50-х годов, а М. А. Алексеева — создать в Верхневилуйске (!) физико-математическую школу наподобие той, что была открыта в Москве, и через всю страну ездить за свой счет, чтобы перенимать опыт В. Ф. Овчинникова? Многим казалось: одно дело — Москва, а другое — Якутия. А он...

«Он выбивает для ребят — таких, как Ваня, у которых дом за сотни, а то и за тысячи километров и от «отцов культурная помощь нулевая», — деньги из сельсоветов, пишет письма домашним: что едят, с кем дружат. Заходит в интернат утром до уроков: на улице мороз, всем надеть торбаза. Услышав про эпидемию гриппа на Урале, прибегает ночью: всем принять сыворотку. Но я не считаю это проявлением доброты. Срабатывает учительский инстинкт заботы, который сродни отцовскому...

Ответственность, с какой Алексеев приступает к любой работе и ведет ее, может показаться даже неестественной. Хотя она не что иное, как гармоничная гражданственность мысли и действия. Если Михаил Андреевич пишет в годовом отчете: «Наука и жизнь предъявляют учительству новые требования» (имеются в виду публиковавшиеся в начале 60-х годов статьи ученых о поиске талантов.— В. Х.), он относит их к себе. И вырабатывает для себя практику поиска» [45].

Почти 12 лет разделяют два очерка Э. М. Максимовой о школе Алексеева. И по ним можно наглядно представить, как действительно не расходятся у него слово и дело, как постоянен и как одновременно переменчив М. А. Алексеев: новую высоту дает ему понимание потребностей нашего общества, и он отправляется ходатаем к министру просвещения СССР, преодолевает секретарей и помощников, для того чтобы дальше развивалась школа, а значит, народ.

«— Подробно побеседовали,— вспоминает Алексеев.— Доложил я министру об экономической стороне, об освоении края, о полезных ископаемых...

Разрешение начинать углубленный курс наук с восьмого класса было получено.

Любовь Михаила Андреевича к детям безоглядна, но не бескорыстна. Его корысть — будущее Якутии, ее культурное и научно-техническое восхождение. Алексеевская доброта... служит справедливому, точному выявлению возможностей ребенка, умножению их до призвания и доведению до профессии, отдача которой, по его мнению, тем значительнее, чем более отзывчив на добро и воспитан человек. Не случайно почти все верхневилуйцы возвращаются после вузов домой, в Якутию» [44].

Но только когда высота учителя духовно возвышает его учеников, она имеет смысл. А это без равенства с ними невозможно. Как и без способности ставить детей выше себя, без служения им как своему продолжению, как будущему народу. Иначе остается одно высокомерие. Учительская высота — средство, а не цель.

«В День учителя поступила в школу среди прочих телеграмма: «Успешно сдал экзамены аспирантуру биофизике Московском университете. Спасибо всем учителям. Ваня». Тот самый Ваня Николаев, за которого воевал когда-то Михаил Андреевич. Я еще застала Ваню, простите, Ивана Николаевича, в Якутске: он дочитывал последние лекции в университете, прежде чем на три года покинуть его. У Николаева — радужные планы.

— Еще трое наших сейчас занимаются биофизикой — в Новосибирске, в Минске. Кончим, организуем, если удастся, кафедру, а тогда специализацию можно открыть по биофизике... Нет, без Михаила Андреевича жизнь сложилась бы по-другому, беднее.

Воистину «лучший дар страны детям — хороший учитель». Это — из протокола педсовета, из выступления Алексева» [44].

Откуда же эта постоянная жажда высоты, стремление увидеть новые проблемы, новые противоречия и постоянно трудом своим разрешать их? Откуда это неустанное стремление к новым высотам, умение найти их и найти способы их достижения, даже тогда, когда уже давно позади черта пенсионного возраста, как у М. А. Алексеева и А. В. Полехина, А. М. Божко и Г. Б. Кобахидзе, С. А. Дагбашяна и Е. А. Артюховой?

Думается, ответ на первый вопрос уже ясен. Это вполне осознанное стремление служить своему народу, его будущему. Но будущее вырастает из настоящего. Из знания, бережного сохранения и отрицания этого настоящего. «Всякое развитие,— писал К. Маркс,— независимо от его содержания, можно представить как ряд различных ступеней развития, связанных друг с другом таким образом, что одна является отрицанием другой» [2, т. 4, с. 296].

Но для того, чтобы отрицать, необходимо знать, необходимо уметь видеть, анализировать.

«Познай себя, и ты познаешь мир»,— считали древние. И были правы. Мы несем в себе не только наш мир. Наш мир, наши способности, наши убеждения и устремления складываются в значительной степени под влиянием внешнего мира, людей, окружавших нас в прошлом и окружающих в настоящем. И познавая себя, мы познаем мир, а познавая мир, познаем себя. Эта диалектика самым прямым образом относится и к труду учителя, к его преобразованиям. Решать вопросы может лишь тот, кто умеет их ставить, кто видит их в окружающей жизни, в своей работе.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

«...В кабинет входит молодой учитель и смущенно кладет на стол заявление об уходе — свое и жены-учительницы, недавних выпускников педучилища:

— Два года отработали — хватит.

Пытаюсь урезонить:

— Почему же только два?

Не помогает. Учитель сам приводит контрдовод:

— Местные ребята и те, как вырастут, уезжают!

Я понимал, что такие «вокальные настроения» не дают возможности делать завтрашний день школы и колхоза, мешают изменению отношения людей села к школе, к учителю. Какой же найти выход из создавшегося положения? С чего начать?» [37, с. 26].

Вот с этих вопросов Н. К. Калугина самому себе в 1947 г. начался «дедуровский эксперимент» — последовательная работа по закреплению молодежи на селе, работа, вылившаяся в установление теснейших контактов между школой и колхозом, в постоянную, круглогодичную ученическую бригаду, в введение учениками новых высококачественных пшениц в севооборот колхоза, в создание интереснейшего полевого и культурного стана «Соловьиный дол» и многое, многое другое. Началась работа, преобразившая старую Дедуровку, сделавшая ее молодой.

Весной 1970 г. школа и колхоз имени С. М. Кирова первыми в Советском Союзе были удостоены звания лауреатов премии Ленинского комсомола. Опыт Дедуровской средней школы стал широко известен. И не только в СССР, но и в Польше, ГДР, Венгрии, Болгарии, Чехословакии, Монголии.

23 года разделяют эти события: заявление начинающего учителя об уходе и всемирное признание успеха «дедуровского эксперимента». А между ними вопросы и ответы. Не на словах — на деле, в жизни. И новые вопросы, продолжающие те, что появились в 1947 г. в дневнике директора школы со стажем в один год.

«... Именно в тот год в дневнике директора появилась запись. Запись — вопрос, на который предстояло дать ответ.

Почему молодых не тянут к себе деревня, родной дом, родная земля? Ведь здесь они выросли. Здесь трудились и трудятся близкие им люди — отцы, матери, деды. Одни говорят: уходим потому, что не показывают кино, нет клуба. Другие: для чего я десятилетку кончал — навоз возить? Откуда у молодых такие настроения? Что значит — не показывают кино? Не показывают — добейтесь, чтоб показывали! Добейтесь, чтобы был клуб, а может, и Дом культуры. Надо — собственными руками его возведите. Все зависит от людей. От их активности, умения и желания. И пожалуй, самое главное — от их любви к родной земле, к земле своих отцов, и благородному труду земледельца. А ее надо воспитывать с колыбели» [56, с. 194—195].

От вопросов в дневнике до реальной молодой Дедуровки, дающей стране сотни тысяч тонн насущного хлеба трудом молодых механизаторов и инженеров, агрономов и врачей, учителей и лесоводов, дистанция огромного размера. И на всем ее протяжении тысячи и тысячи вопросов Н. К. Калугина самому себе, учителям, председателю, колхозникам, ученым, ученикам. Их ответы, ответы себе, и новые вопросы. Процесс анализа и самоанализа бесконечен. Но без него нет движения вперед. Ни твоего личного, ни общего. Умение видеть и ставить вопросы — одна из ярких граней учительского мастерства и неперемное условие его совершенствования. Без этого работа учителя может потерять смысл.

А вопросы могут возникнуть порой в самых неожиданных ситуациях.

«...На одном из первых занятий... ему пришлось объяснять тему «Параллельное и последовательное соединение проводников в электрической цепи». Материал он знал назубок, был абсолютно уверен в себе. Он сделал на доске несколько необходимых записей, начал бодро объяснять. Но чем больше старался, тем сильнее становился шум. И вдруг из дальнего угла класса раздался откровенный смешок.

— В чем дело? — спросил он, чувствуя, как горят уши.

— Григорий Бегларович,— объяснил ему чей-то лукавый девичий голосок,— у вас костюм не совсем в порядке.

Он скосил глаза вниз. Почти у самых колен раскачивалась на единственной нитке его пуговица. Это был полный «крах». И все-таки он нашел спасительный выход. Решительно оборвав нитку, сказал классу:

— Читайте, что урок я начал неудачно. Попробуем все сначала.

И прикладывая «свободную» пуговицу к тем, что еще держались на его пиджаке, начал объяснять принципы соединения электрических цепей. Теперь в классе было тихо. Его слушали. Пуговица оказалась неплохим наглядным пособием.

К своему внешнему виду с тех пор он стал особенно придирчив. И не только к своему. Ведь учитель должен быть эталоном во всем! Но вывод был и поважнее «пуговичного». Нельзя учить физике да и другим естественным наукам только на разговорной основе» [30, с. 45—46].

Было это 50 с лишним лет назад. Но именно с этой проблемной ситуации и ее решения методом «приложения пуговицы» начались поиски молодого учителя Г. Б. Кобахидзе в создании и использовании наглядных пособий по физике. Результатом этих поисков явились книги для учителей по применению физических приборов в средней школе и по методике лабораторных занятий.

Важно не только увидеть вопрос даже в комичной ситуации, зардевшись от смущения, или в трагической, когда положенные на стол заявления свидетельствуют о том, что коллектив разваливается, важны не только выдержка и самообладание, важно, чтобы за одним вопросом следовали другие и поиски ответов на них. И не только у тебя, но и у работающих с тобой тоже. Учитель не развивается без противоречивых, ершистых единомышленников. Не отвечающих с тобой одинаково на все вопросы, а думающих вместе с тобой.

«— Ну скажите на милость, чем вас, например, не устраивает педагог С? — спрашивали Георгия Бегларовича, когда он высказал кому-то из друзей по работе желание видеть в своей школе «настоящего» учителя рисования или ботаники.— Чем плох этот С? Хорошо владеет классом, знает свой предмет, да и в методике не профан. Другой бы директор за такого специалиста спасибо сказал.

— А тем не устраивает, что у него нет ничего своего, все с чужого плеча,— отвечал Григорий Бегларович.— Не обязательно, чтобы он был готовым мастером. Обязательно, чтобы стремился стать мастером и имел свой собственный взгляд на дело. Тогда и я, и другие учителя смогут у него хоть чему-то научиться» [30, с. 22—23].

Умение находить и ставить вопросы — начало осмысления деятельности, начало творчества, начало развития своего собственного и окружающих. И здесь необходим не только свой взгляд на дело, но и способность в письменном виде убедительно изложить суть позиции.

В психологии уже давно отмечено, что овладение письменной речью есть одновременно и овладение своим мышлением, подчинение мысли. Зафиксированная на бумаге мысль — это не только перевод наглядно-действенного и наглядно-образного мышления в словесно-логическое, обеспечивающее передачу мыслей другим, превращающее смутные догадки в твердые убеждения, это всегда и осознание своих шагов, позволяющее делать новые шаги, идти дальше. Письменная речь — это высшая форма овладения мышлением, путь к дальнейшим поискам, к анализу и самоанализу, без которых, повторим, совершенствование труда учителя невозможно. И видимо, не случайно, что многие из выдающихся учителей, как Н. К. Калугин, Н. Н. Дубинин, Г. Д. Лаврова и другие, вели и ведут дневники.

По имеющимся у нас неполным данным, более половины народных учителей СССР (53,2%) задолго до того, как были удостоены этого высокого звания, стали авторами статей, книг, методических пособий, учебников.

А. М. Божко и Н. В. Семиным созданы книги и статьи, посвященные изучению в школе жизни и деятельности В. И. Ленина: Б. В. Дынгой и П. Е. Емельяновым — учебники и пособия по родным языкам.

Мы уже встречались с некоторыми страницами книги Н. К. Калугина об опыте работы возглавляемой им Деду-ровской средней школы. Книги написаны также А. А. Захаренко и З. Г. Шююбовым.

Со статьями в республиканских и всесоюзных методических журналах выступали и выступают учитель казахского языка и литературы, директор Алгинской средней школы Кусийн Айткалиевич Айткалиев, учитель физики, директор Чанахчинской средней школы Нагорно-Карабахской автономной области Иван Айрапетович Атаян, учитель

туркменского языка и литературы, директор средней школы № 1 поселка Сакар Чарджоуской области Хаит Борджаков, учитель математики средней школы № 3 г. Еревана Самсон Агабекович Дагбашян и многие другие.

В 1975 г. Алексей Михайлович Иванов защитил на основе анализа опыта своей работы кандидатскую диссертацию на тему «Воспитание творческого отношения к труду у учащихся сельской школы». А в 1977 г., закончив заочную аспирантуру и обобщив опыт своей работы по профессиональной ориентации школьников, защитила на эту тему кандидатскую диссертацию Татьяна Федоровна Сепсякова — директор средней школы № 29 г. Петрозаводска. Еще раньше Татьяна Федоровна опубликовала ряд статей и книг на эту тему.

Авторами статей и докладов, книг по проблемам обучения и воспитания были и остаются: Василий Федорович Алешин — директор и учитель истории Шумяческой средней школы Смоленской области, Эугения Антановна Вингрене — заместитель директора и учительница географии Аникщяйской средней школы № 2 Литовской ССР, Ханифа Сиражевна Искандарова — учительница биологии Аркауловской средней школы Башкирской АССР, Людмила Федоровна Парфенова — учительница русского языка и литературы средней школы № 47 г. Кургана и уже знакомые нам О. С. Авраменко, Н. Н. Белашкина, Л. С. Филиппова. Еще в 1953 и в 1961 гг. Н. Н. Дубинин написал две книги: «Элементы политехнического обучения в школе» и «Лабораторные работы по физике в средней школе». В 1962 г. Т. И. Гончарова опубликовала свою первую статью «Изучение живописи в начальных классах» в журнале «Школа-интернат», став затем и автором многочисленных статей о своем опыте, и страстным публицистом. А разве не является таким же публицистом М. А. Алексеев? А методистом? В 1968 г. в Якуткнигоиздате вышла его брошюра «Из опыта внеклассной работы по физике и технике». Щедро делились и делятся своим опытом на страницах различных журналов Г. Л. Королева, Г. Д. Лаврова, И. Халифаев и другие.

И эта щедрость окупается сторицей: осмысленностью своих действий, глубоким их осознанием, видением перспектив в работе и новых проблем. Зная свои вопросы, они целенаправленно ищут на них и свои ответы. И в своем опыте, и в опыте коллег, и в сокровищницах мировой педагогической мысли, мировой культуры.

Ленинский завет: «Если я знаю, что знаю мало, я добьюсь того, чтобы знать больше» [1, т. 41, с. 305] — всегда был и остается для них руководством к действию.

О. С. Авраменко: «...Когда я начала работать, сразу почувствовала нехватку психолого-педагогических и методических знаний. Ведь учителю нужно узнать ученика, изучить его, понять возможности человека, понять, как следует говорить с учениками с учетом их возраста и возможностей... Я считаю, что все решает для человека самообразование». Это один из тех выводов, который пришлось сделать начинающему учителю. Самообразование стало компенсатором многого. Было прочитано немало методической литературы, журналов «Русский язык в школе», «Литература в школе». Помогли в работе пособия Т. А. Ладыженской по методике и практике сочинений, монография З. Я. Рез «М. Ю. Лермонтов в школе», работы Л. С. Айзермана и многих других педагогов» (из материалов Л. Ф. Белашкиной).

Из дневника Г. Д. Лавровой: «Недавно прочитала вступительную статью Расула Гамзатова к «Книге нежности» о колыбельных песнях. Запомнились строчки: «Песня маленькая, а забота у нее великая. Песня колыбельная — всех начал начало». Так и первые годы ребенка в школе — всех начал начало...

Не помню автора, но название у книги замечательное: «Живое зеркало». Там есть рассказ учительницы о том, как она подошла дома к зеркалу и посмотрела, какое у нее лицо, когда она... кричит. Я сделала то же самое и поняла: я тоже никогда не повышу голоса. Если удалось той учительнице, получится и у меня. А «живое зеркало» — это глаза ребят, от их прямого, честного взгляда никуда не спрячешься...» [50, с. 44].

«— Извините за любопытство... У вас на шкафу так много книг! Вон сколько пачек!

— Вы думаете, это все тут, на шкафу? — засмеялась Юлия Николаевна (Черненко.— В. Х.).— Пойдемте, покажу.

Она повела меня в другую комнату. Всюду громоздились кипы блокнотов, тетрадей, книг. Ими был битком набит книжный шкаф. Лежали они на столе и, аккуратно упакованные, под ним.

— Это все специальная педагогическая литература,— сказала Юлия Николаевна.— За целую жизнь собрала!» [49, с. 146].

Подлинное самообразование заключается не в количестве прочитанных и законспектированных книг. Оно начинается лишь тогда, когда это образование самого себя, когда из «тысячи тонн словесной руды», из удачно выраженной мысли вдруг вырастает «живое зеркало». Самообразование неотделимо от самовоспитания, переосмысления своего поведения, поведения окружающих.

«— Вспомните слова Януша Корчака! — говорит Юлия Николаевна.— «Все современное воспитание направлено на то, чтобы ребенок был удобен, последовательно, шаг за шагом, стремимся усыпить, подавить, истребить все, что является волей и свободой ребенка, стойкостью его духа, силой его требований». Как часто мы заглушаем в ребенке хорошее, доброе, честное! Забываем элементарное: дать ему почувствовать, что в семье он — полноправный член, что у него есть свои права и обязанности, что без него, без его усилий семье будет плохо, неуютно, холодно. А с другой стороны, вокруг ребят бушует море родительского эгоизма, тщеславия, лицемерия. Отсюда парадокс педагогики— учительский труд предполагает, что родители — союзники школы, что они сами люди воспитанные, что их не перевоспитывать нужно, а только направлять рукой более опытного наставника. Однако очень часто именно родителей надо перевоспитывать, преодолевая сантиметр за сантиметром их косность, узость интересов, их педагогическую неграмотность.

Как мне кажется, любой взрослый, собирающийся стать родителем, должен начать с «суда» над собой! Строгого «суда», беспристрастного, жестокого, может быть! Плохо, если до появления ребенка человек не сознавался себе, какой он есть, теплее ли другим на свете от того, что он живет! Именно с воспитания себя или хотя бы с попытки понять себя начинается воспитание ребенка!» [49, с. 147—148].

Поиски «живого зеркала», самовоспитание позволяют учителю постоянно расти, развиваться, быть вечно новым и для себя, и для людей. С таким учителем ученикам никогда скучно не бывает.

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ И ПОСТОЯНСТВО

Эти две противоположные тенденции счастливо совмещаются в судьбах народных учителей. В родных деревнях и селах работают О. С. Авраменко, К. А. Айткалиев, Д. С. Схаляхо, А. В. Уляшев, В. В. Преснякова. А Н. С. Борисов и З. С. Журавлева учительствовали и учительствуют в местах, где начиналось раннее детство. В городах, где они родились, работают Т. И. Гончарова, Г. А. Иванова, Г. Д. Лаврова, М. Н. Сивцова.

Живут и работают в том же районе, в котором им довелось родиться, М. Абдурасулов, М. А. Алексеев, Е. А. Артюхова, И. А. Атаян, Х. Борджаков, М. Ч. Гармаева, Х. С. Искандарова, Р. Х. Канчукоева, Е. М. Коре-панова, К. Н. Нургалиев, А. П. Румянцев, Н. Тухташев, П. Н. Чернов, Н. А. Чернышев, З. Г. Шоюбов.

Дальше родной области не уехали В. Ф. Алешин, Н. Н. Белоштентова, Я. Я. Вилмане, Э. А. Вингрене, С. А. Дагбашян, Н. Н. Дубинин, Б. В. Дынга, А. А. Захаренко, Н. Н. Захарова, Н. К. Калугин, Ю. С. Кашкин, Г. Б. Кобахидзе, П. Г. Лозина, Ю. М. Ойноткинова, А. С. Салахов, Н. В. Семин, З. А. Субботина, К. П. Терас, И. Халифаев и другие.

Три четверти народных учителей СССР (74,2%) живут и работают на своей малой родине. Это ли не свидетельство преданности землякам, родной природе, родным местам?

Свидетельствуют эти цифры и о другом. Эти люди дорожат и своим авторитетом, и своим опытом. В учительском деле, как, пожалуй, ни в одном другом, нельзя положить в чемодан вместе с книжками и вещами свой авторитет в глазах учеников, их братьев и сестер, родителей и отправиться на новое место. Там авторитет надо будет обретать снова, как говорится, с нуля. Так же как и незаменимый педагогический инструмент учителя, важную составную часть его опыта — знание, которое не почерпнешь из книг, из чужого опыта. Речь идет о конкретном знании учеников, их жизни в семье, уклада этих семей, традиций, которые сложились в округе. О знании коллег и других людей, с которыми общаешься, их деловых и душевных качеств. О знании природы, ее особенностей, истории своего края.

Нет, с переездом учитель теряет гораздо больше, чем другой какой-либо работник физического или умственного труда. В педагогике один из главных — закон воспитания жизнью. Окружающую жизнь учитель должен знать как можно глубже, как можно доскональнее, чтобы полнее использовать это знание в своем деле.

Но и сидение на одном месте тоже опасно. Привыкаешь, утрачиваешь новизну взгляда. Многие примелькается, станут незаметными достоинства и недостатки, и твои и твоей школы. Появятся штампы, однообразие и скука, которые вредят и учителю, и ученикам. А сравнивать будет не с чем, разве с тем, что еще вычитаешь в книгах. Да, это выручает. Однако, просматривая биографии народных учителей, видишь, что они не только много читают, но и путешествуют: в зимние и в летние каникулы, с учениками и с друзьями-коллегами, по нашей стране и за границей.

Делясь жизненным и одновременно педагогическим опытом с молодыми учителями на страницах «Учительской газеты» (28 декабря 1985 г.), Н. Н. Захарова писала: «Жизнь учителя крайне напряженна. Даже те, кто только что начал работать в школе, за четыре прошедшие месяца успели ощутить ее тяжесть. Потому-то научиться отдыхать не менее важно, чем уметь работать.

Для меня каждый отпуск — поездка. Самарканд и Ашхабад, Одесса и Севастополь, Соловки и Валаам, Венгрия, Румыния, Чехословакия, Куба. Впечатления, воспоминания о них — праздник, который всегда со мной. Я думаю, учитель на все смотрит по-особенному, как бы удесятеренным зрением, за себя и за своих ребят. Ни на минуту не выходит из головы: «Это надо рассказать ребятам». Я всегда старалась много фотографировать. Но главное все-таки то, что остается в памяти. Рассказываю, например, на уроке о часовых поясах и вспоминаю, как летала в Берлин. В семь вылетела, в семь прилетела. Вместе с солнцем. И о полярном дне, когда не заходит солнце. И о знаменитом Тунгусском метеорите. Все «чудеса земли» становятся для ребят маленького поселка близкими, доступными, вызывают желание увидеть их. Ведь если видела я — учитель, то значит, это возможно для каждого из них.

В воспитании страсти к путешествиям мы преуспели. Ребята побывали в Волгограде, Минске, Кишиневе — всех городов не перечислишь... Так учительское увлечение передается детям, обогащает их» [34].

Для Н. Н. Белоштентовой и ее мужа, Николая Петровича, с первых лет работы в школе лучший отдых — также туризм; сейчас, когда их дети подросли, в поездки по различным городам Советского Союза они отправляются всей семьей. О дальних путешествиях Л. С. Филипповой и А. М. Алексеева мы уже знаем. А каких только походов не совершали со своими питомцами Я. Я. Вилмане, Т. И. Гончарова, Ю. С. Кашкин и многие другие народные учителя?! Нет, они вовсе не домоседы, и их ученики тоже. Круг общения для них — вся страна.

«Друзей в школе принимают ребята, как дома. А дома принимают друзей школы. Когда школа решила провести фестиваль дружбы народов, халданцы радостно восприняли идею поселить у себя 300 гостей из разных республик. Ведь, живя в

гостинице, не почувствуешь так характера народа, обычаев его гостеприимства, как в семьях. За несколько месяцев село начало готовиться к этому событию. Некоторые даже дома отремонтировали. Я смотрела фильм, который сделали здесь во время фестиваля. Парад делегаций. Дети в национальных костюмах, народные танцы. Нарядно, красиво.

А Шоюбов вздохнул после фильма: «Как трудно передать чувства...» Оказывается, когда выяснилось, что гости попадут не ко всем, огорчения доходили до слез.

Многолетняя дружба связывает Халданскую школу с Богдановской из Кировоградской области. Делегации ездят друг к другу ежегодно. За полтора десятка лет перебивало в украинском селе около 400 ребят из Халдана. Дружба школ переросла в семейную. Тогда и родился обычай принимать гостей в домах, посылать друзьям к праздникам маленькие посылки с дарами садов. С Иваном Гурьевичем Ткаченко, долгое время возглавлявшим Богдановскую школу, связывали Загида Гамильевича преданная любовь к детям, единомыслие и творческая смелость. А в их переписку включился и нынешний директор Богдановской школы Петр Иванович Нечипоренко. «Дорогой отец, Загид Гамильевич», — обращается он к Шоюбову...

В гости к халданцам приезжают ребята из подмосковной Балашихи, из Ставропольского края, из латвийского села Бене, из Чиатуры. А потом пишут письма. Без встреч письма не были бы такими желанными, а без писем — встречи... Все это раздвигает кругозор ребят, делает их смелее, общительнее. Дружба детей пускает глубокие корни.

В Халданской школе висит большой портрет Василия Александровича Сухомлинского... Шоюбов трижды ездил в Павлыш. В Сухомлинском нашел он единомышленника и выразителя идей, которые ему самому дороги, им выстраданы» [54].

«У преподавателя географии Л. И. Куприяновой на первых порах не все ладилось. Человек вдруг растерялся от обилия материала, который надо было просмотреть, законспектировать.

— И когда я была близка к отчаянию, — вспоминает Любовь Ивановна, — руку помощи мне протянула Журавлева. Все чаще она стала бывать у меня на уроках. Тактично и дружелюбно указывала на мои просчеты. А предмет она изучила прекрасно, и не только по книгам. Много путешествовала по стране, и я, помню, удивлялась, как тонко знает Зинаида Степановна и климат Прибалтики, и особенности рельефа Кавказских гор, и пригороды Ленинграда» [49, с. 58].

«Мой любимый учитель — это учитель географии Юрий Сергеевич Кашкин. Он не только наш учитель, но и воспитатель. Мы с ним ходим в походы. А в этом году были в очень длинном и трудном походе — на Урале. Прошли двести пятьдесят километров. А Юрий Сергеевич ведь не молод. Ему скоро шестьдесят, и он инвалид войны. Но он был среди нас самым веселым и добрым» [49, с. 99].

Здесь только, наверное, нужно напомнить, что З. С. Журавлева — учительница русского языка и литературы, а З. Г. Шоюбов преподает математику, Н. Н. Захарова — физику и астрономию. Так что в путешествия они отправляются не «по должности».

И все же, какими бы интересными, увлекательными, будоражащими мысли и чувства ни были встречи, экскурсии, книги, они не могут заменить впечатлений, жизненных и профессиональных, которые дает пусть кратковременное, но другое место работы. Это всегда основа для сопоставлений, сравнений, размышлений, иной угол зрения.

Почти четыре пятых (78,7%) народных учителей СССР в начале своего пути меняли место работы. И это не было связано только с «продвижением по служебной лестнице», хотя для многих открывались и иные возможности, вне школы. Вспомним, что Г. Б. Кобахидзе предлагали остаться на кафедре физики. А вот еще один «невыгодный» выбор. Нарзи Тухташев всю жизнь проработал учителем математики в родной школе № 31 Пастдаргомского района Самаркандской области. Но...

«Он заканчивал университет с блеском, и лестных предложений у него было немало. Хочешь — учись в аспирантуре. Хочешь — иди работать в городскую школу. Ребята не верили, что их Нарзи, гордость факультета, сделает так, как твердил все эти годы: вернется учительствовать туда, где учился. «Выпущенная стрела назад не возвращается», — посмеивались они. И ошиблись.

Нарзи Тухташев считал для себя возможным только один путь: назад, к истоку, в маленькую глинобитную школу, где в любую жару прохладно, а за окнами шелестят чинары и чуть слышно журчит арык. Нет, не потому только, что там все знакомо, что в отцовском доме ждет его молодая жена Анбар с первенцем Аббасом, — просто он очень хорошо знал себе цену и этой ценой хотел расплатиться за все, что успел получить.

«Если ты силен, испытай свою силу» — так объясняет он сейчас поступок, который всем вокруг казался необъяснимым: зачем человеку с университетским образованием, математику высокой пробы, становится самым обыкновенным сельским учителем?..

Вперед и выше, — пожалуй, в этих словах заключен принцип жизни Нарзи Тухташева, внешне такой неподвижной, такой неизменной. И директором его выдвигали, и завучем. Он упрямо качал головой, повторяя: «Я — учитель» [52].

Людмила Федоровна Парфенова — учительница русского языка и литературы средней школы № 47 г. Кургана — тоже почти всю жизнь проработала учителем, хотя и не на одном месте. Вынуждена была уйти после того, как интернат, в котором она работала, расформировали.

«Привычка приходить в школу рано сохранилась еще с давних интернатских лет, когда группа молодых учителей пришла работать в интернат, только что открытый на Увале, под Курганом, в 1958 г. Каждый здесь был и учителем и воспитателем. Работали с 7 утра до 11 вечера через день, и только летом, когда пошли в отпуск, им сказали, что весь этот год они проработали без выходных. Никто об этом даже не догадывался.

Людмила Федоровна была среди начинающих чуть ли не самой опытной (за плечами уже 5 лет стажа), поэтому к ней постоянно ходили на уроки, у нее учились и уже тогда понимали, что рядом с ними человек незаурядный. Когда через три года ее пригласили на преподавательскую работу в институт, который она окончила, то, как вспоминает сейчас кандидат филологических наук Т. В. Казачкова, всем им стало страшно: что будет с ними, если Людмила уйдет из интерната. Глубокой осознанности того, что она значит для каждого, еще не было, но ощущение возможной невосполнимости потери было настолько явственно, что все со страхом ждали ее решения. Приглашения она не приняла и осталась на месте» [79].

Но кажется, здесь речь больше идет об исключениях. Абсолютное же большинство народных учителей, как уже было отмечено, не только меняли место работы и жительства, но и «делали карьеру». Только вот какая эта карьера.

Л. Ф. Парфенова была инспектором роно (в 1955— 1958 гг.), но ушла в школу. Инспекторами работали и Б. В. Дынга, А. А. Ковалев; Н. С. Борисов два года заведовал роно; А. П. Полехин на протяжении девяти лет был и инспектором, и заместителем заведующего Мосгороно, а А. М. Божко — заместителем наркома просвещения Севе-ро-Осетинской АССР. Иному такие должности показались бы заманчивыми, а они вернулись в школу. М. А. Алексеев, Э. А. Вингрена, П. Г. Лозина, Д. С. Схалыхо работали секретарями РК ВЛКСМ, а В. Ф. Алешин, Ю. С. Кашкин, Н. В. Семин в разные годы были заведующими отделов РК КПСС и обкомов партии, но вернулись в школу.

Перед Т. И. Гончаровой, ассистентом кафедры Карельского пединститута, и Н. Н. Дубининым, проработавшим пять лет старшим преподавателем Дальневосточного государственного университета, так же как и перед кандидатами педагогических наук А. М. Ивановым и Т. Ф. Сепсяковой, открывался путь в науку, но они выбрали работу в школе.

Поднимались по школьной служебной лестнице на должности завучей и директоров Н. Н. Белоштентова, М. Ч. Гармаева, С. А. Дагбашян, З. А. Субботина, А. В. Уляшев, Л. С. Филиппова и другие, но потом возвращались в учителя.

Что же отразилось в этом факте? Преданность профессии, школе, тяга к постоянству? Конечно. Но вместе с тем открытие с иной точки зрения возможностей и значения учительского дела, роли школы в совершенствовании жизни. Широта кругозора народных учителей — производная от внутренних и внешних обстоятельств.

Именно эти широта и высота, о которой мы говорили раньше, и обеспечивают народному учителю прочную основу, базу его роста. И в этих противоречиях еще одно проявление диалектики профессии педагога. Без «перемены мест» не было бы и постоянства, верности своему делу, школе. Об этой верности, столь плодотворной для школы и для учителя, говорят и цифры.

Более 5 лет работают в одной школе — 3,3% учителей

Более 10 лет — 9,8%

Более 20 лет — 52,4%

Более 30 лет — 31,2%

Более 40 лет — 3,3%

Вывод напрашивается сам собой. Преданность школе у народного учителя не результат случайных обстоятельств, не отсутствие альтернатив, а результат поиска своего места в жизни, умение найти его и сделать своим навсегда. Без этого и не было бы, наверное, «вечного движения», а было бы вечное блуждание.

Глава 3

ГРАНИ МАСТЕРСТВА

Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его.

В. И. Ленин

Опыт каждого взрослого человека огромен. Он постоянно изменяется, обогащается, вольно или невольно включает в себя не только науку жизни, труда, но и опыт других людей, почерпнутый из книг, встреч, общения. Описать его полностью, даже ограничив понятием «педагогический», невозможно. Тем более когда речь идет о десятках выдающихся учителей. В этом случае можно говорить об отдельных сторонах опыта, о его гранях, чертах, да и то не обо всех, а лишь о некоторых, общих.

Мы постараемся выделить эти общие черты в развитии опыта, чтобы понять, что позволяет ему стать особенным, отличающимся высоким уровнем мастерства, а значит, эффективностью труда, постоянно возрастающими результатами обучения и воспитания школьников.

Об отдельных сторонах опыта того или иного учителя написано и пишется немало. Много берется на вооружение другими учителями, используется. Но ведь многое и не используется, несмотря на все старания учителей. Почему так происходит? Плохо, не очень четко и детально представлен опыт? Бывает и такое... Но почему же порой достаточно намека, одной лишь «голой идеи», и опыт одного учителя начинает жить в опыте других?

Не случайно К. Д. Ушинский писал: «Если факты остаются только фактами, то они не дают опытности. Они должны произвести впечатление на ум воспитателя, классифицироваться в нем по своим характеристическим особенностям, обобщиться, сделаться мыслью, и уже эта мысль, а не самый факт сделаться правилом воспитательной деятельности педагога» [8, с. 15—16]. Иными словами, применение достижений, открытий, опыта других не есть бесстрастное и буквальное повторение форм и методов работы. Необходимо осознание их «надобы» (М. Цветаева), того, чем они вызваны, личное принятие педагогических идей, которые в них материализуются, как собственных, отвечающих твоим исканиям. Иными словами, совпадение взглядов, убеждений, строя личности, гражданских позиций.

Повторим, опыт, в том числе и педагогический, целостен. Нельзя изменить что-то одно, не меняя всего остального. Что же такое опыт? В чем его суть? Каковы его главные составляющие? Только ли он «сын ошибок трудных» (А. С. Пушкин)? Или он обновляется, совершенствуется и с помощью знаний, полученных от других? Наверное, и то и другое. Но прежде всего это всегда результат, след, отпечаток реальной и идеальной, материальной и духовной деятельности, дающей новое видение, которое, в свою очередь, заставляет изменять сложившийся стиль работы в соответствии с должным. Обновленный опыт становится основой для его последующего совершенствования, возвышения к идеалу. Этот творческий процесс, начавшись, побуждает все время идти дальше и выше. Понятия «опыт» и «деятельность» неразрывны, как две стороны одной медали. Именно это и позволяет нам рассмотреть главные составляющие педагогического опыта, т. е. деятельности учителя. В теории деятельности (А. Н. Леонтьев, С. Л. Рубинштейн, А. А. Смирнов, Б. М. Теплов и др.) принято выделять мотивы деятельности (то, ради чего она осуществляется), цели-результаты, на достижение которых мы направляем действия, средства их реализации, а также автоматизированные компоненты этих действий, навыки, операции, обеспечивающие использование имеющихся средств при учете данных условий [55, с. 91—92].

Следовательно, в педагогическом опыте учителя мы можем и должны выделять мотивы (потребности и интересы, установки и идеалы, влечения и эмоции) его деятельности, педагогическое сознание, которое включает представление о целях-

результатах и об условиях достижения последних, знание конкретных детей, закономерностей и особенностей их развития, а также понимание эффективности выбираемых средств. В опыт (деятельность) учителя входят и сами средства, методы взаимодействия с учениками — педагогическая технология, с помощью которой творит учитель, совершенствуя ее и себя. Составной частью этой технологии является соответствующая ей педагогическая техника, те навыки, умения, средства, без которых тоже трудно представить мастерство учителя.

Попробуем проследить эти взаимосвязанные составляющие в опыте народных учителей СССР.

СОЗИДАЯ ЛИЧНОСТЬ

Конечно, находками, изобретениями педагогов может быть, скажем, учебное оборудование или новый дидактический прием. Они ценны сами по себе, как, например, автомобиль по сравнению с конным экипажем вне зависимости от того, кто сидит за его рулем. Но от водителя зависит, решится ли он сесть за руль новой, необычной машины, как и то, куда этот автомобиль поедет.

Большинство удостоенных звания народного учителя СССР не изобретали нового «автомобиля». Так, опыт ученических производственных бригад, широко используемый в школах М. А. Аверина, В. Ф. Алешина, Н. С. Борисова, А. М. Иванова, Н. К. Калугина и многих других, родился еще в 1950-е годы в школах Ставропольского и Краснодарского краев. Но они стали одними из первых, кто понял плодотворность идеи и доказал ее жизненность, обогатив эту эффективную форму воспитания и обучения своей практикой.

В их деятельности по внедрению нового была не дань моде, а осознанная необходимость, чувство жизни, ее потребностей, вера и убежденность в великой преобразующей силе настоящего производительного труда, которого так не хватало и до сих пор не хватает нашим детям.

Вера и убежденность — гражданственность народных учителей, понимание интересов школы, детей, страны как своих собственных — и в той незаметной каждодневной борьбе с показухой, очковтирательством, приспособленчеством, которыми иные прикрывают свою инертность, лень, безответственность.

— А я вопреки всем указаниям добилась того, чтобы у нас в школе шестилетки не учились... — неожиданно заявила Юлия Николаевна Черненко, когда у нас зашла речь о реформе. — Пока не учились, — поправила она: — Условий для этого в нашей школе нет, в две смены занимаемся, а шестилеткам отдых нужен. А какой отдых, если звонок постоянно, шум перемены? Это значит неврастеников растить... Не могла я пойти на это. И когда выступала по Центральному телевидению, сказала, что думаю... Районное начальство до сих пор обижается... Ну и пусть дуются, зато я тридцать детишек спасла. Они и в детском саду неплохо учиться могут, преподаватель есть. А вот когда второй корпус построят, тогда можно и к нам...

Гражданственность — это не просто добросовестное выполнение своих функциональных обязанностей, а позиция человека, понимающего свою общность с народом, живущего его интересами и отвечающего перед ним всей своей жизнью и совестью. Именно это дает педагогу право вести за собой детей, и только тогда за ним пойдут.

Василий Федорович Алешин был направлен директором в Шумяческую среднюю школу Смоленской области для укрепления, как пишут в протоколах, «морально-политического климата в коллективе». Но коллектива-то, собственно говоря, и не было. А были застой и самоуспокоенность.

«— Что вы хотите? — возражали ему учителя. — У нас сельская школа. Вы требуете невозможного.

Самая трудная и изнурительная борьба — это борьба с укоренившимися представлениями и понятиями. В том, что в Шумячах можно организовать хорошую

школу, необходимо было убедить учителей на примерах... «Урок — зеркало общей и педагогической культуры человека, мерило его интеллектуального и нравственного богатства»,— напишет Алешин позже в одной из своих статей. Он учился сам и заставлял учиться других.

С учителей начали требовать личные планы по самообразованию. Директор просматривал их внимательно, оставлял на полях свои пометки. Стали входить в практику учительские конференции. Учителям предлагалось выступить с собственными соображениями, например, на тему «Каким должен быть современный учитель?» Просто отписаться было невозможно. Не принималось все, что не содержало живой, глубоко продуманной мысли, собственного опыта.

С полок школьной библиотеки все чаще брались книги по психологии и педагогике. По некоторым из них устраивались экзамены в полном смысле слова, разве что без билетов.

— На тебя жалуются учителя,— говорила жена, когда он поздно вечером возвращался домой.

Василий Федорович только посмеивался.

Он знал, что на него есть за что жаловаться. Учителя уставали невероятно, работы на них навалилась масса, и далеко не все могли с ней справиться. Он понимал, что слишком требователен, и людям, привыкшим за долгие годы к относительному спокойствию, к внутренней лени, от которой вот так, одним рывком, нечего думать избавиться, было очень трудно.

— На первых порах меня не признавали многие учителя... С первых же дней я постарался не принимать во внимание недовольства, симпатии и антипатии. Это был единственный способ организовать дело. Я не ставил цели установить дружеские отношения с коллективом. И не стремился быть всеобщим любимцем. Откровенно говоря, мне было безразлично, как они ко мне относились. Мне угрожали, но я ни с кем не выяснял отношений. Если человек оказывался полезен для дела, то все остальное не имело значения. Знание и умение редко сочетаются с покорностью. Мне нравятся ершистые, несговорчивые учителя. С такими и работать интереснее. Пусть он со мной спорит хоть каждый день, но только не остается равнодушным» [49, с. 38—40].

Гражданственность З. Г. Шоюбова проявилась несколько иначе.

«Шоюбова директором школы выбрали учителя (проводился однажды такой эксперимент)... Слушали доклад прежнего директора школы на коллегии республиканского министерства и дали жесткий срок на исправление недостатков в работе, он обдумал положение и попросился в отставку.

Много проблем встало сразу перед Шоюбовым. Пропуски занятий в школе были стихийным бедствием. Что делать? Устраивать глобальные проверки, наказывать учеников, вызывать родителей?..

Нет, сказал себе Шоюбов, надо заглянуть в корень. Как добиться того, чтобы, проснувшись, ребенок обрадовался при мысли, что сейчас пойдет в школу, а когда кончатся уроки, не захотел бы из нее уходить? Шоюбова осенила простая как будто бы мысль: надо расширить в глазах ребят само понятие «школа». Разве школа — только уроки? А труд? А спорт? А игры? А развлечения? Школа должна заполнить жизнь ребят радостным и разумным содержанием. Дать выход их энергии, поразить воображение !

Загид Гамильевич предложил коллегам пометать. И в мечтах предстала школа — детский город. Картина рисовалась грандиозная, но... теперь не страшно в том признаться, показалась многим утопической. Возник трезвый вопрос: где взять деньги? Шоюбов отвечал: заработать. Не на всё, конечно. Забегая вперед, скажем, что новую школу построило, разумеется, государство. Но строительство это ускорилось именно потому, что не прошли мимо глаз окружающих перемены, которые стали совершаться в Халдане. Верна пословица: под лежащий камень и вода не течет.

Спустя годы Шоюбова с удивлением спросят: неужели не внес он никаких изменений в коллектив, принятый им от прежнего директора? Нет, Загид Гамильевич не подтолкнул к уходу ни одного учителя. Но ведь не все его поддерживали? А он никого и не торопил соглашаться с собой.

Шоюбову не свойственна поспешность, кстати говоря, школьному делу вообще противопоказанная. Он работает основательно, продуманно.

Но как же все-таки обрел коллектив дружбу и согласие? Цель была поставлена — в этом вся суть, убежден Шоюбов. Большое дело отвлекает от мелочей, по-иному высвечивает слова и поступки. Когда же хоть малый успех достигнут — в людей вселяется вера» [54].

Вера. Любовь. Надежда. Вера в товарищей-учителей, в то, что будешь правильно понят. Любовь к детям, к делу, которое поручено. И надежда, что мечта сбудется и твои вера и любовь станут общими. В этом тоже гражданственность. И еще — в способности отстаивать свои убеждения, идти против течения.

«Вчера была приглашена на бюро обкома по итогам проверки Гатчинской школы. Не робкого я десятка, а тут струсила, да и здорово. Все читают по листочкам, строго, чинно...

Дали мне слово — робость вся прошла, текст в сторону... Много доброго сказала о коллективе школы, о ребятах, они действительно этого заслуживают, а потом — о наших проблемах, которые очень наболели...

Вернувшись домой, уснуть не могла. Что же будет? Что же будет? А вот сегодня, в восемь вечера, звонок из обкома... Поздравляют с выступлением, которое так удивило и обрадовало членов бюро...

Ура! Будут у ленинградских учителей книги, так нужные им для работы! Будут давать им квартиры! Мне велено дать списки нуждающихся по своему району и многое другое» (из письма Т. И. Гончаровой автору в 1984 г.).

Именно таким людям говорят: «Что вы никак не успокоитесь? Что вам — больше всех надо? Или вам неприятностей не хватает?» Неприятностей, наверное, хватает. Но им действительно надо больше всех, во всяком случае больше многих. Иначе бы они не были учителями, не были коммунистами. И их школы не были бы такими, какие они есть.

«Представьте себе одну за другой две сменяющиеся картины. Школа на краю прокаленного южным солнцем, обдуваемого сухими ветрами старинного села. Разнотипные одноэтажные строения, пыльный двор, упирающийся в остаток дамбы, весь в щетине пересохшей травы. За ним кочковатое болото, вокруг — пустыри. Так было полтора десятка лет назад.

А сегодня асфальтированная просторная площадка перед светлой трехэтажной школой окаймлена чайными розами, стеной тополей и акаций. В плотном кольце деревьев изумрудное спортивное поле с беговой дорожкой по краю. Географическая площадка. Площадки для игр. Тир. Плавательный бассейн. Музей дружбы народов. Сад из абрикосов и гранатов. Зеленый питомник, где выращиваются саженцы. Розарий. Оранжерея. Одна из строгих и тенистых аллей ведет к обелиску Славы. А сколько в этом зеленом царстве уютных мест для разных занятий и отдыха! Летний павильон под платаном, чайный уголок, где столом и стульями служат шлифованные пеньки. Фонтаны с мозаикой. И всюду — розы.

Второй раз я в Халданской школе, а уже нахожу множество перемен в ее городке. Построен двухэтажный школьный интернат. Строится детский сад. Оборудуется ферма, для которой уже выделен десяток отборных коров. Три года назад тут была птицеферма и маленький зоосад. Сейчас, пока идут строительные работы, домашнюю птицу и экзотических пернатых (павлинов! — В. Х.) отселили, но они вернуться. Будет и инкубатор» [54].

А вот другая школа, за тысячи километров от Халданской — на Украине, в Черкасской области. Но и ее директору и первому учителю Александру Антоновичу Захаренко тоже «больше всех надо». И для себя, и для детей, и для... нас.

«Двор многих школ обычно напоминает хорошо утрамбованный плац-парад. Здесь же — буйная зелень разнотравья, многоцветие клумб, ели, березки, ивы...

— А вот и наш фонтан «Колос». Колосок, если сравнивать с «Колосом» на ВДНХ,— сказал Александр Антонович и предложил: «Хлопните в ладоши! Только сильнее!»

Мы хлопнули — и фонтанчик ожил, заискрился под солнцем струйками и брызгами. Александр Антонович показал на дерево, под которым мы стояли:

— В ветвях дерева — микрофон. От звукового сигнала срабатывает реле... Словом, автоматика, никаких чудес. Разработали и построили «Колос» сами ребята, ученики нашей школы.

Экскурсию начали с музея — такова традиция. В Сахновке рассказывают, как в бытность свою Захаренко — молодой учитель (физики.— В. Х.) — увлек ребят восстановлением старенького планера, который ему бог весть как удалось достать. С каким энтузиазмом сооружали огромный воздушный шар, мастерили ракеты, внедряли в учебные занятия первые электронные машины. По-настоящему же «школа Захаренко» началась со строительства музея. Именно здесь и проявилось талантливое умение его увлечь идеями всех — от малышей до почтенных сельских дедов.

Строили музей два года, провели 52 воскресника, в них участвовало свыше тысячи человек. Это данные из музейной «Почетной книги учета работавших на стройке». А ведь в Сахновке нет избытка рабочей силы, деревня не из крупных, даже не административный центр колхоза — одно время чуть было не занесли в разряд «неперспективных».

Музей двухэтажный, необычной архитектуры — мысль о типовой коробке, чтобы подешевле и побыстрее, даже не возникала: она в зародыше была бы отвергнута общим школьным собранием. Обсуждение и окончательный выбор проекта — это целая эпопея, волна дискуссий и фантазий, умело направляемых директором — главным фантазером.

Разместились широко, с размахом: помимо собственно музея — планетарий, обсерватория, на крыше между башнями обсерватории школьный космодром, или, по выражению ребят, «сахновский Байконур», ленинская комната, кинолекционный — он же актовый — зал, помещения для занятий кружков и организации выставок детского творчества.

В каждом зале вас встречают дежурные экскурсоводы-школьники. Лучшим ребятам доверена эта почетная должность. Зал — окно в прошлое: быт крестьянской семьи, одежда, утварь, орудия производства.

Новый зал — новый экскурсовод. Здесь с большой картины глазами матери, провожающей на фронт сыновей, глянула война.

Практически о каждой семье есть в музее та или иная памятка. Почетная грамота за ударный труд. Вырезка из газеты. Семейная фотография. Солдатский треугольник с фронта. Знаменитый рушник, вышитый бабой Мотрей,— это ее изобразил на картине художник. Вышивала мать рушник, ожидая сыновей из кровавой сечи, чтобы смахнуть с лица дорожную пыль и фронтовую гарь, но не суждено было вернуться ее ясным соколам: старший погиб, защищая Москву, средний в Корсунь-Шевченковской битве, не дойдя буквально нескольких шагов до порога отчего дома, а младший сложил голову в Берлине — в самый канун Победы. Сюда приходят по одиночке, семьями, коллективами, в минуты скорби и в дни радости. Сделано все, чтобы память о героях сохранилась в поколениях...» [80].

А. А. Захаренко на 13 лет моложе З. Г. Шоюбова, и для него война лишь горькие воспоминания детства. Общее — память о людях и благодарность им. Ибо гражданственность — это и связь с людьми, не только в пространстве, но и во времени. Каждый из них не только новатор, зачинатель, но и продолжатель...

Быть гражданином — значит осознавать себя звеном в цепи поколений, постоянно видеть, ощущать в себе и прошлое и будущее. А будущее, особенно для учителя, заключено прежде всего в детях. И думая о детях в холодной Якутии или жаркой Грузии, среди лесов Коми или в степях Оренбуржья, М. А. Алексеев и Г. Б. Коба-хидзе, А. В. Уляшев и Н. К. Калугин думают о будущем. А думая о будущем, они не могут не думать о детях. Для учителя это неразрывно. В детях, через детей проявляется его гражданственность, высокое сознание.

ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ

Человеческое сознание — это всегда принципы, правила, лежащие в основе действий и поступков. И педагогическое сознание учителя тоже. Принципы его могут быть осознанными, сформулированными четко и ясно и для себя, и для окружающих, а могут быть более ощущаемыми, чем осознаваемыми. Но без них, без этих разрешений и запретов для себя и окружающих, труд учителя перестает быть целенаправленной деятельностью и превращается в свою противоположность — стихийный набор мероприятий.

Конечно же, основные принципы дидактики и воспитания изложены в учебниках по педагогике. И конечно же, учителя, удостоенные самого высокого учительского звания в стране, хорошо знают о принципах научности в обучении, необходимости связи его с жизнью, систематичности и последовательности и др. Так же как о необходимости комплексного подхода в воспитании, о сочетании педагогического руководства с инициативой и самостоятельностью учащихся и т. д. Речь пойдет и об этих принципах. Но прежде всего о тех, что были найдены, обретенны в процессе многолетней практики, стали жизненным и педагогическим кредо, внутренними убеждениями.

О многих из них мы уже говорили. Но, пожалуй, первыми надо назвать деятельную доброту, доверие, уважение и чуткое внимание к личности растущего человека. Разве не ими пронизан каждый день М. А. Алексеева? Разве не они определяли и определяют деятельность Т. И. Гончаровой и Л. Ф. Парфеновой в интернатах и сейчас в школе? А разве не они отражаются в делах А. А. Захаренко и З. Г. Шоюбова и многих, многих других народных учителей? Только не говорят они об этих принципах, а доказывают верность им делами, каждым поступком, начинанием, и большим и малым.

«...Несколько лет назад близ школы начали расширять участок дороги. И Шоюбов тотчас поднял на ноги общественность, чтобы успеть построить под магистралью подземный переход. Откликнулись на призыв учителей и старшеклассники, и строители, и родители. Два лета трудились энтузиасты. Теперь дети ходят в школу через бетонированный тридцатитрехметровый тоннель» [54].

Еще факт — из жизни Н. Тухташева.

«...Двадцатидвухлетняя красавица Мавджуда Хатамова в этом году заканчивает заочно математический факультет Самаркандского пединститута. Она уже два года учительствует. «Другой мечты не было,— говорит.— Я хочу, чтобы у меня все получалось, как у муаллима (учителя) Нарзи». И краснеет неудержимо — такими дерзкими, наверное, кажутся ей собственные слова.

Мавджуда знает, как вершатся чудеса в педагогике. Учиться — одно, научиться — другое. Это любимое изречение ее учителя. Нет ученика, который бы у него не научился. Нет ни единого. Она хорошо понимает, чего стоит этот результат. Уже закончатся уроки, отзвонят все звонки, разойдутся по домам учителя и дети, а ее учитель все сидит в классе, втолковывает слабым, не допускает, чтобы топтались на месте сильные. Тысячи карточек. Тысячи, исписанных одной рукой, одним поразительным, по-старинному каллиграфическим почерком. Это для того, чтобы ни один не томился без дела, и каждый непрерывно двигался вперед и выше» [52].

Плохой учитель постоянно жалуется директору школы, родителям, с возмущением говорит ученикам о том, что они не ценят его доброту и старания, что они черствые, бездушные люди и т. д. Хороший учитель ищет пути к взаимопониманию, чтобы пробудить мысль ученика, вызвать у него встречное движение к своему делу, к себе самому.

«...На столе учителя лежат тетрадные листочки — результаты опроса класса, который в очередной раз готовится к литературному вечеру. Кто и что прочитал, кто о чем хочет и может рассказать товарищам. «Я читал книжку про красного партизана Лазо. Могу рассказать, как он бил беляков». «Читала книжку «Витя Малеев в школе и дома». И расскажу главу пятнадцатую». «Читал про Атлантиду, но неинтересная книжка. И можно я не буду из нее рассказывать?»

Перебираю листочки. Вот еще один про Витю Малеева. И еще. И еще. Витя Малеев явно «ведет».

— В библиотеку недавно привезли несколько экземпляров этой книги,— объясняет Ольга Сысоевна Авраменко.— Ну что же, устроим вечер о Н. Н. Носове. Жаль вот только, что прошлый вечер у нас сорвался. Мы такую славную инсценировку с ребятами подготовили! Но «героиня» простудилась. В школу до сих пор еще не ходит.

— Так вы и художественную самодеятельность организуете?

— Организую. Очень люблю этим заниматься. Иногда кажется, что это мои лучшие часы в школе. Дети становятся такими открытыми. Так их сразу видно всех.

За этими словами чувствуется, что очень по душе Ольге Сысоевне это дело,— что-то очень важное стоит за этими словами. И я, быть может, с излишней торопливостью пытаюсь задать свой главный, заветный вопрос.

— Ольга Сысоевна, так что же является стержнем ваших отношений с детьми?

— Доверие,— ответила она.

— Доверие?! Но ведь это же невероятно трудно,

Ольга Сысоевна! — говорю я.

— За это стоит бороться,— слышу я ответ.

— А не разоружите ли вы этим своих ребят перед сложными жизненными ситуациями?

— Нет. Сначала я научу их доверию, а потом успею научить, как им пользоваться.

— Сейчас в классе вы еще не добились этого?

— Почти добилась. Я работала над этим полтора года.

Это было для меня важнее, чем их успеваемость. И важнее, чем соблюдение внешних форм дисциплины. Вы знаете, многие жалуются, что класс разболтанный. И отличников там у меня еще нет. Но это потом. Будет и успеваемость, будет и дисциплина... Вы бы видели, какие они пришли ко мне,— тихо говорит Ольга Сысоевна, отдергивая занавеску на окне, за которым притулился к своему пригорку поселок Уваровичи» [49, с. 15—16].

Этот рассказ напомнил мне другой. Э. В. Кузьмичева (инженер-строитель) вспоминает, как учила ее сыновей Т. И. Гончарова:

«Всего лишь за год, в течение четвертого класса, она научила их быть добрыми. В классе ведь большинство мальчишки. В двадцати двух семьях не все благополучно. Сплошное буйство. Чуть что, выясняли отношения с помощью кулаков. Учительнице начальных классов они не поддавались. А Татьяна Ивановна сумела их убедить в необходимости все решать на основе добрых отношений. Каждый проступок разбирался в классе, искали другие варианты решения споров, на основе добрых отношений...

Ребята часто бывают вместе в театре, кино, музеях. Это тоже сближает их. В сентябре, уже в пятом классе, ездили на экскурсию в городской Дворец пионеров на Невском проспекте. И не так просто ездили. Татьяна Ивановна как-то потихоньку, исподволь смогла добиться, чтобы каждый выбрал себе кружок по душе, чтобы и себе и людям польза была.

Мой старший сын тоже учился у нее. Как-то разбил случайно цветочный горшок. Как обычно бывает? Начинают разбирать, корить: плохие вы! А она только удивилась: «Где же цветок?!» А потом сказала: «Жаль, плохо у нас с цветами...» Я прихожу домой, а дома цветка нет. Оказывается, Вадик его тут же в школу отнес. Ну, а потом и я дозналась, что случилось.

Татьяна Ивановна оказывает на ребят магическое действие. Ребята постоянно ходят к ней домой. Когда она болеет, ей буквально нет покоя — весь класс около квартиры топчется (она у нее на первом этаже)...

Они уже привыкли быть вместе. Квартира у соседки Татьяны Ивановны сгорела. Татьяна Ивановна приютила старушку у себя, пока у той первое потрясение не прошло и квартиру не подремонтировали. А ребята взяли шефство над соседкой: в магазин ходили, с собакой гуляли...

О чем говорит на родительских собраниях? О дисциплине, об успеваемости... Но прежде всего ее интересует моральное состояние класса. Чем живут дети, каков у них настрой, какова инициатива, куда направлена? «Нельзя,— говорит,— думать только об учебе, об успеваемости. Хорошие показатели в учебе придут следом за общей нравственной атмосферой. Пусть будет тройка, не расстраивайтесь. Главное, не упустить человека!»

В третьем, в четвертом классе у моего младшего сына были постоянные замечания в дневниках, сколько я ни билась. А сейчас за два месяца — ни одного! Создана деловая атмосфера в классе. Шалить стало стыдно. Энергия уже направлена на получение знаний».

И в большом и в малом, и как стратегический принцип и как тактический в деятельности народных учителей присутствуют доброжелательность, доверие, открытость, искренность, терпение.

Разве не это отразилось в рядовом эпизоде жизни школы В. Ф. Алешина?

«Прозвенел звонок. В коридоре зашумели, загалдели, затопали. В дверь просунулась белобрысая мальчишеская голова.

— Василия Федоровича нет?

— Зайди попозже, он должен скоро прийти.

Мальчишка кивнул и, скрипнув дверью, исчез.

— Нашкодил, сразу видно, нашкодил,— прокомментировала Тоня (секретарь директора.— В. Х.),— пришел каяться.

— Какие у вас, однако, дети сознательные, на покаяние приходят. Не боятся директора?

— А чего его бояться-то? К нему вон ходят толпами с утра до вечера. То ученики, то родители, то учителя.

Каждый со своим. Вечно дверь нараспашку. Тут перед вами старушка одна приходила. Чуть не плачет, говорит, дров на зиму совсем нет, помогите, Василий Федорович. А он ее знать не знает. Одинокая старушка. Конечно, взялся помочь...

Дверь снова распахнулась. Вошел невысокий светловолосый человек. Я слегка удивилась, увидев его. Он был застенчив и улыбался рассеянно. Ни уверенности жеста, ни властности голоса...

— Корреспондент? Из Ленинграда? Надолго? Понятно, значит, время у нас есть.

Глаза голубые, с маленькими прицельными зрачками, смотрели вопрошающе. В дверях показалась знакомая мальчишеская голова.

— Что, Сергеев? — спросил директор.

Мальчик недоверчиво покосился в мою сторону. Директор подошел поближе. Сергеев, краснея, объяснил, что разбил стекло.

— Ну что надо делать? Где стекло взять, где инструмент, знаешь? Сам-то справишься? — доносился до меня приглушенный голос директора.— Ну иди, иди, мне

сейчас, видишь, некогда.— Василий Федорович обернулся ко мне и развел руками.— Без происшествий никак не обходится. Пожалуйста, проходите в мой кабинет» [49, с. 23—24].

Доверие — это не только «дверь нараспашку». Доверие— это умение не обидеться на подростка, посчитав, что дефицитное в школе стекло или цветок на окне дороже отношений, дороже раскаяния. «Что там отношения, доверие, доброта — все это вещи эфемерные! Кто и когда их разглядит? А вот небитые стекла, цветы на окне — порядок видно сразу. Это вещи конкретные, материальные!»— рассуждают некоторые учителя и директора школ, не чуждые желания сделать свою школу образцовой.

И трудно, очень трудно бывает объяснить этим педагогам по должности, что внешняя форма для них оказывается дороже содержания, что отношения, доброжелательность, контакт между учителем и учениками и есть для школы самые что ни на есть материальные вещи. Что из этих отношений рождаются и уроки блестящие, и школы-дворцы, и чистота, и порядок, и многое другое, что уже потом, как следствие отношений, видно и стороннему человеку невооруженным глазом. Но для того чтобы увидеть «невооруженным глазом», учитель должен быть вооружен высоким педагогическим сознанием, в основе которого — доброта, доверие, понимание.

«Спасибо, дружочек,— слышу я взволнованный голос Филипповой,— ты доставил мне сегодня большое удовольствие своим ответом». Это, оказывается, разговор с шестиклассником Мишей Исаевым, только поступившим в нашу школу... Урок истории в восьмом классе. Тема — «Отечественная война 1812 г.». Звонок... Урок заканчивается вовремя. Уходя, восьмиклассники один за другим подходят к учительскому столу: «Спасибо, Лидия Сергеевна»... Ведь это был не просто урок истории, а урок патриотизма, и дошел он до сердца и сознания каждого» [71, с. 27]. Это пишет о Л. С. Филипповой бывший директор московской школы № 345 СЕ. Хозе. А вот мнение завуча Е. И. Минц: «Эмоциональность — да... Но спросите меня, всем ли учителям я ее пожелала бы, я вам отвечу: «Нет». Может быть, потому, что я сама — сдержанный человек. Вас поразила эмоциональность Лидии Сергеевны, ее душевная открытость и приподнятость в общении с ребятами — это я очень хорошо понимаю. Поражает она и меня, поражает до сих пор, хотя мы уже много лет работаем рядом. Эмоциональность вплетена в ткань ее уроков. Недаром там звучит столько музыки и стихов. Но вы ошиблись бы, если бы решились особо подчеркнуть эту черту Лидии Сергеевны, если бы тем самым как бы рекомендовали ее учителям в качестве образца. Я ценю в Лидии Сергеевне другое — ее искренность. И дети ценят искренность, хотя и не сумели бы, наверное, точно выбрать это слово. Лидия Сергеевна предельно искренна с детьми, это главное. То, что при этом проявляется ее эмоциональность как свойство ее натуры,— это уже вопрос второго порядка. Наверное, так. Вы простите, это очень сложно формулировать, мы ведь в повседневной жизни редко испытываем нужду в точных, я бы сказала, геометрических формулировках таких вещей и редко имеем возможность этим заняться... Да, полная откровенность, преданность школьному делу и нацеленность на новое — вот три кита Лидии Сергеевны...» [49, с. 134— 135].

Искренность, откровенность — это тоже доверие, доверие учителя к ученику. Но оно не может существовать без любви. О любви учителей к детям, о необходимости этой любви написано немало. Да и кто не любит детей? Но каждый человек любит по-своему. Вот от этой любви «по-своему» столько бед и страданий родилось и еще родится. Достаточно вспомнить так называемую безоглядную материнскую любовь, превращающуюся в постоянную опеку и 5-, и 15-, и 35-летнего сына. И вместе с этой любовью-опекой растут бесконечные жалобы на безответственность, на невнимание сыновей и дочерей, на их затянувшуюся инфантильность.

Не об этом ли слова Ю. Н. Черненко: «...Растить и воспитывать не только огромное счастье, но и огромной важности дело. Мы должны учиться видеть ребенка, чувствовать его, понимать, уважать в нем человека» [49, с. 149]. Уважение к ребенку — это умение видеть его сегодняшнего, с его силой и слабостями, с его желаниями и потребностями, и в

то же время помогать ему стать лучше, приближая к себе завтрашнему. Для этого опять-таки необходимы великие терпимость и терпение, способность при высокой требовательности не требовать немедленных результатов.

«... Сегодня большая радость. Заговорила Аня Хотяно-вич из десятого класса. Веду ее с седьмого. Терпеливо и настойчиво внушала Ане, классу, что она не хуже других (не ущербная, как решили многие и она сама). Вчера она впервые за все четыре года подняла руку на уроке истории и ответила на «пять». А сегодня я спросила ее по обществоведению, по теме «Государственно-монополистический капитализм». Она выдала такой ответ, что мы раскрыли рты. А потом класс разразился аплодисментами. А Аня стояла и не садилась, такая красивая была она в своем смущении и радости, что я не удержалась и сказала: «Аня! Какая ты красивая!» (из письма Т. И. Гончаровой автору).

Перечитывая строки этого письма, я еще и еще раз убеждался, что многие выдающиеся учителя неизменно верны правилу, которое можно сформулировать так: признание актуальной, насущной потребности ребенка. Формулировка эта, конечно же, очень приблизительна. Ведь многим учителям и инспекторам могло показаться, что вред от того, что девочка молчит в течение четырех лет на уроке, огромен. И прежде всего для девочки: не развивается ее монологическая речь! Кроме того, Татьяне Ивановне приходилось выставлять отметки только за письменные работы Ани. А это, как известно, нарушение инструкций, положений, критериев оценки знаний учащихся. Нужны были и определенная смелость, и признание важности молчания девочки, и вера в свои и ее силы, и предвидение, чтобы вот так терпеливо ждать четыре года, не торопить события и при этом неустанно помогать ученице преодолеть себя. В этом факте отразилось и проявилось многое, но прежде всего признание индивидуальности ученика, его желаний, затруднений, переживаний, признание не только силы, но и слабости. Уважать знания могут многие, а вот уважать слабости, незнание, неумение детей способны лишь учителя, наделенные талантом человечности.

В этом еще раз убеждаешься, когда читаешь об одном из поступков З. Г. Шоюбова. Они с Татьяной Ивановной не обменивались опытом, но посмотрите, как схожи их жизненные, педагогические принципы!

«Когда впервые посадили подле школы осенью розы, осталось их немного. Кто-то ночью выкопал кустики. Посадили снова — снова пропажа. Что же Шоюбов? Нашел и пристыдил хоть одного виновника? Нет, он сказал ребятам: пусть все, кто хочет посадить дома розы, придут в школу. И раздал по дворам столько, сколько смог: по три-четыре кустика. А спустя год школа вновь поделилась с селом цветами. Больше никто роз не трогал» [54].

Признание возможностей, потребностей не потакание, а понимание. Понимание, что нельзя перепрыгнуть через определенную ступень развития. А у разных людей в разных условиях эти ступени тоже разные. В этом «попустительстве» детям З. Г. Шоюбова, Т. И. Гончаровой, В. Ф. Алешина и многих других народных учителей заключено большое внимание к растущему человеку, к нелегкой работе самоосознания.

Проявлением уважения к личности ребенка становится и разумная требовательность к нему. Эти две стороны взаимосвязаны. Их единство А. С. Макаренко выразил так: как можно больше требовательности к человеку, но вместе с тем и как можно больше уважения к нему.

Антон Семенович глубоко понимал противоречивость, диалектику педагогического процесса, взаимосвязанность понятий, которые только внешне кажутся противоположными. Как безоглядная любовь к детям является в сущности равнодушием к ним, так и нетребовательность превращается в снисхождение, не побуждая к развитию, совершенствованию себя. Если личность не развивается, она деградирует. Требовательность и есть уважение к личности детей, к их развитию.

«...Когда я впервые переступила порог школы, что меня поразило больше всего, так это чистота. Невероятная, фантастическая, музейная! Я тотчас вспомнила свой разговор с

заведующим облоно в Смоленске: «Когда бы мы ни приехали, там всегда чисто, как на военном корабле». Паркетные полы сияли так, как будто по ним не ходили, а плавно катались в тапочках на бархатных подошвах, и я с легким испугом взглянула на свои еще не просохшие сапоги. Вдоль коридора, на белоснежных подоконниках стояли глиняные горшки с цветами. Парты в классах производили в большинстве своем впечатление только что привезенных с мебельной фабрики. И вся школа была какой-то свежееумытой, накрахмаленной и отутюженной. Как я ни приглядывалась, чтобы увидеть чернильные пятна на стенках, чье-нибудь имя, увековеченное на парте, или пресловутое «Маша+Саша» равняется сами знаете чему, так ничего и не нашла.

Мимо нас сновали дети, с нескрываемым любопытством поглядывали на меня и с осуждением, как мне казалось, на мои сапоги — хоть иди в универмаг покупать тапочки!

... — Как же удается поддерживать такой безукоризненный порядок в школе, где девятьсот учащихся?

— Я смотрю, безукоризненный порядок запал вам в душу, — улыбается завуч.

— Да, — сознаюсь я. — В детстве меня к нему не приучили, и теперь я за это расплачиваюсь.

— Понимаю, — согласился директор. — Это то, что называют культурой труда и чему у нас уделяют еще очень мало внимания. Порядок, если можно так сказать, — традиция нашей школы. Поддерживают его сами дети. Вы бы посмотрели, как старшие классы принимают друг у друга дежурство по школе. Пятнышка не простят. Там ручка дверная отвинчена, здесь плохо полы натерты — всё увидят.

Разумеется, учителям тоже приходится уделять вопросам чистоты немало внимания. Иначе, конечно, сомнительно, чтобы эта «традиция», как сказал В. Ф. Алешин, укоренилась. Аккумулятором традиции был директор. Стоило директору увидеть крошечное пятнышко на стенке, как он вытаскивал из кармана резинку и начинал яростно стирать пятно, если поблизости не оказывалось ученика, которому можно было бы поручить это дело» [49, с. 24—26].

Однако лучших учителей всегда отличает разумность в мере требований, предъявляемых ученикам, способность точно определить, что им по силам, а что нет. Это прописная истина. Но как порой бывает трудно руководствоваться ею в реальной ситуации применительно к конкретному ученику. Что здесь может помочь? Опыт? Интуиция? А может, все то же уважение к личности учеников, позволяющее и им взглянуть на себя глазами учителя?

Эту историю из своей практики рассказала мне Т. И. Гончарова. Для себя я назвал ее «Случай с Володей П.».

Учился он, мягко говоря, неважно. Восьмой класс еле-еле закончил. В девятый попал только потому, что директору стало жалко его мать... Тут-то все и началось. Двойки по химии, математике, географии только изредка чередовались со слабенькими троечками. А по истории отметок не было. Татьяна Ивановна не ставила — не за что было. Ждала, присматривалась: класс новый, ученики новые. С приговором в виде двойки не спешила.

Ждала вопреки мнению большинства учителей, сожалевших о слабости директора. Ждала вопреки мнению класса и самого Володи, для которого тройка по любому предмету уже давно стала пределом желаний. Долго бы ей пришлось ждать... Но опыт подсказывал — хватит! Надо помочь. Но как? Глаза у парня смысленные, добрые, только растерянные какие-то. Как заставить Володю, одноклассников, учителей поверить в его силы, возможности?

Наконец-то решила. «Пусть думает что хочет о моей честности...» На перемене отозвала в сторону: «Вот что, хватит бездельничать, Володя! Завтра спрошу причины образования монополий... Отвечать будешь сам, без подсказок! Понял?»

На уроке она, как всегда, спрашивала добровольцев. Стоя в центре класса, негромко произнесла: «Кто хочет пойти к доске и рассказать о причинах образования

монополий, дать определение понятию «монополия»?» И при этом выразительно посмотрела в сторону Володи. Рука того поднималась как-то медленно, нерешительно. Она постаралась быть спокойной и после обычной паузы сказала: «Иди, Володя!» Те, кто не успел заметить его поднятой руки, даже присвистнули, когда он впервые добровольно вышел к доске.

Отвечал в полной от удивления тишине. Отвечал спокойно. Чувствовалось, что готовился серьезно. Татьяна Ивановна стояла в дальнем углу кабинета. Но с каждым предложением Володи все больше и больше подавалась вперед, следя за лицами ребят. Боялась, что кто-то невзначай разрушит эту тишину насмешкой. Но он продолжал говорить твердо, уверенно, зная, что говорит. Через неделю был подготовлен еще один ответ-инсценировка. Постепенно класс стал привыкать к блестящим ответам Володи. Его пятерки по истории уже никого не удивляли. А он удивлялся, удивлялся тому, что ему хочется читать, знать все больше и больше...

К концу десятого класса, наверстав упущенное по всем предметам, кроме немецкого, он решил поступать на юридический факультет Ленинградского университета. Татьяна Ивановна поспешила в приемную комиссию и долго упрашивала экзаменаторов посмотреть сквозь пальцы на его немецкий язык. За остальные экзамены она не волновалась. И сдал он их с блеском. Сейчас Владимир Пономаренко — один из лучших студентов ЛГУ.

Доверие. Как просто и как емко сказала О. С. Авраменко, сказала за всех народных учителей. И когда читаешь размышления Ю. С. Кашкина, то тоже думаешь о доверии, без которого не может вырасти самоуважения, чувства ответственности.

«— В двадцать девятом году моего отца избрали председателем колхоза. Ну что такое двадцать девятый год — объяснять не надо. В колхоз вошло семнадцать деревень. Одна от другой на расстоянии пяти верст — не меньше. А дороги беспокойные. Бандиты шныряют. Я еще в школу не ходил, а отец мне работу определил — вестовым. «Ну, паря! — кричал он мне с крыльца сельсовета, — седлай Буянку, езжай в Бабкино с донесением». Хорошо, если бы в одно Бабкино посылал.

В школу пошел — тоже своя проблема. Опять за пять верст ходи. Лесом, полем, снова лесом. С бандитами к тому времени вроде поспокойнее стало, волки страх наводить принялись. Мать с отцом выходили к вечеру встречать.

А вот нашему внуку — десять...

— А спросите меня, — продолжает директор: — посадил ли бы я его сейчас на Буянку да отправил бы с донесением за пять верст — даром, что дороги вовсе безопасные? — не отвечу так, сразу. Но даже если бы и посадил... волновался бы как! Но, с другой-то стороны, как настоящих мужчин растить? Не неженки, не слюнтяев, не трусов? Я скажу. Делом. Не подделкой под дело. А делом. В подлинности, нужности, важности которого ребёнок не сомневался бы» [49, с. 83—84].

«Незаслуженная оценка—завышенная или заниженная, нетребовательность, снисходительность в определении воспитанности, жизненных устремлений (ценностных ориентации) учеников приносят трудно поправимое зло, и, возможно, на долгие годы (так пишет А. А. Захаренко.— В. Х.). Нужно, чтобы нам, учителям, всегда верили. Всегда! Не имеем права даже на грань неискренности в разговоре ни с учеником, ни с родителем. Честность воспитывается честностью, мужество — мужеством...» [50, с. 34—35].

И когда речь заходит об учебном процессе, разве не о доверии, включающем и уважение, и требовательность, и контакт между учителем и учеником, говорят народные учителя? «...Ученику, считает Кобахидзе, ни в коем случае не следует давать готовые истины, его надо заставить дойти до них самому.

— Помните, как любил говорить Горький? — спрашивает он меня. И тут же напоминает: — Хорошо говорил: научите меня мыслить, а до правды я сам доберусь», [36].

Человеческая и педагогическая мудрость лучших учителей школы проявляется в каждом их решении, в каждом поступке, в принципах жизни, неотделимых от педагогики.

И все же, как они сами определяют эти принципы, что считают главным в своей работе? Вот как независимо друг от друга ответили на этот вопрос Т. И. Гончарова и Н. Н. Белоштенцова.

Т. И.: — Любовь к детям. Только добрые учителя дают прочные знания. Учитель обязан развивать чувства и мышление учеников в их единстве. Ребенок — личность. Необходимо признавать его потребности. Пассивность ученика — главное зло обучения... Не от того ли, что мы лишь на словах признаем в нем активную личность?

Н. Н.: — В начале работы учителем я была излишне требовательной, излишне жесткой. И это не удивительно. В то время, когда я училась и начинала учить, и в семье, и в школе, и в обществе учитель был непререкаемой фигурой. Раз учитель требует,— значит, надо! Но когда у меня появились свои дети, я все чаще стала задумываться: а не слишком ли я категорична? А если бы это был мой ребенок? Для того чтобы хорошо учить и воспитывать, надо знать ученика, понимать его, выяснять мотивы, побудившие к тем или иным поступкам, изучать условия, в которых он живет и воспитывается в семье.

И если в начале своей работы я ставила двойки за плохое поведение: отвлекается, подняла, спросила, молчит, садись — «два!», то теперь этого никогда не делаю. Поддавливать ученика, — значит, унижать его. Задача учителя — направлять и развивать мыслительную активность учеников. Отношения с ними стараюсь строить на взаимоуважении, на участливом внимании к их делам. Ведь порою они доверяют учителю то, что не могут доверить даже родителям.

Т. И.: — Никаких секретов от ребят. Для них нет секретов даже в жизни моей семьи. Школа не только подготовка к жизни, но и сама жизнь. Занятия по истории, обществоведению, основам Советского государства и права — прежде всего уроки жизни. На них учитель просто не может обходить острые вопросы современности. Он обязан дать ответы на волнующие ребят вопросы.

Учитель должен быть примером всегда и во всем. Только тот учитель — властитель дум юных (а только властитель дум воспитывает!), который целиком и полностью сосредоточен на исполнении своей высокой миссии. Учитель должен быть интересен. Для этого ему необходимо самообразование, а не планы самообразования. Нельзя отставать от жизни. Учиться всегда. Меня бесит, когда говорят, что читать некогда. Нужно найти время, хотя бы за счет сна. Необходимо посещать кино, театры, музеи, бывать на природе, общаться с людьми.

Н. Н.: — Запрещаю себе лениться. Всегда работать, -работать на урок, на свое учительское дело — и когда читаешь книгу, и отправляешься в дальнюю поездку, и разговариваешь с людьми... Учитель не имеет права не знать своего дела, предмета, который он преподает. Вне зависимости от того, учили его этому в вузе или нет. Мне приходилось преподавать и астрономию, и геометрию, и русский язык. И садилась за учебники, разбиралась, вникала, как могла, глубоко.

Т. И.: — Требовательность и к себе, и к ученикам. Я строга при опросе. Должен быть спрос за сделанное. Но нельзя допускать конфликтов с учениками. Надо помнить, что перед тобой ребенок, пусть рослый, но еще не взрослый...

Н. Н.: — Ученикам запрещаю не работать. Терпеть не могу безделья на уроке. Но обижаться на детей нельзя, как и становиться на одну доску с не умеющим контролировать себя школьником.

Т. И.: — Учитель не имеет права на месть. Он должен Уметь прощать, «забывать». Учителю нельзя распускаться. Настроение может быть разным. Можно, а иногда и нужно войти в класс с горем. Но нельзя замыкаться на себе.

Н. Н.: — Нельзя повышать голос на учеников до крика. Срывы, конечно, бывают, вернее, были. Возраст делает свое дело — мудрее становишься.

Т. И.: — Школа должна быть домом радости. Побольше уюта, тепла, поменьше казенщины, На урок ученик должен идти без страха. Постоянно поддерживать интерес к учению. Если заинтересую, ребята до многого докопаются сами. Не стремлюсь всё объяснить на уроке, стремлюсь заинтересовать. Ученик — соратник учителя, если Хотите, его коллега в процессе познания истины. Критерием современного урока служит партнерство учителя и ученика в процессе образования и самообразования.

Н. Н.: — Ученики — самые строгие инспектора. Если что не получается, они своим поведением обязательно покажут это.

Не позволяю родителям говорить плохо о ребенке. И сама сначала всегда отмечаю хорошее и только уже потом говорю о том, что мешает их сыну или дочери быть лучше. То же самое и с учениками. О недостатках стараюсь при всех не говорить. Но сказать ученику один на один, что он собой представляет, могу и даже считаю необходимым.

Т. И.: — Учитель не имеет права сказать ученику: «Некогда...» Он может не сдать очередную бумажку, но не может отмахнуться от человека. Нельзя ссылаться на возраст. Коли ты с ребятами, то и пляши, и пой вместе с ними.

Оптимизм. Это тоже, наверное, педагогический принцип. Принцип общий, как и многие другие. Общий не по словам, по сути. Но какими бы замечательными принципами ни руководствовался учитель, каким бы ни было глубоким его педагогическое сознание, без реальных, конкретных поступков, в которых оно реализуется, без единства слова и дела, без тонкой педагогической техники и продуманной педагогической технологии даже самый многолетний опыт еще не гарантия высоких результатов.

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА

Термин «педагогическая техника» ввел в педагогику А. С. Макаренко. «Для меня в моей практике, как и для вас, многих опытных учителей, такие «пустяки» стали решающими: как стоять, как сидеть, как подняться со стула из-за стола, как повысить голос, улыбнуться, как посмотреть. Нас этому никто не учил, а этому можно и нужно учить, и в этом есть и должно быть большое мастерство. Здесь мы сталкиваемся с той областью, которая «всем известна в драматическом и даже балетном искусстве: это искусство постановки голоса, искусство тона, взгляда, поворота. Все это нужно, и без этого не может быть хорошего воспитателя. И есть много таких признаков мастерства, прямых привычек, средств, которые каждый педагог, каждый воспитатель должен знать» [6, т. 5, с. 231—232].

Постараемся выявить и определить те важные «пустяки», о которых говорил и писал Антон Семенович и без которых представление об опыте народных учителей было бы неполным. С недавних пор, когда стали появляться в школах телевизоры, магнитофоны, кино- и другие проекторы, под техникой учителя мы все чаще и чаще стали подразумевать технические средства обучения, или ТСО. Но так ли это? Сводима ли техника учителя только к проигрывателям и диапроекторам? Стоит открыть словарь, и мы поймем, что понятие техники гораздо шире. Под техникой и раньше подразумевалось прежде всего «искусство, мастерство, умение» [69, с. 682]. И дело тут вовсе не в словах. За разным их пониманием мы теряем важные «пустяки» и, осознав позже их роль для учителя, бросаемся наверстывать упущенное. Но ведь иногда бывает и поздно.

Если признать, что предметом труда учителя является не ученик, не знания, не учебная дисциплина, которую он преподает, а отношение его учеников к жизни, труду, людям, как считал А. С. Макаренко, как требует того реформа школы, то станет понятной роль маленьких и больших «пустяков» в работе учителя, т. е. педагогической техники.

Есть много «мелочей», которые всегда будут инструментом педагогического воздействия учителя, даже в эпоху ЭВМ. И прежде всего он сам, его облик, манеры, даже одежда.

Николая Семеновича Борисова «в школе можно видеть только в хорошо отглаженном костюме, сверкающей белизной сорочке и свежем галстуке...» [24].

А это о Николае Андреевиче Чернышеве — директоре Пановской средней школы Омской области:

«Высокий, худощавый, одухотворенное лицо с живыми глазами и высоким лбом. Одет модно, даже празднично — в этом одна из его принципиальных позиций: никаких скидок на удаленность от города ни в чем, даже в одежде, ребятам нужен пример хорошего вкуса» [66].

«Меня поразили величавость, какая-то внутренняя строгость, появлявшаяся в ней на уроках. Неторопливые движения, изящный черный костюм, белая блузка, волосы узлом на затылке. Совсем непохожа на ту вчерашнюю, домашнюю Юлию Николаевну Черненко» [49, с. 151].

«К своему внешнему виду с тех пор он (Г. Б. Кобахидзе.— В. Х.) особенно стал придирчив. И не только к своему. Ведь учитель должен быть эталоном во всем!» [30, с. 46].

Читая статьи, очерки, книги о народных учителях, я не мог не вспомнить крылатую чеховскую фразу о том, что в человеке должно быть все красиво... И одежда для детей, особенно подростков, далеко не на последнем месте. Недавно мне рассказывали, как один восьмиклассник с явными склонностями и способностями к литературе вдруг поступил в класс с углубленным изучением физики и математики. И когда родители стали допытываться, что повлияло на его решение, выяснилось: ему очень понравился учитель — стройный, подтянутый, одетый со вкусом мужчина. Других причин не было.

Да, пословица «по одежке встречают — по уму провожают» верна и для учителей. Но, как правило, детям, подросткам требуется время, чтобы разобраться в том, что за «одежкой». И это время может оказаться упущенным для учителя, для установления нормальных, человеческих отношений с классом.

Неизменным инструментом труда учителя, элементом его педагогической техники, мастерства было и остается слово.

«Однажды в школу пришла женщина в темном платье — жена погибшего фронтовика — и стала просить директора помочь ей. Сын ее, Саша, совсем отбилась от рук: плохо учится, сменил уже не одну школу в Тбилиси. Попал под влияние уличной компании, которая затягивает его, как болото.

На другой день, когда мать снова пришла в школу уже вместе с сыном, Григорий Бегларович не стал читать Саше нравоучений, грозить наказанием, а рассказал парню о своем детстве. Не раз и не два встречались они. И нашел учитель нужные слова и примеры, которые мало-помалу растревожили Сашину душу» [36].

А вот несколько выдержек из высказываний о Т. И. Гончаровой. Записаны они в разное время, от разных людей.

«На уроках я у нее не был. Видел только, как она выступает. Толково. Очень эрудированный человек. Говорит ярко, но просто — заслушаешься» (Г. М. Шишин — директор ленинградской школы № 507).

«Бывая на уроках, я сама заслушивалась обстоятельной, эрудированной, красивой речью, в которой сквозит уважение к детям... Прежде всего Т. И. Гончарову отличает высокое искусство общения, знание возрастной психологии. От нее исходит доброжелательность и только доброжелательность. Великолепная обратная связь с ребятами. Вопросы ее понимают все, а она понимает ребят. Привлекает она их своими глубокими и широкими познаниями, заинтересовывает всех и тут же благодарит: «Спасибо, спасибо всем!» Дети слабые по другим предметам— у нее сильные» (Л. Б. Стуканова — зав. райметодкабинетом).

«В тему вводит всегда необычно. Уроки эмоционально окрашены. В истории видит не абстракции, схемы, а живых людей. И часто слышен ее вопрос: «Вы подумайте, как ему жилось?» Она великолепный рассказчик. Но вместе с тем учит критически мыслить, давать оценку своему труду и труду товарищей...» (М. А. Калугина — завуч ленинградской школы № 536).

Ну как тут не вспомнить, как говорит на уроках другая, учительница истории — Л. С. Филиппова? Столь же ярка, образна, убедительна и конкретна речь Н. Н. Белоштентовой. Во внимании, которое уделяют лучшие учителя содержанию своего слова, формам общения, выразительным средствам, языку — уважение к собеседникам-ученикам, педагогическая и общая культура.

«Было 31 августа. Школа готовилась к первому звонку. За 15 минут Григорий Бегларович (Кобахидзе.— В. Х.) успел провести совещание классных руководителей — дал им исчерпывающий инструктаж, как провести первые уроки, посвященные мирной жизни людей; выйдя из учительской, распорядился об установлении нового стенда в коридоре, выслушал отчет завуча о плане проведения завтрашнего митинга и дал указание придумать что-то новое для торжественной встречи с «нулевиками» — шестилетками; в своем кабинете принял и успокоил двух взволнованных мам; вызвал секретаря и продиктовал текст ходатайства в роно о назначении нового педагога, тут же позвонил заведующему роно и согласовал с ним несколько вопросов. Увидел меня — и сразу же поделился своими соображениями о предстоящей реформе школы. Все это—за 15 минут!

Этот скупой на слова человек говорил, советовал, объяснялся с людьми предельно внимательно, уважительно, деловито и убедительно». Это наблюдение члена-корреспондента АПН СССР Ш. А. Амонашвили [30, с. 5].

Лаконизм, простота, ясность речи и деловой уважительный тон — это не только результат многолетнего опыта, развитого педагогического сознания, но и большая предварительная внутренняя работа, приводящая к ясному пониманию того, о чем хочешь сказать, какого результата достигнуть.

Вот отрывок из рассказа учительницы истории Т. К. Абрамовой о народном учителе З. С. Журавлевой.

«... Уроки Журавлевой — это как тонко налаженный механизм. Нет суеты, нет лишних жестов, лишних фраз. Помню, как вдохновенно четвероклассники сочиняли «добрые концы» к сказкам. Шел урок внеклассного чтения, и каждый жаждал заслужить одобрение учителя. А ведь меня тогда как раз и мучил вопрос: как активизировать мысль ребят при изучении нового материала?..

Попыталась я у себя использовать ее опыт работы с книгой. Вижу — ничего не получается. Огорчилась, как давно не огорчалась. А Зинаида Степановна успокаивает: «Не торопись. Не перенимай все вслепую. Думай. Давай попробуем вот так». И наконец получилось!

Я не устаю удивляться ее эрудиции, терпению, умению выделить в любой проблеме главное. Понимаю: сказывается многолетний жизненный и профессиональный опыт. Но сколько еще многоопытных и эрудированных, только и способных к самолюбанию. К нашей радости, Зинаида Степановна не из таких» [49, с. 59].

Однако учитель воздействует на детей не только точным и вовремя сказанным словом, но и своим отношением к делу, тем, что называют личным примером.

Жизнь многих учителей, о которых рассказывается в этой книге, являет собой высокий пример, образец для подражания. Об этом отрывок из очерка об А. П. Полехине, бессменном директоре московской школы № 20.

«В 1958 г., когда школа получила новое здание, это стало общим праздником, и весь коллектив жил единой мыслью: как можно лучше украсить новостройку...

Разделяя и поддерживая эти чувства, Антон Петрович решил направить их в русло практических дел, которые бы еще более укрепляли школьный коллектив, способствовали формированию его добрых традиций. Главным из этих дел в ту пору стало благоустройство и озеленение пришкольной территории.

Идея благоустройства и озеленения пришкольной территории, поддержанная педсоветом и партийным собранием, одобренная комсомольской организацией и пионерской дружиной, овладела всем коллективом. Разделив территорию на участки, распределив их между классами, руководство и общественные организации школы стали

регулярно проводить субботники по очистке территории. Скоро между классами развернулось социалистическое соревнование. Посильную работу выполняли все дети, с ними, как всегда, были учителя, затем подключились и родители. Душой, организатором и неизменным участником всех работ был Антон Петрович. Как в дни строительства оборонительных сооружений, он не расставался с лопатой, и, видя, как заправски действует ею директор, его примеру следовали и остальные» [23].

Было в ту пору (в 1958 г.— В. Х.) Антону Петровичу уже почти 60 лет. И как тут не вспомнить слова Т. И. Гончаровой: «Нельзя ссылаться на возраст. Коли ты с ребятами, то и пляши, и пой вместе с ними». Вместе с ними, а не для того, чтобы показать, какой ты хороший, а они не очень. А. П. Полехин учил, как надо не только работать, но и жить, учил радости творения добра и красоты для других.

«Поддерживать сад в образцовом состоянии,— говорит Антон Петрович,— не менее важно и не менее трудно, чем его насаждать. Наш сад процветает потому, что о нем заботится весь коллектив ... И когда я в сентябре увидел спелые яблоки, отягощающие деревья и нетронутыми лежащие подле них в школьном саду, доступ в который открыт всем детям, то понял, что между всеми этими, на первый взгляд разрозненными, фактами, несомненно, есть внутренняя связь» [23].

А вот другой учитель и его отношение к личному примеру.

«...Шло заседание исполкома сельского Совета. Вдруг Захаренко посмотрел на часы:

— Прошу отпустить с заседания — моя смена заступает на бетонирование котлована.

Депутаты нашли причину уважительной — отпустили. Более того, после заседания всем составом исполкома, хотя дело было поздним вечером, явились на стройку. Бригады-старшеклассники с некоторой долей снисходительности приняли весьма кстати поступившее родительское подкрепление» [80].

Конечно же, научно-технический прогресс изменяет и условия работы в школе: появляется все больше технических средств обучения, вплоть до компьютеров и ЭВМ, которым учитель может перепоручить часть своей работы, повысив ее эффективность. Абсолютное большинство народных учителей работают в прекрасно оборудованных кабинетах. Более того, многие из них были зачинателями и пропагандистами создания кабинетной системы.

«Григорий Бегларович увлекся созданием учебных приборов и наглядных пособий еще задолго до того, как стал директором 77-й школы. Это сейчас он признанный авторитет в этой области, автор нескольких интересных книг, посвященных методике проведения лабораторных работ, развитию творческого мышления школьников на основе изучения курса физики. Исследования на подобные темы пишут сейчас многие...

А тогда, в начале 30-х годов, когда он только вступал на педагогическую стезю, большинство его старших коллег, преподававших физику, прекрасно обходились и без лабораторий, и без самой элементарной учебно-технической базы. Школа — это не вуз и не техникум. Для нее это роскошь. В лучшем случае — несбыточная мечта, считали они. Да и где взять эту самую базу?

Г. Б. Кобахидзе «обходиться» не захотел. Собирал по винтику, по гайке свои будущие богатства. Постоянно опробовал находки в деле, на уроках. А уверовав в состоятельность и полезность для школы своего предприятия, не стеснялся обращаться за помощью в самые высокие педагогические инстанции.

Свою первую физическую лабораторию Григорий Бегларович создал еще до войны в 34-й тбилисской школе, где он работал учителем. Это был первый пробный вариант кабинета, получивший впоследствии логическое завершение в стенах 77-й школы» [30, с. 44].

Но кабинет и даже система кабинетов для вдумчивых педагогов не цель, а действенное средство приобщения учеников к производительному труду,

патриотического, нравственного, трудового, эстетического воспитания. Не об этом ли шел разговор в средней школе, возглавляемой В. Ф. Алешиним?

«Лев Борисович Итунич, завуч школы, открывал передо мной двери учебных кабинетов и мастерских. Яркие стенды, учебные пособия, макеты — все это сделано руками детей. Любовно. Аккуратно.

Почти в каждом классе — магнитофоны, электрофоны, кинопроекторы, фильмоскопы. Прекрасно оборудованные мастерские, кабинеты, лингафонные залы. Школа явно не из бедных.

— Лев Борисович, вы уж извините за вопрос, но откуда у школы средства, чтобы покупать в таком количестве магнитофоны и телевизоры? — спросила я. — Вам помогает колхоз?

— Нет, это мы помогаем колхозу. Практически все, что вы видите, куплено на деньги, заработанные нашей учебно-производственной бригадой...

— Должно быть, хорошо работают ваши ученики, — сказала я, бросая взгляд на цветной телевизор» [49, с. 24—25].

В одной из своих статей В. Ф. Алешин рассказывает о работе производственной бригады.

«В учебное время бригада трудится по графику за счет часов, отведенных на трудовое обучение и общественно полезный труд. Во время полевых работ она переходит на лагерный образ жизни. Труд учащихся организуется в три потока по 30—40 дней каждый. Они работают под руководством учителей и колхозных специалистов, применяя передовую агротехнику, современные сельскохозяйственные машины и механизмы... Ученическая производственная бригада ежегодно получает высокие и устойчивые урожаи: зерновых — 30—35 ц/га, кукурузы на силос — 450—500 ц/га, картофеля — 180—200 ц/га... Есть в ученической бригаде и свое строительное звено в составе 25—30 учащихся VII—IX классов, которое проводит текущий и средний ремонт школьных зданий, пришкольного интерната. Например, в прошлом году таких работ было выполнено на 7 тыс. рублей. Школьники выполняют и большой объем дорожных работ...

Юные лесоводы подкармливают животных и птиц, участвуют в заготовке и сборе лекарственных трав, грибов, ягод, семян деревьев и кустарников. Только за эту работу на спецсчет школы, кроме того, что сами учащиеся получают на руки, ежегодно перечисляется до 1000 рублей...

У школы есть специальный денежный счет, созданный трудом учащихся и учителей, на котором ежегодно имеется не менее 15 тыс. рублей, что дает возможность постоянно укреплять учебно-материальную базу, приглашать для руководства отдельными видами внеклассной работы высококвалифицированных специалистов» [13].

Теперь, думается, понятно, откуда в школьных кабинетах цветные телевизоры. Понятно и, наверное, приятно это и ученикам В. Ф. Алехина. Ученическая производственная бригада, в сущности, тот же учебный кабинет, только под открытым небом. И там тоже становится для учеников более доступным, более наглядным многое, в том числе личные качества учителя, которые трудно отделить от профессиональных.

Познакомимся еще с одним кабинетом — созданным П. Г. Лозиной. «... Домик маленький, всего-то два класса и коридорчик. Ни учительской, ни зала, ни спортивного помещения. И все-таки славная у них школа. Облицовка — белый кирпич. Аллейка — молодые березки — подводит к крылечку. — А в классах так уютно, так нарядно, что всякое утро, как войдешь, — в душе радостное умиление. Потому что от большого до малого — всё сами, своими руками. Разве купишь где такие гербарии, чучела, рисунки. А такие альбомы! Выставки! Здесь «Города нашей Родины», тут «Родная природа»... Открытки, конверты, марки, этикетки, любая мелочь, принесенная в класс, становились объектом осмысленной деятельности, обретали свою ценность» [49, с. 102—103].

Школы, подобные той, в которой работает недалеко от Пскова П. Г. Лозина, принято называть малокомплектными. Учатся в них обычно от 15 до 30 ребятишек, а

иногда и меньше. Но и здесь для народного учителя оборудование кабинета играет далеко не последнюю роль: это прежде всего поле творческой, совместной деятельности педагога и учеников, воспитания через дело.

«За учительским столом, под рукой у хозяйки кабинета— настоящий пульт управления. Щелчок — и на всех окнах опустились темные шторы. Щелчок — и раздвинулся экран. Щелчок — и зажужжал диапроектор, неторопливо меняются кадры. А если понадобится, можно включить киноаппарат. И сразу класс превратится в зрительный зал, и голос диктора объяснит что-то важное и нужное...

Юлия Николаевна нескрываясь гордилась своими «апартаментами». Покупного, магазинного здесь, кроме киноаппарата, ничего не было. Техническое оснащение было сделано руками ребят, при участии учителя. Многих это потребовало вечеров, много неурочного, «домашнего» времени» [49, с. 150].

Это уже школа № 7 г. Херсона, где работает учительницей биологии Ю. Н. Черненко. Но опять-таки отмечено важное: «...сделано руками ребят». Так же и в школах Н. Н. Дубинина и Ю. С. Кашкина, К. Н. Нургалиева и З. Г. Шоюбова, где есть даже собственные технические и телевизионные центры. Техническое перевооружение в этих школах неотделимо от воспитания, а точнее, взаимовоспитания в труде, преобразующем человека. И еще одно необходимо отметить. Какими бы кардинальными ни были перемены в техническом оснащении процесса обучения, народные учителя помнят, что никакая техника не в состоянии заменить педагога, его точного, верного слова, чуткости и внимания к ученику, к особенностям его учения. ТСО — помощник только тогда, когда их применение действительно необходимо.

«Уроки его всегда динамичны и состоят из разнообразных работ. Каждую часть занятия Г. Б. Кобахидзе редко проводит одинаково: он знает множество приемов. Повторение пройденного и переход к новому вопросу может начаться с формулировки основных принципов и законов, с выполнения экспериментального задания, объяснения результатов которого потребует новых знаний, а рассмотрение нового — с решения увлекательной задачи, которая заинтересует всех и подготовит к восприятию информации. Если, к примеру, окажется, что ученик не может объяснить проведенный учителем опыт из-за нехватки знаний, то необходимые сведения он может получить тоже по-разному: или их сообщает сам педагог, или будет проведен другой, дополняющий первый, опыт, или предложат прочитать материал в учебнике, или прослушать комментарий товарища... Бывает, что учащиеся дома должны разобрать тот или иной параграф и выполнить соответствующий эксперимент; при этом учитель объясняет, чем необходимо пополнить «домашнюю лабораторию» для проведения нужного опыта, изготовление какого прибора для этого понадобится.

Григорий Бегларович очень продуманно пользуется на уроках техническими средствами обучения и дополнительной литературой. Учебные фильмы ученики смотрят только тогда, когда они готовы понять их содержание, и поэтому просмотр кинофильмов для них не превращается в простое зрелище. Чтобы показать значение того или иного закона, открытия, вызвать у ребят эмоции, он предпочитает использовать высказывания выдающихся ученых. Несмотря на прекрасную память, редко произносит их наизусть, чаще читает из книги, тем самым пропагандируя попутно и ее» [67].

Однако какой бы мастерской ни была педагогическая техника того или иного учителя, как бы артистично он ни владел своим телом, словом, какие бы средства, в том числе и технические, ни привлекал, высокие результаты его деятельности невозможны без педагогической технологии— хорошо продуманных, сложившихся в целостную систему методов и приемов, т. е. модели «взаимосвязанной деятельности воспитателей и воспитуемых», учителей и учеников, обеспечивающей не только управление учением, но и воспитание, развитие.

Существует много различных классификаций методов обучения и воспитания. Дидакты и теории воспитания предлагают для них различные основания. И каждое по-

своему важно, и каждое по-своему обосновано и в монографиях, и в учебниках. Но у этой книги другая задача — увидеть общее в деятельности учителей биологии, физики, истории, литературы, определить, так сказать, «главный метод». Я долго искал ему название и наконец, кажется, нашел: «метод полнокровной жизни».

МЕТОД ПОЛНОКРОВНОЙ ЖИЗНИ

Кому-то эта формулировка может показаться неопределенной, расплывчатой. Наверное, так и есть. Ведь разные люди по-своему представляют, какой должна быть полнокровная жизнь ученика в школе. Я понимаю ее как разнообразную и одновременно целенаправленную деятельность, способствующую раскрытию природных задатков каждого школьника и вместе с тем становлению коллективиста, гражданина, труженика, способного делать свое дело как можно лучше на общую пользу и радость.

Мы видели действие этого метода в школах В. Ф. Алешина, А. А. Захаренко, З. Г. Шоюбова, в работе других народных учителей. Пять основных видов деятельности (общение, игра, познание, ценностно-ориентировочная и преобразование окружающей действительности) стимулируются разнообразными методами, организацией учебного процесса и всей жизни школы, когда теоретические знания тут же применяются в практике, а практика побуждает к получению новых знаний. Школы, уроки народных учителей СССР можно назвать академиями, в которых теория и практика, знания и труд на пользу людей неразрывны.

«Так, на уроках математики (учителя Л. Б. Итунин, В. П. Старовойтова) учащиеся узнают о применении математических расчетов в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, на транспорте, в науке и технике, выполняют по просьбе правления колхоза имени 1 Мая различные расчеты.

Биолог Ф. Н. Григорьева уже в V классе в доступной форме знакомит учащихся с профессиями овощевода и полевода-механизатора, лаборанта-селекционера, агронома и др. Под ее наблюдением школьники ставят опыты по выяснению необходимых условий для прорастания семян, определяют их всхожесть, устанавливают, в какой последовательности надо проводить на учебно-опытном участке посев пшеницы, кукурузы, гороха, фасоли, особенности уборки и хранения различных сельскохозяйственных культур и т. д.

На уроках химии (учитель А. Г. Алексеенкова) школьники учатся распознавать минеральные удобрения, физики (учителя В. П. Бондарев, Н. В. Некозорева) получают представление о профессиях слесаря по ремонту контрольно-измерительных приборов, электрослесаря, инженера по сельскохозяйственным машинам и др.

В трудовой подготовке учащихся важное значение имеют практические и лабораторные работы по биологии, географии, математике, привитие навыков правильного обращения с учебным оборудованием...

Уроки классного чтения помогают раскрывать новейшие достижения отечественной науки и техники; сочинения на темы «Кем я хочу быть», «Что я знаю о своей будущей профессии», «Цель моей жизни» способствуют выяснению склонностей и способностей школьников.

Изучая историю и обществоведение, учащиеся... работают со статистическими материалами, выявляя место и значение сельского хозяйства в экономике страны, анализируют различного рода документы — письма, записи старожилов о прошлом села, колхозный архив, годовые отчеты, материалы колхозных собраний...

Расширению политехнического кругозора школьников, развитию их познавательных и трудовых интересов служит многогранная система внеклассной работы. Это прежде всего широкая сеть кружков...

Особое место в подготовке учащихся к сельскохозяйственному труду по праву принадлежит работе ученической производственной бригады. За нею правление колхоза

имени 1 Мая закрепило землю и необходимую технику. Бригада имеет свой производственный план, полностью находится на хозяйственном расчете.

Содержательно организуется и отдых членов бригады: это спорт и художественная самодеятельность, занятия по интересам, беседы и доклады на занимающие школьников темы, встречи со знатными людьми...

В минувшем году ученической бригадой было произведено сельскохозяйственной продукции на 49,7 тыс. рублей. Это, конечно, радует. И все-таки не в высоких экономических показателях, хотя они, безусловно, важны, видим мы главный результат ее работы. Поля ученической бригады стали в подлинном смысле слова исследовательской лабораторией колхоза. По заданию ученых областной опытной сельскохозяйственной станции и колхозных специалистов здесь ставятся разнообразные опыты, имеющие немалое хозяйственное значение. Они важны еще и потому, что наш базовый колхоз является семеноводческим центром района и поставляет другим хозяйствам высокоурожайные сорта семян» [13].

Эта пространная выдержка из рассказа В. Ф. Алешина об учебе и труде школьников Шумяческой средней школы подтверждает действенность метода полнокровной жизни. Разнообразная деятельность ребят, учение и труд переплетены самым тесным образом, способствуя духовному возвышению личности каждого, становлению активной гражданской позиции в учении и жизни. А вот что пишет директор и учитель русского языка и литературы Каменноостепной школы Воронежской области А. М. Иванов:

«Организуя опытническую работу, мы стремимся к тому, чтобы ученикам была близка и понятна цель предстоящей работы, чтобы они осознали практическую потребность в ней окружающих хозяйств...

Так, в опыте по выявлению возможности программирования урожая кукурузы было намечено получить 80 ц зерна с 1 га. Для выполнения поставленной задачи ученики рассмотрели все факторы, которые могут повлиять на получение высокого урожая кукурузы. Они изучили агрохимические и агрофизические свойства почвы, биологию гибридов кукурузы, наиболее отзывчивых на удобрение и орошение, использовали свои знания об удобрениях, выяснили, какое количество осадков выпадает в нашей местности в период вегетации кукурузы, рассчитали необходимое количество растений на гектар для получения запланированного урожая.

Такие опыты интеллектуально обогащают труд учащихся и убеждают их в том, что современный труженик сельского хозяйства в борьбе за урожай идет не вслепую, а сознательно, критически отбирая наиболее эффективные факторы, которые определяют урожай, подвластны человеку и управляемы, что человек, вооруженный знаниями, может направленно изменять природу растений... По заданию Научно-исследовательского института имени В. В. Докучаева ученики провели опыт по изучению чувствительности различных сортов ячменя к мутагенному воздействию...

В процессе такой опытнической работы происходит практическое усвоение учащимися основных законов химии, физики, биологии, формирование у них диалектико-материалистического мировоззрения.

Одна из учениц, анализируя данные этого опыта, записала в своем дневнике: «Можно сколько угодно читать по учебнику о мутагенезе, но никогда даже не представить себе того поразительного действия мутагенов на развитие ярового ячменя, которое мы наблюдали, проводя опыты...»

Ярким проявлением осмысленного отношения к выполняемой работе в процессе опытничества служит выдвижение учениками новых трудовых и познавательных задач, внесение некоторых улучшений в технологию и организацию труда...» [35, с. 128—129].

Метод полнокровной жизни пронизывает деятельность не только подростков и старшеклассников, но и самых младших школьников.

«...Переходя из класса в класс и в то же время — от уроков в школе к урокам в поле, учащийся поднимается все выше и выше и по ступеням общеобразовательной подготовки, и по ступеням тесно связанной с нею подготовки профессиональной. Иначе говоря, идет процесс последовательного, на основе строгой преемственности, овладения молодым поколением хлеборобским мастерством. И нам интересно, какого человека и какого хлебороба мы вырастили. Отсюда и наше стремление не порывать связи с выпускниками, а, наоборот, включать их в своеобразной форме в воспитательный процесс» [37, с. 164—165].

Преобразующая личность деятельность осуществляется в процессе труда в поле или на опытном участке, в общении старших с младшими, в их взаимовоспитании. И как тут не вспомнить многодетные семьи народных учителей?..

«Весной у старшекласников проходит конкурс на должности помощников воспитателей. К помощникам воспитателей I класса предъявляются повышенные требования. Конкурс содержит в себе много испытаний. О том, что в нем должны участвовать успевающие ученики, речь не идет. Другие просто не допускаются. Но надо, чтобы все твои товарищи признали тебя добрым, терпеливым, отзывчивым, веселым... В таком тесном коллективе, как интернат, невозможно скрыть свои недостатки, как, впрочем, и достоинства. Как нельзя сказать слова лжи — что детям, что взрослым. Но если детям это простится, взрослым — никогда. Ложь будет услышана мгновенно, и мгновенно будет убито все то хорошее, что, возможно, создавалось годами...

Звание воспитателя, как и помощника воспитателя, заслуживается повседневным старанием, как и оправдывается потом точно так же. Четыреста пар глаз следят зорко. Крикнешь на малыша, обидишь, обманешь... Здесь так не бывает.

У помощников воспитателей масса дел: они с малышами от зари до отбоя. Утром поднимают их, помогают одеться, умыться, причесаться. Проводят с ними зарядку, ведут на занятия. И на переменах они с ними. Во дворе, в игровых комнатах. Проверяют уроки, объясняют... «Но ведь у них и своих дел много: уроки, кружки, спорт», — возможно, скажет читатель. У помощников воспитателя вся школа помощники. Ребята подменяют друг друга в деловом порядке — без всяких споров и отпирательств» [49, с. 78].

Это уже многоцелевой метод полнокровной жизни Ю. С. Кашкина. Здесь и ранняя профориентация в жизненно важном деле, и воспитание взаимопомощи, ответственности перед товарищами, и развитие лучших черт характера в заботе старших и младших друг о друге...

Пониманием роли семьи как истока души человека объясняется то внимание, которое народные учителя уделяют укреплению связи с родителями будущих первоклассников, поиску действенных форм подготовки детей к школе.

«Вспоминаю 1971 год... — пишет Н. К. Калугин. — Анализировали, искали. Тщательно изучали работу подготовительной группы детского сада. Выводы: педагогические возможности последнего ограничены. Он не в состоянии в должной мере подготовить завтрашнего первоклассника к планомерному обучению по новой системе. Этого можно достигнуть лишь в условиях школы...

Педсовет решает включить в школьную систему подготовительную группу детского сада, назвав ее «Зеленый колосок»...

Педагогическому коллективу было ясно, что методика занятий с шестилетками должна в корне отличаться от той, что применяется в старшей группе детского сада, и от той, что рекомендуется для первого класса. В общем, начинать приходилось с нуля, и нужно было прежде всего убедить в необходимости существования подготовительной группы родителей...

Идея, в сущности, проста: учитывая возрастные особенности шестилеток, которые спят и уже видят себя завтрашними учениками, максимально использовать наиболее восприимчивую в это время «методику сердца». Короче говоря, разграничительная линия между детским садом и школой становится благодаря подготовительной группе не столь

резкой. Ребенок уже сознает себя в стенах школы, хотя еще не стал учеником. В то же время вся обстановка комнаты, в которой группа занимается, дает возможность ребятам пока еще оставаться в привычной атмосфере «детсадовского» восприятия мира. Этому служат разрисовка стен на мотивы сказок, мебель с хохломской росписью, необходимое оборудование, скажем счетный материал, представленный различными кукольными фигурками.

Основная цель пребывания в группе не обучить ребят грамоте, а дать ребенку общее развитие, создать предпосылки для более успешного воспитания и усвоения школьных программ. Познавательным материалом, на котором строится работа, являются сказки, песни (драматизированные, с музыкальным сопровождением), игры, экскурсии в природу, уход за растениями» [37, с. 165—167].

Обратим внимание, что эта работа начиналась за 13 лет до реформы школы. И это тоже проявление метода полнокровной жизни, умение предвидеть и приближать будущее. Чувство времени, в котором живут и будут жить дети, понимание их потребностей — вот от чего идут народные учителя, проектируя методику воспитывающего обучения и воспитания, обучающего достойной человека жизни. Для них и их учеников круг деятельности не ограничивается стенами школы. Вот это, пожалуй, то главное, что отличает методы работы выдающихся учителей.

Конечно, соединить школу и настоящий труд, приобщить ребят с ранних лет к делам и заботам взрослых в определенной степени легче в сельской школе. Хотя бы потому, что на селе труд старших, родителей более, чем в городе, открыт и доступен детям, а тесные связи односельчан приобщают ребят к волнующим взрослых проблемам. И настоящий учитель не может отвернуться от них, отгородиться чисто учебными задачами.

В городе, особенно большом, с разделением и замкнутостью труда на отдельных предприятиях и в учреждениях, с обособленностью жизни горожан в отдельных квартирах и анонимностью человека в уличной толпе все обстоит иначе. В большом городе и школа более отдалена от окружающей жизни. Однако и там народные учителя ломали и ломают замкнутость, вынужденную ограниченность мира школы. Метод полнокровной жизни и в городских школах прокладывает себе путь.

«...Ребята наши вроде как особенные. Обойденные нормальным семейным счастьем. Вот и город печется о них по-особому. Все самое лучшее — нашему интернату. Нам — первым. Всё, всё, все. При таком положении вырастить барчуков, эгоистов, потребленцев — и стараться не надо... Вот тут и пришлось подумать. Поломать голову. И вы знаете, мы додумались до старой истины: труд, труд, труд.

Юрий Сергеевич (Кашкин.— В. Х.) помедлил секунду — Я хочу подчеркнуть, может быть, уже в сотый раз, но это важно: не принудительный труд, не работа ради работы, занятость ради занятости — чем ни попадя. Только осмысленный труд. Только такой, к которому ребенок тянется сердцем. Вы спросите: а как же уборки различные, прополки и прочее, столь же нудное и неинтересное?

Я отвечаю: это тоже интересно. Просто ребенок должен осознать необходимость и полезность такого труда. Сделать так, привить детям эти качества и есть основная наша задача...

Практически все в нашей школе делается своими руками. Все оборудование для лингафонного кабинета было куплено. А нам не понравилось. Неудобно. Ребята все схемы переделали. Эпидиаскопы мы сделали сами. В каждом классе стоят. Телевизоры... Не купленные — собранные, смонтированные из старья. Но ведь даже то, что покупается, тоже на деньги, заработанные нами. Мы и для заводов заказы берем. Вот как раз сейчас ребята уехали на один из заводов проверить макет устройства для переворачивания при сварке многотонных колес» [49, с. 38—40].

И все это делалось за много лет до реформы школы. Случайно? Конечно нет. Народные учителя не ждали и не ждут указаний, а, видя реальные проблемы жизни,

искали и ищут конкретные пути их решения. Кто-то может заметить: у интерната особые условия. Но вот обычная школа.

«К сожалению, нередко нынешние материальные богатства школы рожают у ребят иллюзию их неисчерпаемости, бездонности, а вслед за этим и легкое отношение к овеществленному труду.

— Ну, подумаешь, отлетела ножка у стула. Заменят!

— Разбилась лампочка, цена которой 20 копеек. Купят другую!

— Измазал в грязи учебники, когда показывал приятелям лихой «приемчик» с подножкой, подсмотренный в телевизионном фильме,— учебников-то в библиотеке вагон!

Беспокоит Григория Бегларовича (Кобахидзе — В. Х.) и другое. Слишком свободное отношение к общественным и личным ценностям — этакий вариант современного купечества — приживается и в некоторых семьях школьников. Выросли заработки родителей, заметно увеличился достаток в доме. И жизнь в таких семьях пошла по принципу: нам всё нипочем, мы всё можем, ничего не пожалеем для своих детей. Пусть хоть они поживут в удовольствии...

Но что делать в таких случаях учителю? Твердить ученику, оторвавшему в избытке богатырских сил дверную ручку в классе или пережегшему забавы ради паяльник, прописные истины о необходимости «уважать вещи»?

— А знают ли наши ученики истинную цену того, чем пользуются ежедневно? Уверен, они без ошибки назовут высоту Эвереста и количество жителей в Токио. Но не скажут... во что обходится государству обычный школьный день каждого ученика... Наши ученики получают неплохие трудовые навыки. Но чувствуют ли они заботу и ответственность за все, что есть сегодня в школе?..

Педсовет, который Григорий Бегларович начал этими словами, состоялся много лет назад. Термин «экономическое воспитание учащихся» воспринимался тогда в школьном обиходе еще как модная, но не обязательная новинка. И все же в 77-й, не откладывая, предприняли попытку поставить экономический всеобуч «на твердые ноги» повседневной практики.

Суть его в своей основе была проста. Организовать в школе орган хозяйственного самоуправления учеников...

Конечно, они и прежде следили за чистотой в классе, несли дежурства по школе, собирали макулатуру... Но то была ограниченная ответственность, построенная на системе разовых мероприятий. Ответственность, так сказать, за спиной учителя, который определял, кому из учеников и что делать сегодня, а что — завтра... Дежурить или следить за чистотой ребята, разумеется, не перестали. Но теперь к этим обязанностям добавились и многие другие. При всех школьных кабинетах и классах появились постоянно действующие группы обслуживания — лаборанты, наладчики и монтажники учебной техники, оформители. Была организована разновозрастная общешкольная ремонтная бригада. Дело по интересу нашлось каждому.

Раньше, стоило выйти из строя какой-нибудь бытовой мелочи, учителя спешили к завхозу... Теперь нужда в экстренных вызовах технических работников отпала.

«Скорая хозяйственная помощь», когда это требуется, сама, без напоминаний и просьб, является на место происшествия. Дежурные общешкольной ремонтной бригады регулярно совершают контрольные обходы кабинетов и классов. Перечень всех неполадок заносится затем в специальный журнал. Неисправные вещи, скажем, та же мебель, доставляются срочно в мастерскую. А через день-два — пожалуйста, «распишитесь в получении» починенного... Члены бригады так ревностно следят за сохранностью вверенного им имущества, что у самых безалаберных отпадает охота проверить его «на прочность».

...Конечно, деление школьных групп самообслуживания на монтажников, ремонтников, оформителей весьма условно. Их границы подвижны. Никто не удивится,

например, увидев лаборанта-химика, увлеченно работающего в мастерской деревообработки. Или юного конструктора с малярной кистью в руках. Интересы ребят не могут оставаться неизменными... Да и сами группы самообслуживания в силу смены поколений неизбежно обновляют состав...» [30, с. 62—66].

Разумеется, полнокровная жизнь не сводима к одним трудовым делам, к самообслуживанию. Гораздо важнее тот нравственный заряд, который несет с собой вся школьная жизнь.

«Педагоги 77-й тбилисской школы... прекрасно понимают, какой бы предмет они ни вели — физику, историю, домоводство или литературу,— обучение по программе должно быть постоянно сопряжено с массовым творчеством всех школьников... Иначе даже самые удачные учебные программы превращаются в скучные теоретические схемы, к которым они не чувствуют настоящего личного интереса...

Поэтому так настойчиво культивируются всевозможные кружковые детские объединения по интересам, где ребята не просто изобретают новые приборы и устройства, занимаются художественной обработкой металла и дерева, оформляют школьные интерьеры и шьют костюмы для праздничных вечеров, но прежде всего творят. И в этом смысле каждый школьный кабинет, класс, мастерскую можно без всяких скидок назвать специализированными лабораториями детского творческого труда, где в полный голос звучит понятный всем ребятам — от первоклассника до выпускника — девиз: «Сделай сам!» Для себя, для друзей по классу, для школы, для тех, кто будет учиться в ней потом!..

Здесь почти все сделано руками учеников и учителей. А как это важно — видеть, что твоя работа оценена по достоинству, что она не сдана в архив, не лежит под спудом, а у всех на виду... И на каждом таком изделии — аккуратные таблички с фамилиями авторов, даже если они кончили школу много лет назад...

Вот «модуль измерения угла», изобретенный лет двадцать назад учеником VI класса Гиви Самхарадзе... Автор «модуля» давно окончил институт, работает директором крупного завода. Он, наверное, и не подозревает, что его давнишняя школьная самоделка продолжает нести свою службу для сегодняшних четвероклассников и пятиклассников. Но преподаватель математики А. Г. Сванидзе не только демонстрирует на уроке «модуль» ... но и предлагает ученикам подумать, как его усовершенствовать... И вот уже тянется вверх сразу несколько рук: «Разрешите, Акакий Грамитович, попробовать мне, есть мысль!» [30, с. 60—61].

Полнокровная жизнь подразумевает не только множество педагогических целей и в повседневных, «рутинных» делах, и в делах творческих, но и единство, фокусировку этих целей, направленных на воспитание человека, постоянно думающего об общих, коллективных интересах, и на формирование коллектива, заботящегося о каждом человеке.

Полнокровная жизнь школы — это и единение людей разного возраста, разных поколений и через «нетворческий» ремонт мебели и через «модуль», изобретенный 20 лет назад и до сих пор служащий источником творчества для многих и многих детей. В такой школе и на уроках и вне уроков не может не быть творчества, потому что оно предполагает не только новизну, но и значимость, общественную ценность труда.

Метод полнокровной жизни, который так широко используют народные учителя и их последователи,— это не только разнообразный учебный и физический труд, но и взаимообогащающее общение, развивающий личность досуг. Даже перемена перестает быть пустым времяпрепровождением. «На стенах... множестве «игровых» стендов, рукописных тематических выпусков. «Играют» все — от третьеклашек... до самых старших ребят. Возле стендов «Проверь себя», «Только для смекалистых», «Десять вопросов — один ответ»... всегда многолюдно. И вот так, «играючи» и соревнуясь друг с другом в веселом гомоне переменок, школьники открывают для себя очень многое из того, что пригодится им в будущем» [30, с. 51—52].

«... Главное в школе — ребята. Они забегают к ней (Ю. Н. Черненко.— В. Х.) на минутку — поговорить, посоветоваться, просто поздороваться. Она веселая и одновременно серьезная... Удивляюсь, как много ребят привлекается к ответам на уроке, как много ребят работает у доски. Пятеро получают карточки с заданиями и выполняют задания у доски. Пятеро других контролируют отвечающих. А ведь это лишь эпизод, деталь урока... Диалог учителя и ученика. Причем второй будто нащупывает путь, спотыкается, а учитель должен научить шагать широко, не боясь неровностей дороги... Мальчишка загляделся на девочку-соседку, а она — стройная, гибкая, с двумя длинными косами — ноль внимания.

Юлия Николаевна вызывает его к доске, чтобы «пробудить», и соседка сразу начинает оживленно ему подсказывать, а потом ловит мой взгляд и замолкает... Будто игра, догадываюсь я. Будто играет она с ребятами! Оттого ощущение легкости, раскованности, свободы!

...Пришкольный опытнический участок — продолжение кабинета Юлии Николаевны. Февраль, конечно, не самое удачное время для его осмотра, Вернее, самое неудачное. Но я был вознагражден прекрасными альбомами, где работа юннатов была расписана, разрисована, сфотографирована,— словом, увековечена. Я узнал, что ранней весной зацветают на участке гиацинты, тюльпаны, нарциссы. Что на территории школы ребята выращивают 148 видов декоративных деревьев, кустарников, плодово-ягодный сад.

Просматривая альбомы, я подумал, что ученики Юлии Николаевны, так же как и она, где бы ни жили, оставляют после себя сады, дарят людям радость» [49, с. 151 — 152].

Напомню, что работает Ю. Н. Черненко в городе, в Херсоне, поддерживает многочисленные связи с херсонскими учеными, с украинским Научно-исследовательским институтом орошаемого земледелия, бывает на экскурсиях в Аскании-Нова.

Сама же Юлия Николаевна, во время нашей недавней встречи в Херсоне, рассказывала мне об одной из 15 своих общественных нагрузок:

«Я в восьмых классах веду кружок медицинских знаний. Не зря же мы в восьмом изучаем анатомию, физиологию и гигиену?! Стараюсь дать ребятам полезные знания. И не просто дать, а чтобы передали другим. Услышали, узнали новое — выбирайте любой класс, какой нравится, и идите, рассказывайте на классных часах. Кто не может выбрать, тех направляю...

Есть у меня ученик, как говорится, «не из блестящих». Вызвался идти в пятый. А у них, как раз, классный руководитель отсутствовала. «Пойдем,— говорю,— провожу тебя, помогу». — «Не, не надо!»

Вошел он. А я за дверью стою. Слышу, в две минуты порядок навел, слушают. И рассказывает им почти теми же словами, что и я рассказывала... Через полчаса приходит и говорит:

— Поставьте отметку. Я провел.

А я хочу, чтобы он сам себя оценил:

— Что же тебе поставить, ведь меня там не было?

— Ой, правда, не было... Ну и не ставьте. Дело не в отметке... Мне самому понравилось...»

Слушая этот рассказ, я ликовал в душе, как, наверное, ликовал Ньютон, когда ему упало на голову яблоко вместе со всемирным законом тяготения. Хотя, впрочем, я давно был убежден, что жизнь и труд настоящего учителя едины, объемны, а не раскладываются на отдельные функции. Здесь как у хорошего хозяина: ничто не пропадает — всё идет в дело. И в любой мелочи проявляется целое, вся методическая система.

В этом эпизоде и связь обучения с практикой, с жизнью, и своеобразная форма закрепления пройденного, и умелое сочетание классной и внеклассной работы, и разновозрастные коллективы, и работа с «трудными», и начатки школьного самоуправления, и конкретность общественной работы, и высокая мотивация учения,

поддержание и развитие интереса, и видение жизни, своего дела народным учителем, и помощь коллегам, и помощь себе — боюсь, что всего не назову, и потому пишу: т. д.

Настоящий учитель всегда стремится к тому, чтобы ученики его не только готовились к жизни, но и жили, чтобы как можно чаще понимали без нотаций и наставлений, что их знания нужны, нужны не только им, но и другим людям. Поэтому-то у таких учителей даже подростки (трудный, как известно, возраст!) учатся не только ради отметок и других «стимулов». Само учение, процесс познания доставляют им радость именно потому, что обращены к окружающим людям, к жизни. А жизнь все время задает вопросы и заставляет учиться. Связи не разрываются, а растут и множатся. Это действительно воспитывающее обучение и обучающее воспитание, воспитание высоконравственное, преодолевающее эгоизм: ты не один, ты для других. И учителя этих учеников никогда не бывают одни. С ними дети всегда рядом, вместе. Иначе полноценной жизнь не получается.

«Она (Л. С. Филиппова.— В. Х.) и после уроков почти всегда с детьми: то на исторической олимпиаде, то в походе по историческим местам. Оставив безуспешные попытки встретить Лидию Сергеевну в свободное для нее время, я в один из весенних дней решила прийти в школу к восьми часам утра... Приветливо поздоровавшись, Лидия Сергеевна внимательно всматривается в лица учеников, мгновенно охватывая взглядом всех и каждого. «Раскройте тетради,— говорит она,— будете записывать то главное, основное, что необходимо знать о гражданской войне 1918 года»... На фоне взволнованной, эмоционально выразительной и в то же время очень логичной и последовательной речи отчетливо выделяются слова-обращения к ученикам: «подтвердите фактами», «докажите», «раскройте причину», «объясните, почему лозунги большевиков стали лозунгами народных масс...»

Характерна для урока и связь истории с литературой, с искусством кино, театра. Удачно были подобраны песенные и поэтические строки, рисующие людей и события той поры... От пережитого и познанного к убеждениям и действиям — таков у этой учительницы принцип воздействия на сердца, умы и волю учащихся... Воспитывая у ребят хозяйское, рачительное отношение к жизни, она дает им задания, заставляющие рассмотреть рост бюджета и благосостояния своей семьи, экономику, социальные отношения на предприятии, где старшеклассники трудятся вместе со взрослыми во время производственной практики...

Живут, развиваются и другие традиции. Начало одной из них было положено так. Учительница предложила своим десятиклассникам написать домашнее сочинение по истории Великой Отечественной войны, основываясь на воспоминаниях родных или близких... Михаил Юшковский написал со слов матери, участницы войны, о своем дяде Михаиле Татарском, выпускнике той же 345-й школы, который героически погиб под Старой Руссой в феврале 1942 г.

На место подвига выпускника их школы старшеклассники отправились с учительницей, решившей вместе с ними повторить маршрут 3-й Коммунистической дивизии и собрать необходимые сведения для истории и для школы, воспитавшей героя... Затем ученики отправились в село Новая Русса. Старшеклассники работали в архивах, искали документы, связанные с Михаилом Татарским. Нашли описание его подвига и упоминание о том, что он награжден орденом Красной Звезды. С той поры каждый год ученики 345-й школы во время зимних каникул ездят в священные для них места. Везут сельским жителям Новгородской области книги, учебные пособия и даже игрушки для малышей. Местные жители принимают их как родных, рассказывают о своих делах, интересуются успехами гостей...» [21].

А разве не в метод полноценной жизни, решающий сразу же множество задач и проблем, складывается работа Т. И. Гончаровой и ее учеников? «Задайте себе вопросы» — так называлась статья Татьяны Ивановны, опубликованная в «Пионерской правде» (1 мая 1982 г.). Обращаясь к школьникам, она писала:

«...Своей работой я стараюсь доказать, что моя главная задача не спрашивать, а учить спрашивать... Объясняю новую тему. Скажу не всё. Заметьте эту недосказанность и задайте мне вопросы... В таких случаях на уроке царит сосредоточенная тишина. Все пытаются уловить «провалы», заполнить вопросами «пунктирный просвет». А сама по себе тишина на уроке необходима для вопросительного взрыва...»

Что это? Игра? Да. Прием, усиливающий внимание на уроке? Да, если видеть только один урок. Но и часть метода, формирующего активную жизненную позицию, если видеть стратегическую цель так, как видит ее Татьяна Ивановна, как многие другие народные учителя.

Для поисков себя, своего дела, служащего людям, мало уроков, экскурсий, театров, кино. Общение — также только один из видов человеческой деятельности. Результатом всего развития человека является отдача накопленного людям. Чем богаче мир, в котором ты живешь, тем богаче ты сам. Это понимает Т. И. Гончарова и в условиях класса, урока ищет и находит поле деятельности для всестороннего развития и проявления личности учеников.

Почти весь курс новейшей истории (кроме вводных и обобщающих уроков) десятиклассники сами объясняют друг другу. Да еще как! Готовятся они к своим урокам по полгода и больше, объединившись по двое, по трое. Думают над сюжетом политпутешествия в «свою» страну, собирают материал, перерыв не только школьную библиотеку, но и домашнюю, районную. Отыскивают слайды, фильмы, альбомы. Уроки-путешествия становятся уроками-спектаклями, уроками-спорами, конкурсами.

Вот в международном аэропорту встретились два «журналиста» — итальянский и советский. Их диалог не только обмен впечатлениями о «чужой» стране, но и столкновение двух миров, двух мировоззрений, спор, в котором устанавливается истина, вырабатывается умение отстаивать свои убеждения, а заодно увлекательно рассказывать товарищам, например, о современной Италии.

В спор втягиваются и «зрители». Среди них не только одноклассники, но и другие старшеклассники, пробирающиеся правдами и неправдами на такие уроки. И главным в этих конкурсных уроках становится не соревнование, не победа над другими (хотя общеклассное мнение выявит и победителей), а приобщение к миру другой страны, к взаимопониманию, к коллективному творчеству, к взгляду на профессию учителя не из-за парты, а изнутри.

Что это? Опять игра? Но как много у нее глубоких целей, как серьезна она, как нужна для преодоления инертности. Когда я стал допытываться у Татьяны Ивановны, как возникли конкурсные уроки, она ответила, что это не ее идея:

«Придумали ребята. Еще в 60-е годы некоторые ученики, хотевшие стать учителями, давали у меня уроки в пятых-шестых классах. Получалось иногда очень неплохо. А однажды мои десятиклассники задумали «Путешествие по странам». Мы много вместе думали, спорили и решили: доверим в форме урока вести это «путешествие» лучшим... Первые два года вели такие уроки далеко не все, а потом те, кому такая честь не выпадала, взбунтовались: «А почему мы не можем?!» И оказалось, тоже могут, и не хуже...»

Метод полнокровной жизни побуждает постоянно вглядываться в учеников. В их лица и поступки. Народные учителя поддерживают самую разнообразную обратную связь со своими питомцами, наблюдают, анализируют их состояние, изучают это «живое зеркало», как, помните, назвала детей в своем дневнике Г. Д. Лаврова. На мой вопрос, чему научили ее воспитанники, Н. Н. Белоштентова ответила: «Всему. Работать научили. Они самые строгие инспектора!».

Т. И. Гончарова осуществляет обратную связь с помощью не только сочинений «Что бы я сделал, если бы был учителем (классным руководителем, директором школы)», но и «чистых четвергов», когда подростки, установив очередность по жребию, высказывают мнения о себе и товарищах. Ученики народных учителей тоже учатся

смотреться друг в друга. Так тоже начинается путь и к «я», и к «мы»: мы — класс, школа, народ, страна.

«Подлинная историческая образованность формируется уже на школьной скамье. Мы сливаем воедино урочную и внеклассную работу. Это необходимо, чтобы ученики лучше, глубже знали историю, более чутко относились к проблемам современности и включались в их разрешение, получали навыки самообразования... Исторические вечера — эффективная форма расширения кругозора, проявления познавательной активности и социальной деятельности учащихся... Я делаю так: весной даю обзоры исторических произведений, которые желательно прочитать... Беседы о художественно-исторических книгах и научных книгах стараюсь сделать эмоциональными, яркими, увлекательными. В одном случае делюсь впечатлениями... в другом — говорю о своей первой встрече с той или иной книгой. В третьем случае веду живой рассказ об авторе — человеке и писателе... Убеждена, что, если нет вопросов,— значит, нет интереса к истории...

Итак, ученик в дороге: он сделал первый шаг. Однако будем помнить: умение добывать знания и применять — это главное. Нужно сделать второй шаг: приобрести умение искать и находить в литературе нужные сведения.

Большая работа ведется с родителями по созданию домашних библиотек... В начале учебного года мы приходим с учениками в школьную, районную, городскую или публичную библиотеку. Эти посещения повторяются в течение года... Затем библиотекарь показывает книги и объясняет принципы их расположения, рассказывает, что дают читателю каталоги, тематические картотеки, библиографические указатели... Чтобы все это воспринималось с высоким вниманием, в начале экскурсии организуется игра-задание — кто быстрее найдет нужную книгу. Словом, идет обогащение читательского опыта, позволяющего в недалеком будущем сознательно подойти к определению темы вечера. Она не должна навязываться, таким путем учебно-воспитательного успеха не достичь. Когда ученики вкусили от древа исторического познания на уроках в процессе самостоятельного чтения... тогда открывается возможность живого диалога, коллективного труда, обсуждения и выбора темы вечера... Развлечение не должно доминировать. Стержень вечера — серьезная мысль. Чем глубже идея, лежащая в его основе, тем больше возможностей разумно воздействовать на учеников... Следующий этап — разработка сценария и программы. Много лет тому назад у нас в школе была такая практика: я назначала из числа лучших учеников помощников—соавторов сценария. Теперь практически все ученики принимают участие в подготовке и проведении вечера...

Начало общего дела вызывает постоянный обмен знаниями, содержательные разговоры между ребятами, интересные споры в неформальной обстановке. Это дает много для общего развития каждого.

Учитель должен уметь благожелательно слушать, бережно и внимательно отнестись к каждой точке зрения. Не задевая кого-либо из спорящих, он углубляет оттенки мыслей. Порой преподаватель сталкивает несходные мнения... Необходимо подвести учеников к мысли, что разные толкования как бы нуждаются друг в друге. Порой ценен не конечный результат, а путь к нему, сам процесс спора, формирующий диалогичность мышления. Мы добиваемся того, чтобы у каждого ученика была своя область знания по теме вечера, в которой он превосходит других ребят. Так формируется самоуважение — первооснова интеллектуального движения вперед. Для этого ученик должен упорно и много поработать... Например, ученик решил выступить на вечере в роли Михаила Лунина. Ему нужно показать его индивидуальность. Предлагаются следующие вопросы: что тебя привлекает в Луине? Почему именно о нем писали такие гении, как Пушкин, Достоевский, Л. Толстой? Какими чертами его характера они восхищались? В каких важных событиях нашей страны Лунин проявил себя неповторимо, как исключительная натура? Что формировало этого одаренного человека, убежденного революционера?..

Самостоятельная работа над характеристикой и оценкой исторической личности лишь тогда обогащает ученика, когда перед ним ставятся вопросы, заставляющие думать и искать... После коллективной работы на уроках по теме вечера и самостоятельной работы каждого над своей темой все ученики пишут о том, чего они ждут от вечера, каким представляют его, какими видят отдельных героев и конкретные сцены. На основании этих небольших творческих сочинений уточняется программа, шлифуется композиция вечера, который должен быть открытием не только для зрителей, но и для участников. Вот почему ... даже на генеральном просмотре, сыграв свою роль, исполнитель покидает зал. Незнание содержания всего вечера сообщает ученику новизну, завоевывает его внимание с первых минут вечера» [29].

Я привел столь обширные выдержки из статьи Т. И. Гончаровой, чтобы показать, сколь все просто, ясно, до мельчайших деталей, нюансов, и сколь все непросто в труде народного учителя. В этой статье очень ярко проявилось видение большого в малом, направленность каждой детали, всей методики на главное — формирование неповторимой, ищущей, думающей личности.

Становится понятным, что заставляет учеников Т. И. Гончаровой вчитываться в переписку Ивана Грозного с Андреем Курбским, находить и изучать тома «Следственного дела декабристов» и многотомную «Историю гражданской войны», отыскивать разбросанные в сотнях книжек факты Великой Отечественной... И почему-то, когда то тут, то там начинают говорить о перегрузке учащихся, у ее учеников жалоб не возникает. Им интересно с Татьяной Ивановной, а ей с ними. А еще им интересно со множеством других людей прошлого и настоящего, с которыми они знакомятся благодаря Татьяне Ивановне и своему труду.

— Расскажите, как в Летнем саду разрушили некоторые скульптуры. Нашли ли этих мерзавцев?

— Как повлияет новая конституция ЮАР на судьбы цветного населения этой страны?

— Скоро ли будет застроен наш пустырь?

— Как человечество обеспечено топливно-энергетическими ресурсами?

Это вопросы из 416, что записаны в журнале политклуба «Знатоки». Записки с вопросами опускаются в ящик, стоящий перед входом в кабинет истории. Президент клуба, девятиклассник, и члены правления сортируют, распределяют вопросы, готовят ответы. Но будут и вопросы, заданные ребятами, на которые тоже надо ответить, возможно, и не сразу, а через две недели — на следующем заседании клуба. Перерывают газеты и журналы, позвонят в райисполком или на телевидение, но ответят обязательно. Поначалу на эти вечерние собрания приходило человек 20—30, теперь собирается 150—200. Идут старшеклассники, ведут приятелей из соседних школ.

Вот так решается проблема политинформации, на которую до сих пор во многих школах скликают к восьми утра с помощью сердитых записей в дневниках... Вот оно, школьное самоуправление не на словах.

Идею политклуба Т. И. Гончарова, как будто ей мало всего остального плюс классное руководство в одном из самых трудных классов, заимствовала у ленинградского учителя П. А. Островского. Рассказ о его опыте был опубликован в «Учительской газете». Прочитали статью тысячи учителей. «Но почему-то,— жаловался мне один ленинградский методист,— таких клубов почти нет в других школах...» Почему? Не потому ли, что для этого необходима внутренняя готовность и учителя, и учеников? Готовность быть распахнутыми друг для друга. А еще — уверенность, что тебя всегда поймут и на искренность ответят искренностью, ибо здесь, после уроков, собираются друзья ради общения друг с другом.

Этот духовный контакт, эта готовность, эта уверенность обеспечиваются всем стилем жизни народных учителей, каждым уроком, каждым прожитым днем.

СКОЛЬКО ЧАСОВ В СУТКАХ УЧИТЕЛЯ?

Эффективность труда принято определять количеством затраченного времени на единицу продукции. И очень интересно было узнать, сколько же времени затрачивают на свою работу лучшие учителя сейчас, когда рабочая неделя учителя определяется многими исследованиями в 55—70 часов. По многим материалам, приведенным выше, ответ уже кажется predetermined. Но посмотрим внимательнее.

«...В школе Журавлева бывает в среднем одиннадцать часов (с семи утра и до шести вечера). Здесь кроме уроков занимается проверкой тетрадей, ведет дополнительные занятия, находит время для общественной работы. Домой она возвращается где-то около семи вечера. Короткий перерыв на ужин — и снова за работу: надо подготовиться к урокам, проверить взятые с собой тетради, составить план кружка любителей русского языка» [49, с. 64].

«Василий Федорович (Алешин.— В. Х.) повесил трубку, порозовел слегка.

— Вы извините, у меня жена заболела, пойду покормлю ее, пока урок не начался.

Натягивая на ходу пальто, он давал указания Тонечке (секретарю.—В. Х.).

— Значит, все счета — в корзину, пусть научатся считать... Урок — в VIII Б. Не зовите... если только из райкома... Про бюро помню...

Когда дверь за ним закрылась, я с недоумением посмотрела на Тоню.

— Вы поняли что-нибудь?

Тоня засмеялась.

— Он хотел сказать, что счета за электроэнергию проверил — в них есть ошибка, надо выяснить. После перемены он пойдет на урок в восьмой класс, и если его будут спрашивать, с урока не отзываться. Исключение — звонок из райкома, там, видно, дело какое-то важное.

Если будут напоминать про партбюро, то помнит и придет обязательно.

— Как вы догадались? — искренне удивилась я.

— Тренировка,— пошутила Тоня.— У него столько всяких дел, и он, чтобы ничего не забыть и в целях экономии времени, разговаривает со мной тезисами. Кинет фразу, а ты расшифровывай, как стенограмму. Поначалу ничего не могла понять, а теперь привыкла, разбираюсь.

Вот такой он, Василий Федорович Алешин. Забота его и радость — школа... Приходит в школу до занятий, а уходит—«под занавес» [49, с. 32—33].

Т. И. Гончарова:

— Подъем в 7.00. 8.00 или 8.40 — начало занятий в школе (занятия в ленинградских школах начинаются в 9.00, но у нее есть «нулевые» уроки. А еще репетиции исторических вечеров...). Около 17.00 — конец рабочего дня в школе. 17.00—19.00—магазины и другие домашние заботы. 19.00—21.30 — отдых в кругу семьи (если нет родительского собрания, заседания родительского комитета и т.п.). 21.30—1.00 — подготовка к урокам, чтение, работа над книгой или статьей, письма. Я не представляю себе, как это можно прожить день, ничего не прочитав.

Режим этот, конечно, не выдерживается неукоснительно. Есть еще экскурсии и походы с классами в кино и театры, есть ревизионная комиссия обкома партии, есть просто люди кругом и непредвиденные обстоятельства. И потому «итога» будет выглядеть очень приблизительно тоже: 5—6 с половиной часов в сутки — на себя и семью, 6 часов — на сон и 11—12 с половиной часов на школу... Впрочем, «на школу» — это тоже, наверное, на себя, как и «на себя» — на школу...

А у Л. С. Филипповой разве не так? «Поначалу мне было очень трудно встретиться с учительницей, потому что в ее ежедневном бюджете времени не предусмотрено часов или минут для разговора о ней самой. Она и после уроков почти всегда с детьми...» [21].

Кому-то может показаться на основе такой картины, что труд народных учителей следует считать малоэффективным, раз рабочий день их так же долгов, как и у

старательного учителя-новичка. В мастерстве принято ценить легкость, быстроту: «Пришел, увидел, победил!» А тут? Изо дня в день — с утра до вечера...

Но можно ли труд учителя вообще оценивать по количеству—затраченного времени, мероприятий? Ответ на этот риторический вопрос однозначен: нельзя. У учителей-мастеров труд иного качества и требует иного времени, большего. Как требует большего времени достижение большей глубины.

«О Журавлевой мне сказали в школе: «Она успевает всё». ...На подготовку к урокам, как ни странно, уходит больше времени, чем в молодости; возросла требовательность к себе... У Журавлевой обычно уйма тетрадей. И проверять она должна абсолютно все: и скорбный труд лентяя, и победную репликацию отличника. Кроме того, хранит она с IV по VIII класс и не совсем обычные тетради. В них тщательным образом собраны... грамматические ошибки ребят. Каждому классу — отдельная тетрадь, каждому ученику — лист. В этих так называемых лицевых счетах можно найти все погрешности, допущенные ребятами в письменных работах с IV по VIII класс.

Зинаида Степановна рассказывала мне: «Слова, в которых многие допустили ошибки, обязательно включаю в диктант на уроке. Потом с этими же трудными словами составляем предложение. Каждому ребенку обязательно подбираю такие упражнения, которые позволяют работать над ошибками... И к VIII классу уже никто серьезных орфографических ошибок не допускает» [49, с. 63—64].

Возросла требовательность к себе... Не в этом ли причина удлинения и уплотнения рабочего дня народных учителей? Не это ли заставляет их искать и находить новые приемы и способы своей работы, расширять и совершенствовать свою педагогическую технику и технологию на научной основе?

А. А. Захаренко: «Мы исходим из правила: чем полнее знания о детях, тем целенаправленнее педагогические воздействия, эффективнее система воспитательной работы со школьниками... Для этого в школе было введено регулярное заполнение карт-характеристик и табелей успеваемости и воспитанности. Карты-характеристики содержат основные данные об ученике, его развитии, семье, позиции в коллективе, моральном облике и поведении. Карты-характеристики заполняются классными руководителями ежеквартально на основе дневников, наблюдений за учащимися, что дает возможность директору школы видеть весь коллектив детей, его положительные и отрицательные черты... Но даже длительное изучение карт-характеристик детей, табелей воспитанности еще не дает полного представления о том, каков их моральный облик, каковы различия в характере и поведении. Изучение нравственного развития учащихся в школе осуществляется методами систематического наблюдения в процессе их труда, в быту, в сложных ситуациях, в походах, в общественной работе и во внеклассных занятиях» [32].

Требовательность к себе, создание условий, облагораживающих школьную атмосферу, характер взаимоотношений, активизирующих учение школьников,— на это уходит немало времени и сил. Но только так можно успешно воспитывать и обучать. Закон воспитания организацией жизни обязывает учителя прежде всего изменять свою собственную жизнь, равняясь на идеалы, которые он утверждает. На это не жалко времени... Не жалко, когда видишь, как твои слово и дело отзываются в учениках, в их жизненной позиции.

«...Л. Ф. Парфенову спрашивают, как она успевает ежедневно проверить около сотни тетрадей, подготовить отличные уроки, столько прочесть, переделать множество дел, которые ждут дома всякую женщину. Откуда у нее столько сил?..» [79].

Итак, еще один вопрос: откуда же столько сил? На него нам еще предстоит ответить, хотя, думается, ответ уже во многом ясен. Но обратите внимание: окружающие восхищаются, поражаются количеством и качеством работы народных учителей, а те сетуют на то, что успевают мало при 11-часовом рабочем дне. Опять парадокс? Да, но только кажущийся. Окружающие видят только внешнюю сторону работы мастеров, потому что внутренняя их жизнь не так заметна.

И еще. Неудовлетворенность народных учителей результатами работы, нехватка времени — прямое следствие все той же требовательности к себе, притом постоянно растущей. Она заставляет не только удлинять, но и уплотнять рабочий день. Вспомним, как много успел сделать на глазах Ш. А. Амонашвили за 15 минут (!) Г. Б. Кобахидзе, какой экономной речью пользуется В. Ф. Алешин в разговорах с секретарем школы, и нам станет, может быть, понятнее, что КПД каждой минуты предельно высок.

«Возникает естественный вопрос: когда же все успевают пановские учителя и ученики? Как им удастся в условиях всеобщего дефицита времени столько сделать на полях совхоза, школьном участке, в лесничестве, дома, в политических клубах и лекторских группах, в кружках и спортивных секциях? Как поддерживают порядок в школе и пришкольном интернате? Н. А. Чернышев отвечает: «Главное — самоуправление, четкое разделение труда, система и высокая организованность».

...Организованность предъявляет требования точности, расчета, экономии времени. На собрания, конкурсы здесь не принято тратить более 1,5—2 часов. Показательно, что анализ анкет старшеклассников — хронометрирование буднего и воскресного дней — не выявил перегрузки учебной работой. Все, без исключения, ученики зафиксировали время, необходимое на подготовку уроков, в пределах 3—3,5 часа. Все участвуют в спортивных секциях, кружках, читают художественную литературу...» [66].

Итак, высокая организованность... Но есть еще одна особенность у учителей-мастеров, на которую указывают различные источники. Она и облегчает их труд, и делает его более насыщенным.

«Память ее кажется феноменальной. Естественно воспринимается на уроке чтение наизусть всех программных стихотворений, а сколько звучит не программных, в том числе и стихов современных поэтов, когда по возникшей ассоциации необходимо подтвердить какую-то мысль! В разговоре Людмила Федоровна (Парфенова.— В. Х.) может воспроизвести почти целиком сочинения своих учеников, если они чем-то сейчас интересны» [79].

«У Татьяны Ивановны Гончаровой очень хорошая память, не только зрительная...» (из рассказа М. А. Калугиной).

«Юрий Сергеевич (Кашкин.— В. Х.), как заботливый отец, знает о своих выпускниках всё: где живут, кем работают, какая у них семья. Он шутливо называет интернат штабом, и это очень верно. Сюда к нему едут, как домой,— сразу с вокзала.

Директор помнит всех (за 22 года!—В. Х.) учеников по именам, фамилиям и даже по их поступкам — хорошим и плохим...» [41].

Конечно же, природа памяти человека сложна. Ее изучали и еще долго будут изучать многие исследователи. Но что такое блестяще развитая память учителя-мастера, как не следствие целенаправленности и постоянного напряжения чувств и мыслей? Равнодушные запоминают мало. Им это ни к чему.

«Не удивляешься этой памяти только потому, что знаешь ее работоспособность и умение извлечь из времени максимум возможного. А успевает Людмила Федоровна Парфенова действительно много» [79]. А ведь работоспособность— следствие не столько хорошей памяти, сколько огромного желания сделать свою работу лучше, принести ею как можно больше пользы.

Т. И. Гончарова, памятью которой восхищаются и дети, и коллеги, и родители учеников, призналась мне, что у нее была очень плохая память на цифры, но тренировалась много, и «теперь, кажется, ничего... Многие даже хвалят, восхищаются...»

А как тренировал свою память В. Ф. Алешин, когда только-только принял отстающую по всем показателям Шумяческую школу?

«Пока большая часть учителей отгуливала летние отпуска, Алешин работал. За лето школа его трудами была отремонтирована, пришкольный участок приведен в порядок... Еще не зная преподавателей в лицо, он изучил за лето их биографии, запомнил

имя и отчество каждого, это было, пожалуй, первым шагом, который расположил к нему учителей. Такова сила доброго обращения» [49, с. 37].

Память связывает не только настоящее, прошлое и будущее, но и людей друг с другом ради будущего. Память — стремление к единению, насыщенность твоего времени и твоей жизни. Поняв это, можно сказать: да, мастерство включает в себя доскональное знание материала, с которым работаешь, наличие хорошего инструмента и виртуозное владение им, обоснованную, продуманную технологию, но еще и желание... Желание сделать свою работу как можно более прекрасной. Оценивать ее следует и по законам красоты, полезности людям, а также по наполнению, направленности времени, отданного делу. Это желание мастера называют высокими гражданскими мотивами, активной жизненной позицией, преданностью делу, призванием... Слова разные — суть одна: без стремления к служению людям, детям нет учителя.

Глава 4

ЩЕДРОСТЬ

Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком.

К. Маркс

Эта глава будет небольшой. Не потому, что не хватает материала для обобщений. Его очень и очень много. По сути вся эта книга о щедрости народных учителей, учительской и человеческой. Они знают высшую радость — радость дарения. Без этого не утвердить гуманных, коммунистических отношений между людьми. Речь здесь пойдет о щедрости, не предусмотренной должностными обязанностями, выходящей за пределы жизни школы, о «сверхурочной» щедрости, если можно так сказать.

ПО ДОЛГУ СЕРДЦА

«К письму, присланному М. А. Алексеевым в редакцию, была приложена копия одного официального заявления. Слова, стоящие рядом с подписью, аккуратно заклеены. Я отогнула заплатку, прочла: «Заслуженный учитель Якутской АССР, награжденный орденом Ленина».

— Зачем же вы это заклеивали, Михаил Андреевич? — спросила я, когда прилетела в Верхневилуйск.

— Разве это могло влиять на решение редакции? — спросил он.

Письмо было про главное в жизни. Но оно (главное.— В. Х.) трепетало и билось где-то в глубине строк, сообщавших о ситуации достаточно заурядной: при зачислении в университет Галю несправедливо предпочли Ване. Ваня — ученик Алексева.

Ежегодно Якутия получает сто внеконкурсных мест в центральных вузах. Попросту сказать — бронь. Конкурс, конечно, есть, но свой, внутривнутриреспубликанский. Проводит его своя же приемная комиссия. Дорога в вуз оплачивается, что для Вани крайне важно. Дома, в родном наслеге, шесть братьев и сестер младше его. Отец — каюр, пастух...

Педагоги утверждают, что у Вани богатая натура. Он участвовал и побеждал во множестве олимпиад, получил золотую медаль — единственную за семнадцать лет существования Верхневилуйской школы. Характеристика его, составленная Алексеевым, свидетельствует: «По физике занимается с резко выраженным увлечением, жаждущий математик, человек простой, товарищеский, имеет большое влияние на школу и является ее гордостью и честью».

Ваня мечтал об МГУ...

А про Галю что ж сказать? И она окончила школу на все пятерки. Горожанка. Ефимовы — интеллигентная якутская семья. Папа — кандидат наук, старший научный сотрудник филиала Сибирского отделения Академии наук, мама — педагог. Они прочили Галю в МГУ, рассчитывая также на внеконкурсный набор.

Итак, имелось два медалиста на одно, что называется, золотое место.

Ване со всех сторон намекали: зря, парень, стараешься, не пошлют тебя... Опустив глаза, председатель приемной комиссии внулал щупленькому мальчику в очках:

— Придется тебе подождать год.

— Почему?

— Понимаешь, она дочь заслуженного человека, ученого. Ты вот что: поезжай в Бауманское училище.

Хороший вуз, во всем мире знают. Место у нас там есть.

— Нет, — отрезал он.

— Какая причина? Капризничаешь?

Нельзя же объяснять достойным людям, что он, Ваня, не может перебежать дорогу тому парню, который уже сдал в училище («Николаев никогда не выставляет себя на первый план», — читаем в характеристике).

— Ты понял? В МГУ едет Ефимова.

— Почему?

Они рассердились на него за непонятливость, и он ушел. Характеристика правильно утверждает: «Уважительный к старшим».

...Ваня в полном смятении вернулся домой. А Михаил Андреевич стал собираться в путь. Он полетел прямо в Москву и две недели воевал там за Ивана. Начальник главного управления (Минвуза) был раздражен:

— Вас никто не уполномочивал. Зачем вы обиваете пороги?

— Я прихожу, однако, один раз, — сказал Алексеев. И подумал: «Солдат я, чего боюсь!» Он пошел к заместителю министра высшего образования. Вскоре из Москвы в Якутии получили телеграмму: «Срочно направьте И. Николаева в Новосибирский университет». Там, на первом курсе физического факультета, Ваня и учится с превеликим рвением, о чем я с радостью услышала в Академгородке от его педагогов... Алексеев печется о репутации республики» [45].

Государственный деятель. Это определение мы употребляем по отношению к выдающимся полководцам, крупным военачальникам, политикам. Называть так сельского учителя как-то непривычно. И все же это так. Михаил Андреевич был и остается государственным деятелем и по своим мыслям, и по своим поступкам. И на уроках в одной из лучших школ Якутии, которую создавал вместе с учениками и коллегами, и в так называемое свободное время.

Любит писать письма в «свободное» от основной работы время и Ю. С. Кашкин.

«Когда Кашкин только начинал работать директором интерната, он как бы заново пережил войну, прочувствовав ее трагизм для детей, потерявших родных. Многие из них впоследствии стали воспитанниками рыбинского интерната. Семидесяти пяти из них Юрий Сергеевич нашел родителей.

Вот одна из историй, которую рассказал мне директор:

— В первые годы к нам присылали очень много сирот. Валя Гайтаенко поступила в интернат в один из первых наборов. Круглая сирота. Только известно, что родилась в конце войны во Франкфурте-на-Майне, что потеряла там свою мать. Как, где — этого она не помнила. После войны Валя попала в детский дом, потом к нам. У нас училась десять лет. Очень хотелось найти ей родных. Маленькой, бывало, просила меня: «Юрий Сергеевич, найдите маму!» Потом, по-моему, потеряла всякую надежду. А я много лет искал, ей даже не говорил, что ищу. Писал во все организации — областные, республиканские, союзные. И нигде ничего. Когда Валя закончила десять классов, вручил я ей аттестат и прощения просил: не нашел маму. Уехала она в Братск работать. А у меня словно вина перед ней. Как будто долг свой не исполнил. Задумался еще раз: куда обратиться? Вдруг словно озарение. Фамилия Гайтаенко скорее всего белорусская: как же это я сразу не догадался в Минск написать? Прошло несколько месяцев, получаю ответ. И не знаю, радоваться или нет. Мне сообщили, что живет в Минске женщина, дочь которой родилась во Франкфурте-на-Майне в конце войны. Девочку тоже звали Валею, но там малютка заболела, ее забрали в больницу, и в тот же вечер в здание попала бомба. Все дети погибли — так по крайней мере сообщили родителям. И еще меня насторожило, что фамилия женщины немного отличалась от Валиной.

Тогда я и самой Вале написал — через три года после ее отъезда из интерната. «Что делать, Юрий Сергеевич? Увольняться? К маме лететь?» А что мы знаем о ее маме? Двадцать пять лет прошло, целая жизнь, Валя вырасти успела. «Подожди отпуска, — отвечаю ей. — Не ломай сразу ни свою жизнь, ни мамину. Сама привыкни, ей дай привыкнуть к мысли о том, что вы не одни теперь на свете».

В Минск, к ее маме, мы поехали вместе. Встретились они очень торжественно, им вручили ключи от новой квартиры, корреспонденты из газет и с телевидения приехали. Только потом Валюта призналась мне: «Мы еле дождались с мамой, когда все уйдут. Сели, обнялись и четыре часа так сидели... только плакали».

В уютном кабинете Юрия Сергеевича становится тихо. Директор о чем-то думает, а я боюсь прервать молчание.

— С Валею потом мы снова встречались,— добавляет он.— Ездили с ребятами в Брест, решили провести ее и остановились в Минске. Она очень обрадовалась. Вместо часа прогостили у нее целых два дня. А уезжая, оставили ей адрес другой нашей воспитанницы, которая тоже в Минске живет. Я всегда стараюсь связать, познакомить наших воспитанников, если они оказываются неподалеку друг от друга...» [41].

Может показаться, что связь между этими двумя поступками народных учителей чисто внешняя — письма. Но есть и внутренняя, духовная: вечная неуспокоенность, бескомпромиссная борьба за справедливость, за судьбы своих выпускников, гражданская ответственность. Вот почему учителями для своих учеников они остаются навсегда. Им незнакома успокаивающая мысль: «Я свое дело сделал — довел их до школьного порога, а там уж как получится...» Их забота о людях не знает отдыха.

«...По первым же горячим выступлениям на районных и областных конференциях «новенькую» взяло на заметку памятливое руководство, всюду ищущее активных, заинтересованных и самоотверженных, преданных делу людей на местах. Взяло на заметку и рекомендовало ее в депутаты районного Совета — пусть попробует человек силы, да и сразу станет ясно, как у него слова сходятся с делами.

На собственном опыте узнала учительница русского языка и литературы, что такое забота о людях и чего она стоит. Со всеми своими трудностями потянулись к депутату земляки.

— Бежишь в школу, торопишься, боишься опоздать на уроки, а тебя на улице люди останавливают, делятся своими заботами. И выслушать ведь обязательно надо.

Обо всем надо знать — ведь я же депутат! Да не всегда только людям удается помочь,— оживившись и немного привыкнув ко мне, делится своими победами и огорчениями Ольга Сысоевна (Авраменко.— В. Х.).

Ну, вот, например, дорога. Ах, сколько хлопот было с дорогой. Да так и не добыли пока средства на то, чтобы привести в порядок и покрыть асфальтом дюжину километров старого мощеного шляха. Но все-таки удалось заасфальтировать проезжую часть главной улицы поселка, удалось даже бросить вдоль улицы тротуары из бетонных плит.

Ходят люди по заасфальтированной дороге, ходит сама Ольга Сысоевна. Другие уж, может, и забыли, чьими это хлопотами досталось, а она глядит — и больно ей делается, если где кусок у плиты раскрошился — ведь это благоустройство таких трудов стоило.

Нет, доброты и заботы люди не забывают. Верят человеку и доверяют ему важные дела...

— Ольга Сысоевна, вы член Верховного Совета республики. Вы — один из ее законодателей. В чем вы видите главную задачу как депутат Верховного Совета?

— Пожалуй... прежде всего — строительство. Школу новую надо строить, дома городского типа нужны поселку. Но самое главное — надо достроить больницу. И поликлинику. Хоть мне, учителю, положено в первую голову болеть за новую школу, но скажу вам честно: если придется выбирать, что строить, я буду за больницу» [49, с. 14—15].

Не только о школе радеют народные учителя, а о том, чтобы окружающая нас жизнь стала чище, краше, справедливее, добрее. Такую жизнь могут создать только настоящие, душевно щедрые люди. А это зависит и от того, чему и как они будут учиться в школе.

«Кто-то из ребят спросил у Юрия Сергеевича (Кашкина.— В. Х.), как он, фронтовик, классный стрелок, и вдруг решил стать учителем.

А он сказал, что еще в осажденном Ленинграде именно дети поражали его своей стойкостью, мужеством. И вообще — сироты. А когда предложили в горькоме партии взять директорство именно над таким интернатом, он согласился. Он нам просто сказал: «Но ведь должен же кто-то заниматься таким делом». И еще сказал: «Я же коммунист». Но только теперь, чем дальше я отхожу от школы, начинаю понимать, что такое наш интернат. Чем он был и чем стал для нас.

Юрий Сергеевич спросил как-то у нас, как мы относимся к социализму. Мы удивились. Мы не думали об этом. А он сказал, что надо думать. Что социализм надо защищать, бороться за него каждый день. Он так и сказал: каждый день.

Мы тогда клятву дали, что все вступим в ряды Коммунистической партии. И будем бороться... Но только сейчас до меня доходит по-настоящему смысл его слов. Про каждый день, про личную ответственность...» [49, с. 91—92].

ЧТО ОСТАЕТСЯ ЛЮДЯМ?

Работу учителей, школ, как и других людей и предприятий, принято оценивать по конечному результату. Но что такое конечный результат работы учителя, школы? Ученики, люди? Чаще всего на этот вопрос следует утвердительный ответ. Однако можно ли говорить о конечном результате применительно к человеку? Ведь пока человек жив, он растет, изменяется, не только физически. Он развивается как личность. Это происходит под влиянием внутренних установок и принципов, заложенных в детстве родителями и воспитателями, сформированных им самим, под воздействием новых людей и множества внешних обстоятельств. Всего не перечислишь.

Но как же тогда оценивать работу учителей? Ведь иначе не увидишь достигнутого, продвижения. Листая личные дела народных учителей, вчитываясь в деловые характеристики и описания их работы в различных методических журналах, я невольно поражаюсь цифрам. «Работает 14 лет без второгодников, процент учащихся, успевающих на 4 и 5 — 67%...»; «73% учащихся... учатся на 4 и 5, работает без второгодников 20 лет»; «Школа не имеет второгодников 22 года, ежегодно 45 — 50% учащихся заканчивают учебный год на 4 и 5» и т. д.

Мне, человеку, не один год проработавшему в школе, было достаточно хорошо известно, как иногда «достигаются» и «добываются» подобные проценты. С таким скептическим настроением я и приехал в Ленинград изучать опыт работы Т. И. Гончаровой. Выбор был чисто случайный. Но одним из первых моих вопросов был вопрос о процентах...

— Да никогда я не помнила и не помню эти проценты,— ответила Татьяна Ивановна.— О чем они говорят, даже если высокие? Были хорошие, умные, добрые ребята. Да и не одна же я их учу!..

И тогда я сам взялся за подсчет процентов. Пересмотрел полтора десятка классных журналов за разные годы. Особое внимание обращал на итоговые отметки десятиклассников по истории и обществоведению (на экзаменах в школе № 536, в отличие от многих других школ, очень часто присутствуют люди «со стороны»). Результаты были удивительные. 1976/77 учебный год: история СССР — на 4 и 5 — 81,1% (причем почти две трети из них на «5»), обществоведение — 70,3% (больше половины на «5»); 1979/80: история — 79,4%, обществоведение — 73,5%; 1980/81: история — 94,9%, обществоведение — 92,2%; 1982/83: история — 97,2%, обществоведение — 91,7%! Тройки имели всего два-три человека в классе, в том числе и по обществоведению, традиционно считающемуся одним из самых сложных предметов в школе. Нет, это не просто стабильные результаты, а постоянно растущие.

Но, помня слова Т. И. Гончаровой о том, что ребята были хорошие, я не поленился посмотреть их успеваемость по другим предметам, определить общий уровень их успехов в обучении. Он был обычным, как и во многих других школах: 35—36% хорошо успевающих учеников, правда, в 1977 и 1980 гг. от 27,0 до 44,1%.

Тогда я, понимая возможную случайность тройки по тому или другому предмету, стал смотреть, сколько же учеников заканчивало школу с тремя тройками в аттестате. Получилось, что процент этот из года в год нарастал: 56,7% в 1977 гг. и 66,7% в 1983 г. Но разница в 25—30% (!) оставалась в пользу Татьяны Ивановны, в пользу ее учеников. И так, почти 90%, девять из десяти, учеников Татьяны Ивановны заканчивают школу из года в год с радостными четверками и пятерками.

Нет, проценты все-таки кое о чем говорят, если знать, что и кто стоит за ними. У Татьяны Ивановны, как и у других лучших учителей, за статистическими данными — радостный, увлеченный труд учителя и учеников — в классе и в поле, в школьном кабинете и в мастерской. Многие ученики народных учителей — лауреаты ВДНХ СССР и премии Ленинского комсомола, победители всесоюзных олимпиад и конкурсов.

В документах о реформе школы пресловутые проценты «успеваемости и качества знаний» осуждены и отброшены. Потому что нельзя сложную и многообразную жизнь школы свести к цифровым показателям. И все же, думаю, за некоторыми цифрами можно увидеть отношение учеников к школе, к жизни, например, как у В. Ф. Алешина:

«За последние пять лет после окончания X класса 246 из них (выпускников.— В. Х.) сразу пошли работать, в том числе 196—в сельскохозяйственное производство; 81—поступил в высшие и средние сельскохозяйственные учебные заведения. Только в колхозе имени 1 Мая сейчас трудятся механизаторами 47 бывших учеников школы. Наши выпускники возглавляют все участки колхозного производства. Каждый второй механизатор, инженер и механик в Шумяческом отделении «Сельхозтехники» — также питомец нашей школы. Многие ее выпускники трудятся председателями колхозов, директорами совхозов, агрономами, зоотехниками, полеводами, механизаторами, возглавляют бригады и фермы в хозяйствах района, области и других регионах страны» [13].

Так же много говорят цифры и о работе якутского учителя М. А. Алексева: 45—50% выпускников этой сельской школы ежегодно обнаруживают глубокие, осознанные знания и поступают в ведущие университеты и высшие технические учебные заведения страны; 36 бывших учеников М. А. Алексева занимаются в аспирантуре или работают в научно-исследовательских институтах; есть среди них и кандидаты физико-математических наук.

И Н. Н. Захарова тоже «считает», стараясь лучше понять, чему еще недоучитывает, что упускает школа (ведь цифры нужны не столько для отчетов, сколько для анализа, для будущей работы):

«Недавно мы подсчитали: в госплемзаводе «Никоновское» работают более ста выпускников нашей школы. Сто судеб. Сто поводов для самого серьезного осмысления процессов воспитания. Сто самых конкретных, самых реальных результатов педагогического опыта.

В списках передовых животноводов района постоянно встречаю фамилии — Свечникова, Комогорова, Козлова... Это наши выпускницы. Заслуженные, с орденами, серьезно несут они свою славу лучших. И с каждым годом таких знакомых имен все больше...

Зашел как-то в школу секретарь парткома племзавода Михаил Алексеевич Хализов — он и директор Борис Васильевич Добринский часто у нас бывают. Решили, говорит, заведующим свинофермой поставить Сашу Козлова.

— Ну и правильно.

Секретаря, видно, не устраивает моя сдержанность.

— Нет, вы себе представляете, что значит быть у нас заведующим фермой?!

Все представляю. И даже то, что разговор этот — совет со школой, искреннее желание доставить нам радость.

Саша Козлов в школьном коллективе ничем не выделялся, учился средне. После окончания школы работал в «Никоновском». Отслужив в армии, вернулся в родное село, на прежнее место работы. Решение Саши поступить в институт было неожиданностью, но руководство гос-племзавода дало ему направление, стипендию. И вот Александр Алексеевич Козлов вернулся в хозяйство ученым-зоотехником. Именно ему — зоотехнику, потом старшему зоотехнику, его трудолюбию, основательности в знаниях, его интересу ко всему новому в науке обязан коллектив фермы своими успехами: ферма все чаще стала выходить на первое место.

И вот теперь Саша Козлов становится заведующим фермой. Это ли не повод для размышления о нераскрытых в годы учебы возможностях школьных «среднячков»?..» [33, с. 36—37].

Знания — богатство несомненное. Но слово «знания» отвечает на вопрос «что?». Они — предмет неодушевленный. Одушевляют знания, делают их человеческими только люди. От учителя зависит, как его ученики используют знания: ради преобразования жизни или приспособления к ней, станут ли творцами материальных и духовных благ или только потребителями. Вот эта направленность личности, думается, и есть конечный и вместе с тем бесконечный результат работы учителя, школы.

«...Как говорят,— пишет народный учитель СССР Н. К. Калугин,— истинная любовь всегда требовательна. И мы, прививая детям любовь к труду земледельца, учим их критически воспринимать условия, в которые они попадут по окончании школы. Иначе говоря, всегда существовала и, очевидно, будет существовать проблема взаимосвязи того, что школа может предложить колхозу, и того, что колхоз может предложить ее выпускникам.

Во-первых, колхоз должен обеспечить выпускников квалифицированным трудом, ибо школа дает не только образование, но и сельскохозяйственную специальность.

Во-вторых, организация труда в колхозе должна приобретать все более научный характер. К моменту выпуска из школы юноши и девушки в основном не только готовы к этому, но и ожидают этого. Три «само» (самоокупаемость, самоуправление и самообслуживание.— В. Х.), действующие в летнем трудовом лагере «Соловьиный дол», подготавливают соответствующую почву. А опытническая работа приучает школьников к анализу, к поиску наиболее рационального...

Это подтверждает и председатель колхоза В. С. Шинкарев.

— С приходом молодых работать стало легче и... сложнее,— говорит он.— Создается иная психологическая атмосфера. Николай Климентьевич правильно говорит, например, в этой связи о научной организации труда. Давайте задумаемся над мыслями выпускника, покидающего стены школы. Чего ждет он от работы в хозяйстве не с точки зрения заработка, хотя это очень важно, а с точки зрения своего развития? Какие бы знания школа ему не давала, учебу он рассматривает всего лишь как подготовительную ступень к самостоятельной жизни. Поэтому и от работы в колхозе, и от устройства всей своей жизни он ждет многого. Если выпускник встречается в колхозе с чем-то более высоким по своему уровню, он растет. Если с точки зрения трех «само» в колхозе хуже, чем в том же лагере «Соловьиный дол», то молодой колхозник недоволен» [37, с. 202—203].

Готовность выпускников к преобразованию жизни— вот один из главных результатов щедрости учителя. За это ему и благодарны люди.

«В музее истории интерната я прочла такую телеграмму: «Уважаемый товарищ директор! Благодарим за отличных выпускников и приглашаем новую группу ваших воспитанников. Обеспечим подъемными, общежитием. Телеграфируйте согласие. Директор домостроительного комбината Читы Бережной».

— Чем она вас так поразила? Издалека, что ли?

Наших выпускников немало на предприятиях города. И по всему Советскому Союзу. На всех крупных комсомольских стройках. Но воспитать ребят с настоящим характером... Одно скажу: мы не готовим их к жизни. Мы живем. Сегодня, сейчас, каждую минуту. Идея подготовительного периода к самостоятельному будущему кажется мне глубоко ошибочной. Если же устроить игру в жизнь, это будет замечено непременно. Дети чувствуют любую фальшь.

— Как же вы поступаете?

— Замечаем, поддерживаем и развиваем инициативу самих ребят» [53].

Это отрывок из беседы с Ю. С. Кашкиным. Но, очевидно, то же самое могли сказать и многие другие народные учителя. Их воспитанники вырастают настоящими людьми потому, что в школе и после нее жили и живут полнокровной жизнью, продолжая в этом своих учителей.

«Здравствуйте, Галина Даниловна!

Извините, что пишу так поздно. А не писал Вам раньше потому, что не мог Вас обмануть. Жизнь есть жизнь, и не все так хорошо идет, как хотелось бы. И вот сейчас, когда заканчивается служба в армии, можно с уверенностью сказать, что имею право написать Вам. Наверное, каждый человек, оставаясь наедине с собой, подводит итог, что он сделал полезного за день, месяц, год. Хочу Вам написать, что успел сделать полезного за свои 20 лет. Начну, наверное, с первых дней службы. Призвали меня в мае, провожали мама, друзья, близкие, очень не хотелось терять «вольную» жизнь. А через несколько дней был в Забайкалье, где и служу... К концу полугодия стал отличником боевой и политической подготовки, избрали меня секретарем комсомольской организации. Наверное, в то время и понял, как глупо жил до армии: разменивался по мелочам, хватал все легкое и доступное... Главное — очень хотеть, к чему-то стремиться. Если всем доволен, все есть — это уже не жизнь, а самоубийство. Во время отпуска я видел массу таких. Видел стариков в 20 лет... берут от жизни все то, что дают мама с папой, куда ветер — туда и они, за спинами родителей познают жизнь. А ведь когда-то я им завидовал, что они живут лучше меня...» [50, с. 45].

Это строки из письма давнего выпускника Г. Д. Лавровой. Давнего потому, что работает Галина Даниловна учительницей начальных классов в школе № 44 Нижнего Тагила. Не все разумное и доброе, посеянное учителем, сразу всходит в душе ученика, но всходит обязательно. Но как все же эти строки из письма человека, пусть через годы, но все-таки ставшего учеником Г. Д. Лавровой, перекликаются с мыслями Ю. С. Кашкина о школе, о том, что она не место подготовки к будущей жизни, а жизнь настоящая. И это еще один ответ на вопрос о результатах работы...

Народные учителя создают условия, пробуждающие активность учеников в учении, труде, жизни, учат преодолевать трудности и идти к новым высотам. И двигателем этого вечного движения к лучшему в себе и жизни становится разбуженная совесть, чувство долга перед людьми. Настоящий учитель зажигает в учениках жажду высоты, стремление к идеалу всем образом своей жизни, всем своим делом.

Наш рассказ о народном учителе будет неполным, если мы умолчим о тех, кто продолжает их дело на педагогическом поприще.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭСТАФЕТЫ

«...Особенно всех взбудоражило решение Любы Фирсовой. Гордость школы, она все десять лет была примером в учебе и поведении, успешно сдала экзамены, удостоилась серебряной медали — и вот на выпускном вечере в 1962 г. заявила: «Хочу работать на свиноферме».

— Ну, удивила так удивила,— зашушукали некоторые из родителей.— Мать, поди, убивается! Такая умница, ей бы прямая дорога в институт, а она — в свинарки.

Нет, мать не убивалась. Вера Андреевна, узнав о решении дочери, поддержала ее... Люба с детских лет любила книги, всегда считала их своими большими друзьями. И

теперь продолжала по ним учиться. Но учиться тому, что требовала новая работа. Журнал «Свиноводство» стал ее настольной книгой. А брошюры, где рассказывалось о работе лучших свинок, библиотекарь не успевал для нее подбирать. Люба не умеет работать вполсилы — если взялась за дело, отдает ему всю себя... Опыт ее работы стал достоянием многих животноводов. Но ее не покидала мысль об институте. Она хотела стать сельской учительницей, но считала, что сначала надо проверить себя в сельскохозяйственном труде.

Через пять лет Люба приехала в Дедуровку преподавателем русского языка и литературы... пятьдесят процентов нашего педагогического коллектива — бывшие выпускники Дедуровской школы» [37, с. 198—205].

Кому-то решение Любы Фирсовой может показаться странным. Какое отношение свиноферма имеет к профессии учителя? Мы же, вслед за Н. К. Калугиным, считаем: самое прямое. Люба совершила настоящий учительский поступок. Вспомним, как Н. С. Борисов, чтобы подать пример ребятам, с больной ногой записался на курсы механизаторов и получил «лишнюю» профессию. Обратим внимание на дату — 1962 г.: в Дедуровке тогда мало кто оставался. Но Люба не просто осталась, а стала лучшей свинок. Прежде чем сдать экзамены в пединститут, она решила испытать себя жизнью, чтобы иметь право учить своих будущих учеников не только русскому языку и литературе.

Многие ученики народных учителей избирают профессию своих наставников. У Н. К. Калугина половина учителей в школе — его ученики, а у Н. Тухташева 30 его учеников тоже стали учителями математики. В Помоздинской школе, где 15 лет был директором А. В. Уляшев, из 230 выпускников 52 стали учителями, 30 учеников Т. И. Гончаровой также работают учителями. И таких примеров много.

Как и в чем продолжают молодые учителя своих выдающихся учителей?

Владимир Ильич Гребенников, выпускник Красноармейской средней школы, ученик Нины Николаевны и Николая Петровича Белоштенцовых, успешно окончил Таганрогский пединститут в 1982 г. Вместе с женой-горожанкой и годовалым сынишкой вернулся в родное село, в родную школу (впрочем, как и его родная сестра, как многие другие выпускники Красноармейской школы). Квартиру сначала пришлось снимать (родители живут на хуторе далеко от школы). Свою получили через полтора года: помогла Н. Н. Белоштенцова как депутат областного Совета. Работы в школе по специальности учителя физики и математики сначала не было. Пошел преподавать физкультуру. Вместе с учителями, т. е. теперь коллегами, и ребятами оборудовал спортзал, создал футбольную команду, уже успевшую стать чемпионом района, организовал секцию по легкой атлетике. Владимир Ильич вспоминает, с чего все началось:

— Принимал я нормативы по прыжкам в длину. Одна девочка прыгала, прыгала, и все на два пятьдесят. Ну, тройку можно поставить. Еле-еле, но можно. Вижу, совсем расстроилась, чуть не плачет. Попросил остаться после уроков. Еще раз показал, растолковал, что и как. Прыгнула — три сорок! Стала ходить, заниматься, а с ней еще пять-шесть девочек. Теперь в секции полтора десятка ребят. Есть и мальчишки...

Ну как тут не вспомнить слова Ю. С. Кашкина о том, что учитель, прежде чем поучать и учить, должен замечать, поддерживать и развивать инициативу самих ребят! Думаю, что молодые учителя, став духовными последователями своих замечательных школьных педагогов, сердцем усвоили истину, суть которой хорошо выразил тот же Ю. С. Кашкин:

«И самые прекрасные школы, и отлично оборудованные кабинеты, и совершеннейшие учебники — ничто и никогда не заменит личности педагога. Его роль первостепенна. Его влияние на детский ум и душу — основная воспитательная сила. Поэтому сегодня, как никогда, остро звучит проблема профессионального мастерства и даже профессиональной пригодности учителя. Как-то я прочитал, по-моему, у Руссо, что

заурядные воспитатели могут лишь ограничить кругозор воспитанников узкими рамками собственных возможностей. Очень верная и какая давняя мысль!

Из своей практики вынес убеждение, что педагогика — это на 90 процентов любовь к ребенку. Именно она рождает, вызывает то трудолюбие, которое подчас заставляет (хотя это и безусловное нарушение трудового законодательства) работать, не считаясь со временем. Я, признаюсь, не знаю ни одного настоящего учителя, который бы действовал иначе» [53].

Вот почему В. И. Гребенников, взявшись за преподавание «не своего» предмета в родной школе, не жалеет времени на ребят: занимается легкой атлетикой с девочками и футболом с мальчишками, шьет с ними футболки, устраивает конкурс на лучшую эмблему команды, а еще посвящает в тайны радиоэлектроники старшеклассников. Такому отношению к делу он учился и учится у своей учительницы Н. Н. Белоштентовой. В 1968 г. стала она общественным методистом по истории Орловского района. Состояние преподавания истории в районе оказалось неутешительным. Уроки были далеки от конкретных проблем села, района. Многие учителя слабо владели активными методами обучения, плохо знали детскую психологию, достижения науки и передового опыта, уроки готовили по шаблону.

Она добилась от райкома партии, чтобы инструктора отдела пропаганды и агитации райкома принимали участие в выездных заседаниях методобъединения, знакомя учителей с событиями, происходящими в районе. А район немалый. Порой школу от школы отделяет 120 километров. Не раз и не два ездила в Ростов-на-Дону (а до него 8 часов пути), договорилась с пединститутом о регулярном чтении лекций для учителей, а заодно и о практикантах — будущих преподавателях школ района.

Постоянными стали «открытые» уроки с последующим обсуждением. «У каждого есть чему поучиться,— считает Нина Николаевна.— А отрицательный ответ — тоже ответ.

Знать, как бы я не сделал, как бы я не поступил, так же важно, как и приобретать положительный опыт». А чтобы пользы от этих уроков было больше, предложила: на каждое из занятий каждому из учителей приезжать со своей разработкой по теме «открытого» урока. И начала с себя. Не было у нее тогда ни почетных званий, ни орденов...

Я был на таком занятии методобъединения недавно. Видел интересный урок в сельской школе, увлеченных, думающих учителей, помогающих друг другу. Сотрудников, сотоварищей... Да разве так работает только Нина Николаевна?

«В течение 14 лет, не зная настоящего отпуска, Людмила Федоровна выступает с лекциями на курсах, ведет практические занятия со словесниками области. При ее активной помощи осваивались сначала новые, потом усовершенствованные программы русского языка и литературы. Пожалуй, нет такой школы в Зауралье, где бы не было известно ее имя. К ней приходят на уроки коллеги из соседних школ, приезжают из сел. По крупницам ее опыт входит в практику работы многих учителей» [49, с. 59].

Это отрывок из очерка о Л. Ф. Парфеновой. А вот что рассказывала мне о Ю. Н. Черненко завуч средней школы № 7 г. Херсона Г. Н. Мясковская:

— Была у нас в районе учительница биологии, неплохая учительница. И, знаете, делала такие великолепные муляжи из воска — яблоки, груши, даже виноград. Показала она их как-то на районном совещании. Стали к ней учителя приставать: расскажите, как делаете, покажите... И вы знаете, человек замкнулся. Уходит от ответа. Ну, казалось бы, чего тут такого, а она боится секрет открыть, славу потерять... И сама как муляж оказалась...

А Юлия Николаевна совершенно не такая. Редкий день, а я здесь восемь лет работаю, чтобы кто-то у нее не был. Вы видели, сколько у нее разных пособий, плакатиков, таблиц, докладов, рефератов собрано? И ей ничего не жалко — всё раздает: «Пользуйтесь на здоровье, а мы еще сделаем!»

С особой чуткостью и вниманием следят они за первыми шагами своих учеников-учителей, стараясь поддержать, помочь преодолеть неизбежные трудности в начале пути.

— Ну хоть вы сделайте какие-нибудь замечания, просила меня молодая учительница, после того как мы с Т. И. Гончаровой побывали у нее на уроке. — А то Татьяна Ивановна, как ни придет на урок, всегда говорит одно и то же — «Все хорошо, Леночка! Все хорошо».

В другой школе на уроке молодого учителя-мужчины, работающего всего второй год, случилось непредвиденное. В седьмом классе он, видимо, от волнения, закончил урок минут на восемь раньше звонка. И в растерянности замолчал. Тогда Татьяна Ивановна попросила слово и стала говорить ребятам о том, что им очень повезло с учителем. Спросила, бывали ли они на экскурсиях, предложила привлечь родителей к организации поездки в первый и пока единственный в стране музей литературного героя — Музей станционного зрителя, рассказала об этом музее. На перемене она беседовала не с учителем. Выяснив, что у того нет необходимых пособий, хрестоматий, разговаривала с завучем.

— Что же, я должна ему и книги доставать! — возмутилась завуч.

— Нет, не вы. А школьный библиотекарь. А вы должны вызвать библиотекаря и попросить подобрать литературу для начинающего учителя!

По дороге из школы Т. И. Гончарова объясняла мне свою позицию:

— Вот так с первого дня сплошные придирки к учителю: то не так, это не то. Сами ничем помочь не хотят, а потом удивляются, почему это они из школы бегут! Замечания почему не делаю учителям? Да ведь это же первая четверть. У Лены я была второй раз. И то потому, что она сама просила. А у Владимира Петровича — первый. Им сейчас утвердиться надо. И в собственных глазах особенно. А мои замечания могут их сбить.

Пусть лучше они на уроки к сильным учителям ходят. А таких в районе я не меньше пяти знаю. На семинаре многое обсудим. Когда у них свои вопросы появятся, тогда и я что-то смогу им подсказать. А вопросы обязательно появятся. Мы ведь и после семинара долго не расходимся... И звонят они мне часто. Родные обижаются даже, что поздно вечером дозвониться не могут.

И здесь, мы видим, действует тот же «закон Ю. С. Кашкина»: «замечать, поддерживать и развивать инициативу самих ребят» — продолжение трех великих «само» Н. К. Калугина! Нет, это не случайность. Видимо, глубоко прав П. Ф. Лесгафт, написавший еще в конце прошлого века такие слова: «Цель воспитания — содействовать развитию человека, отличающегося своей мудростью, самостоятельностью, художественной производительностью и любовью. Необходимо помнить, что нельзя ребенка сделать человеком, а можно только этому содействовать и не мешать, чтобы он сам в себе выработал человека. Необходимо, чтобы он выработал идейного человека и стремился бы в жизни руководствоваться этим идеалом» [42, с. 233].

Это относится не только к детям, но и к взрослым.

Именно так чувствуют и думают народные учителя. Потому они и народные! Щедрость, как и любовь, имеет свои пути и свои способы выражения, и обязательно меру и постепенность.

Взрослые ученики Татьяны Ивановны еще не достигли своих высот, вершин в педагогике, не все тайны учительского ремесла им известны. Да и могут ли быть известны все его тайны? Ведь учительское дело — это жизнь ради продолжения жизни, а «жизнь — бесконечное познание...» (М. Волошин). Но они идут, постепенно усваивая уроки своих наставников. А какие уроки усвоили мы? У народных учителей всегда было много учеников и последователей. Хочется, чтобы их стало еще больше. Для того и писалась эта книга.

УРОКИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Только преобразуя коренным образом дело учения, организацию и воспитание молодежи, мы сможем достигнуть того, чтобы результатом усилий молодого поколения было бы создание общества, не похожего на старое...

Б. И. Ленин

Народный, народность... Прослеживая становление народных учителей СССР разных поколений, мы, по образному выражению А. Твардовского, как бы пролистали назад календарь многотрудного пути, который проделало наше первое в мире социалистическое государство за 70 лет своего существования. Великая Октябрьская социалистическая революция и гражданская война, коллективизация и культурная революция, стройки первых пятилеток, Великая Отечественная, освоение целины, полеты в космос и подъем Нечерноземья — все это и многие другие вехи истории нашей страны стоят за строками биографий народных учителей. Без этих событий, вероятно, не было бы и этих биографий. Как, наверное, без этих биографий и события нашей истории были бы неполными.

Быть таким, как все, и вместе с тем ни на кого не похожим — в этом диалектическом противоречии заключен высокий смысл труда каждого мастера и народного учителя тоже. Ведь и само понятие народности подразумевает не только общее, но и различия, взаимодополнения друг друга. Чем больше каждый из нас вносит своих дополнений, тем больше он нужен своему народу. Без этого немислимо развитие общества.

Но невелика была бы польза от книги, если бы она только с той или иной степенью достоверности отразила историю через судьбы выдающихся представителей профессии учителя. Как невелика бывает польза от знания истории, если мы только заучиваем те или иные факты прошлого, не извлекая уроков для настоящего и будущего. Тем более в такой переломный момент, когда вся страна устремлена в будущее, когда требования времени заставляют нас многое пересматривать под углом ускорения нашего социально-экономического развития. Нашего, значит, всех вместе и каждого в отдельности.

«Успешное решение намеченных задач партия связывает с **повышением роли человеческого фактора**. Социалистическое общество не может эффективно функционировать, не находя новых путей развития творческой деятельности масс во всех сферах жизни. Чем масштабнее исторические цели, тем важнее по-хозяйски заинтересованное, ответственное, сознательное и активное участие миллионов в их достижении», — прямо говорится в новой редакции Программы КПСС [3, с. 140].

Для миллионов советских учителей полем сознательного и активного участия в решении партийных задач стала проводимая в нашей стране реформа общеобразовательной и профессиональной школы. Да и не только учителей. Реформа — дело всенародное. Но, поскольку эта книга написана об учителях и прежде всего для учителей, настоящих и будущих, хотелось бы в первую очередь остановиться на некоторых уроках, вытекающих из опыта народных учителей.

Урок первый: кто может быть учителем. Из моих сокурсников по историческому факультету педагогического института один стал крупным работником министерства... приборостроения, другой — научным сотрудником архива, третий — все еще подающий надежды поэт... Учителями, педагогами стали немногие...

Обычно, когда речь заходит о недостатках профессиональной ориентации, говорят о зря растроченных государственных средствах, о неудачно сложившихся судьбах людей, неверно выбравших свою дорогу. Ошибка человека, ставшего учителем не по призванию, — это не только его беда, но и беда десятков и сотен детей, волею обстоятельств оказавшихся его учениками.

Учитель начинается с детства. К этому выводу пришли мы, рассматривая жизненный путь многих народных учителей СССР. Вспомним, как Н. Н. Белоштентова рассказывала о своем первом учителе В. Н. Муромском, который не только своими

песенными уроками, но и всей своей недолгой жизнью учил сельских ребятишек быть настоящими людьми. Вспомним, с какой благодарностью говорила Нина Николаевна о своих учителях из Ленинграда, принесших в Сальские степи высокую культуру и сумевших привить тягу к ней своим ученикам из Коннозаводской школы.

С таким же восхищением и любовью хранят в сердце память о своих школьных наставниках и другие народные учителя. Что же пленило их когда-то? Тактичность и чуткость, отзывчивость и доброта, веселый нрав, одухотворенность и широта души. А еще самозабвенная преданность детям, школе.

Я спрашиваю первокурсников педагогических вузов, на какую тему писали они сочинение на вступительных экзаменах. «Точно не помню... Не сформулирую... По Островскому... По Шолохову...» Но для будущих учителей, а не литературоведов, тема-то, наверное, должна быть одна: «Расскажите о вашем любимом учителе». А после — вдумчивый анализ сочинений. Не только грамматики и стилистики, но и идеалов, которые несет в себе каждый из кандидатов в учителя. Такие сочинения следовало бы дополнить характеристикой школы. Нет, не только характеристикой школы на абитуриента, сообщающей, как и в чем проявились педагогические наклонности (это само собой разумеется), а именно характеристикой школы, ее атмосферы, ее духа, определяющего неформальное качество школы, из которой пришел кандидат в учителя. Может быть, на вступительных экзаменах следовало бы применить систему тестов по проверке ориентированности на профессию типа «человек — человек»: насколько каждый из кандидатов способен к длительному, терпеливому общению с людьми, с детьми.

«Неотъемлемая часть реформы системы народного образования—значительное улучшение подготовки учительских кадров» [4, с. 57]. Опыт народных учителей СССР заставляет нас особенно внимательно вчитаться в эти строки, глубже осмыслить и другое положение реформы: «Будущим учителям, воспитателям нужно дать самые современные знания и хорошую практическую подготовку... Поднять уровень психолого-педагогической подготовки, улучшить организацию и содержание практики» [4, с. 57]. Об этом второй урок, выверенный судьбами народных учителей.

Урок второй: единство теории и практики. Для большинства героев этой книги практика и теория были неразрывны. Ответы на вопросы, поставленные реальной жизнью, им помогала находить теория. А всю вузовскую теорию они тут же проверяли на практике, вольно или невольно следуя ленинскому завету: ничего не брать на веру. И это заставляло сомневаться, искать, быть самостоятельным сразу же, с первых шагов и постоянно учиться.

А еще у многих народных учителей «непрерывная практика» была связана со всеми «этажами» школы — от первого класса до десятого, от учительского стола до директорского кабинета. Вот откуда глубокое знание жизни школы как целостного организма. Без этого широкого видения нет учителя-мастера. Оно для педагога жизненно необходимо. Узкий специалист, как известно, подобен флюсу, и в учительском деле тоже.

Представлять себя на месте другого, понимать людей учит и третий урок.

Урок третий: школа мастерства. Когда мы говорим: «Артист!» — это высшая похвала профессиональному мастерству человека. Как мы уже отмечали, совершенно не случайно, что многие из выдающихся учителей увлекались и увлечены до зрелых и преклонных лет театром, различными формами художественной самодеятельности.

Театр — это не только одна из форм вовлечения детей и подростков в активную работу по осмыслению и преобразованию окружающей жизни, но и один из эффективных путей повышения психолого-педагогической подготовки учителя, поднять уровень которой требует реформа школы.

Театр развивает педагогическую технику, учит выразительности слова, мимики, жеста—без этого трудно представить хорошего учителя. Театр помогает и «читать» человека. Приучает вглядываться во внутренний мир другого и в свой собственный. Он развивает эмпатию учителя, иными словами, как определяет Психологический словарь,

«способность... эмоционально отзываться на переживания других людей». А без этого невозможна постоянная корректировка действий, самоконтроль, саморазвитие, самосовершенствование.

Учитель не только исполнитель, актер, которому необходимо чувствовать, понимать аудиторию, но и сценарист, и режиссер-постановщик. Драматическое искусство позволяет выработать привычку видеть себя со стороны, постоянно соотносить проект, идеальное «я» с действующим, реальным.

И потому вовлечение студенческой молодежи педагогических вузов в театральную самодеятельность, как показывает опыт народных учителей СССР, представляется необходимым. Занятия театром позволяют улучшить психолого-педагогическую подготовку, быстрее прийти к педагогическому мастерству.

«Да это уже делается! — заметит осведомленный читатель.— В Полтавском педагогическом...» К счастью, да. Но почему только в нем одном? Почему в других педагогических вузах игра студентов на сцене результат лишь чьей-то инициативы, чьего-то энтузиазма, а не составная часть профессиональной подготовки? Почему после окончания института, когда молодой учитель приходит в школу, о роли театра в его жизни забывают?

Постановка пьес, разбор и обсуждение спектаклей— это не только организация и обогащение досуга учительства, не только выявление, выработка, тренировка многих элементов педагогической техники, но и развитие педагогических способностей. Театр помогает задумываться над окружающей жизнью, над своим делом и над самим собой.

Урок четвертый: познай себя! Высокий профессионализм подразумевает глубокое понимание того, что и зачем ты делаешь. Разумеется, в учительском деле, как и в любом другом, очень многое зависит от неожиданных, часто неосознанных догадок. Педагогическая деятельность сложна, многообразна и многопланова: 258 элементов, по подсчетам новосибирских социологов, включала работа учителя средней школы еще в 60-е годы. И почему надо поступать так, а не иначе, не сразу и поймешь. Интуиция в труде учителя важна не меньше, а может быть и больше, чем в любой другой творческой профессии.

Однако интуиция не вырастает на пустом месте. «...Интуиция — отнюдь не калейдоскоп, не игра случайности,— подчеркивает известный советский физиолог, исследователь творческих процессов член-корреспондент АН СССР П. В. Симонов,— она исходно канализирована качеством доминирующей потребности и объемом ранее накопленных знаний. Никакое «генерирование идей» без обширнейших знаний свойств химических элементов не привело бы к открытию периодического закона» [60, с. 113].

Интуиция — результат культуры, богатой эрудиции и поисков ответов на поставленные тобой вопросы. Что же дает знания народному учителю? Чтение, постоянное самообразование, путешествия, анализ своей работы, опыта других школ в нашей стране и за рубежом. А еще — изучение родного края, жизни и забот своих учеников, их пап, мам, даже бабушек и дедушек, общение и сотрудничество с самыми разными людьми, молодыми и пожилыми, занятия искусством, знакомство с другими профессиями, науками. Вот почему для учителя-мастера ученики — «открытая книга». Он умеет не только читать их, но и устанавливать, поддерживать и развивать контакты, отношения доверия с ними, все глубже постигая мир детства и законы взаимодействия с личностью растущего человека, чтобы постоянно совершенствовать его обучение и воспитание.

Получается несколько парадоксально: знания помогают получать знания. Но будем различать знания теоретические и знания практические. И тогда станет понятно, что одни дополняют и обогащают другие. Отличительная личностная черта лучших учителей страны — неизбежное желание делать свое дело как можно лучше, умение постоянно

задавать себе вопросы: а все ли я делаю правильно? В чем мои недоработки, ошибки? Что можно и нужно еще сделать?

Творческая интуиция народного учителя не выростала на пустом месте, но не оставалась и не остается «вещью в себе». Она постоянно осмысливается и проверяется в докладах на педсоветах и на педагогических чтениях, в личных дневниках, в статьях и книгах, становясь осознанной, выраженной в слове мыслью, достоянием других.

Одним из условий успеха в любом деле, в том числе и учительском, является уверенность в себе, в своих силах. Она рождается не только знаниями и умениями, но и прямой сопричастностью к окружающей жизни, к решению конкретных проблем, волнующих людей, а следовательно, и тебя. Как набирался сил Антей, прикасаясь к земле-матери, как народный академик Терентий Семенович Мальцев находил пути повышения плодородия полей, радея о богатстве страны, так и учитель обретает уверенность в себе, думая об учениках, об их будущем, отвечая за результаты своего труда перед народом, перед своей совестью.

Познание себя включает и вопрос о том, как и для чего жить. И на этот вопрос никто за тебя не ответит, так же как никто за тебя не выберет цели, к которой ты будешь стремиться в своей деятельности.

Урок пятый: дороги, которые мы выбираем. Член-корреспондент АПН СССР Н. В. Кузьмина в одной из своих работ определила педагогическую деятельность как многоплановый процесс решения бесконечного ряда педагогических задач [40, с. 27]. Впервые столкнувшись с таким определением, я был смущен этим бесконечным рядом. Неужели решение одних задач не приводит к решению других? Неужели все бесконечно и не бывает финиша, победного? В этом определении мне казалась какая-то обреченность. Я, учитель, чувствовал себя каким-то Сизифом. Только достиг вершины, а камень опять катится вниз...

По прошествии некоторого времени я стал соглашаться с этим определением. Ведь решение каждой очередной задачи поднимает на новую высоту, побуждая постоянно совершенствовать себя и свою деятельность.

Бывает так. Человек работает, старается выполнять свои обязанности изо дня в день, из года в год. Но очень редко при этом задается вопросом: есть ли изменения в окружающей жизни от того, что эта работа выполняется?

Как часто мы видим: движение есть, суета есть, а развития нет. Всякое движение, всякий процесс имеет знак. Или плюс, или минус — третьего не дано. Нуль — тоже минус. Особенно ярко это проявляется в педагогике.

«...Ну, конечно, как я мог так долго думать! Все дело в остановке. Не может быть допущена остановка в жизни коллектива. Я обрадовался по-детски: какая прелесть! Какая чудесная, захватывающая диалектика! Свободный рабочий коллектив не способен стоять на месте. Всемирный закон всеобщего развития только теперь начинает показывать свои настоящие силы. Формы бытия свободного человеческого коллектива — движение вперед, форма смерти — остановка» [5, с. 267]. „

Это из «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко. Но и педагогическая поэма каждого из народных Устелен начиналась сразу, развитие шло без остановок. Ничего, в том числе и решение основных, стратегических вопросов не оставлялось на потом. Выбор их действий определялся интересами детей, учеников, ради которых они работали и работают. Можно сказать, что их труд, как и труд поэта,— это состояние души.

Да, были и осечки, но они сразу же преодолевались, становясь «уроками на всю жизнь». Приходили победы, рос авторитет учителя в глазах ребят. К нему тянулись, ему верили и доверяли все больше, становясь открытыми его воздействию. Первые успехи учеников придавали новые силы, желание работать, побеждать всевозможные трудности, идти им навстречу. Так росло мастерство, любовь к своему делу, понимание его тонкостей.

Тут все переплетается: успех помогает мастерству, а мастерство творит успех. И иного пути нет: или — или. Или ты вдохновенно трудишься, решая коренные педагогические вопросы, или работаешь, функционируешь, исполняешь службу для галочки.

В учительском деле нет мелочей, деления на основное и второстепенное. В мелочах также проявляется главное, стратегия нашей жизни, нашего дела. Опыт лучших учителей показывает: все зависит от дороги, которую мы выбираем, выбираем ежечасно, ежеминутно. А для того чтобы выбрать, надо иметь и силу, и право на свою точку зрения. Силу ума и право сердца. Надо быть личностью. «В воспитании все должно основываться на личности воспитателя, потому что воспитательная сила изливается только из живого источника человеческой личности. Никакие уставы и программы, никакой искусственный организм заведения, как бы хитро он ни был придуман, не может заменить личности в деле воспитания», — писал К. Д. Ушинский [8, с. 47]. Быть личностью — это общественная, партийная задача советского учителя.

«Говорят, педагогика — призвание, справедливо говорят, но производство гениев или даже талантов на поток не поставишь. Но если человек с душой и полной самоотдачей относится к своей профессии — такой учитель школе нужен» — так считает А. А. Захаренко [50, с. 26].

Будем помнить и другие слова, сказанные выдающимся советским педагогом В. А. Сухомлинским: «Ум воспитывается умом, совесть — совестью, преданность Родине — действительным служением Родине» [7, с. 37]. Это аксиома педагогики. И только так решаются все многочисленные, постоянно возникающие педагогические задачи, из которых и состоит педагогический процесс.

Решить задачу педагогически — значит решить ее так, чтобы сохранялись и развивались отношения между учителями и учениками, чтобы шло их взаимообогащение, чтобы сохранялся и развивался контакт между учителем и учениками.

Контакт, взаимозаинтересованность учителя и учеников — это показатель, индикатор правильно выбранной дороги учителем-педагогом, мерило успеха, оптимальности принятого решения. Контакт — это и общность целей учителя и учеников, без которой немислим ни один коллектив.

Но контакт этот не вечен. Со временем он исчезает. Исчезает, когда ученики сами становятся учителями. И для себя, и для других. Когда они становятся самостоятельными. Более того, настоящие учителя, устанавливая, усиливая контакты, стремятся вольно или невольно к тому, чтобы эти контакты, мешающие обрести себя, исчезали как можно быстрее. В этом парадоксе диалектика жизни, учительского труда.

Урок шестой: соответствие средств и целей. Я очень боюсь, что у читателя сложится впечатление, будто бы в педагогике все решает личность учителя, и это стремился доказать автор. Нет, я разделяю и точку зрения А. С. Макаренко, который писал: «Мы никого не заставим поверить, что в организации воспитания уместна ставка на энтузиаста, подвижника или доброе сердце.

Не ясно ли, наконец, что мы имеем право подойти к нашему делу как к производству, и посмотреть на воспитателя, как на человека труда, на рабочего, которому вверяется серьезная деловая функция, ставится точная, пусть и трудная, но все же посильная задача, не требующая от него гипертрофии сердца или другого какого-нибудь не менее важного органа, не лишаящая его возможности быть человеком, иметь свою личную жизнь и спокойную старость.

... Мы деловым образом обязаны поставить вопрос еще и потому, что видим детские дома и колонии, не только не наполненные сгорающими личностями и любимыми учителями, но, напротив, обслуживаемые обыкновенными людьми, но это наши советские люди — люди реального делового мышления, и совершенно естественно в порядке приспособления к процессу производства, к его реальным условиям, у этих

людей зарождаются организационные идеи, идут производственные поиски, находится стремление осмыслить и понять деловую сущность своей работы, найти ту рабочую установку, которая одновременно и позволит им хорошо делать порученное им дело и не потребует от них самих ненужного нечеловеческого напряжения» [б. т. 1, с. 660—66!].

Мастера нет без желания работать, но его нет и без умения, и без инструмента, техники и технологии. Именно так смотрели на труд, на личность учителя и на педагогический процесс А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинский, не только противореча, но и дополняя друг друга. Они не только отдавали сердце детям, но и ратовали за правильную, научную организацию педагогического процесса, за деловое, не только эмоциональное в подходе к труду воспитателя, учителя, искали и находили научно выверенную педагогическую технологию, которая бы не противостояла личности, а дополняла ее.

Именно так подходят к своему труду и народные учителя. Работают, не считаясь со временем, уплотняя, насыщая его. Но вместе с тем это не мешает, а помогает им видеть и свои недостатки, и недостатки педагогической технологии школы, исправлять их, совершенствовать свой труд и работу школы в целом. Мечтать о школе радости, о школе будущего и создавать, творить ее, преодолевая косность и рутину. Одно от другого неотделимо.

Труд учителя — это целый комплекс представлений, переживаний, потребностей, чувств, мыслей, действий. Комплекс постоянно развивающийся. Но для того чтобы он развивался в лад с задачами, выдвигаемыми перед учителем обществом, необходимо представлять работу этого комплекса, действие всех его компонентов, результирующее направление их взаимодействия. Это требует от учителя глубокого, сущностного и вместе с тем конкретного представления о своем труде, о его роли в общественной системе, в развитии общества.

В школах В. Ф. Алешина, А. М. Иванова, Н. К. Калугина, Ю. С. Кашкина, З. Г. Шююбова и многих других народных учителей значительное место уделено активным методам обучения, групповой деятельности подростков. Будь то работа в круглогодичной ученической производственной бригаде, или опытническая на полях и в школьных конструкторских бюро, или экономические расчеты для колхоза на уроках математики... Здесь не возникает вопроса: «Зачем это нужно?!» Точнее, ответ на него находят сами ученики, понимающие, что их труд «вливается в труд моей республики». Находят они его и тогда, когда, например, вместе с Н. Н. Белоштентовой, Т. И. Гончаровой готовят исторические вечера для всей округи, ищут ответы на свои вопросы и вопросы сверстников в политклубе «Знатоки», готовят уроки-путешествия для одноклассников, становятся консультантами и воспитателями малышей в интернате Н. Н. Дубинина, ведут профилактику заболеваний вместе с Ю. Н. Черненко, отправляются в поход вместе с Л. С. Филипповой...

Методы народных учителей соответствуют их целям и уровню развития их учеников, пробуждая, порождая новые интересы, а следовательно, и новые, более сложные цели. Искать и находить методы и средства, не противоречащие, а соответствующие личности учителя, ее устремленности,— это тоже один из уроков народных учителей. В этом проявляются их творчество, энтузиазм, душевная щедрость, гражданственность.

Урок седьмой, но не последний: быть гражданином. «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан». Эти некрасовские строки самым прямым образом относятся и к современному советскому учителю. Это доказали и доказывают всею своею жизнью народные учителя СССР. Без гражданственности нет и не может быть преодолений, развития педагогического сознания учителя, его культуры, знания, использования передовой педагогической технологии. В гражданственности учеников — и смысл, и результаты работы народного учителя.

Гражданственность — это нравственность человека, выражаемая не в красивых, правильных словах, не в пассивном соблюдении правил приличия, а в сопричастности к делам народа, к его судьбе. Гражданственность — стержневое качество учителя, определяющее все остальные. Только она дает право быть доверенным лицом нашего общества.

Быть гражданином... Наверное, нельзя найти слов более емких, объединяющих лучших учителей страны, обобщающих труд каждого из них. Ведь гражданственность учителя проявляется во всем. В том, как учитель делает свое дело, во что верит, какие идеалы несет, как борется с недостатками, рутиной, инерцией в себе самом и в окружающих. Гражданственность рождает новаторство учителя.

«Мы не сможем продвинуться вперед ни на шаг, если не научимся работать по-новому, не сумеем преодолеть косность и консерватизм в любых их проявлениях, если утратим мужество трезво оценивать обстановку, видеть ее такой, какая она есть. Для того, чтобы безответственность ушла в прошлое, надо взять за правило называть вещи своими именами, судить обо всем начистоту. Пора перестать упражняться в неуместной деликатности там, где должны быть проявлены требовательность и честность, партийная совесть. Никто не вправе забывать сурового ленинского предупреждения: «Ложная фраза, ложное хвастовство есть гибель нравственная, верный залог гибели политической» [3, с. 79—80].

Этим требованиям, выдвинутым XXVII съездом партии, лучшие учителя советской школы следовали всегда. Этим требованиям должны следовать и все мы, вечные ученики и учителя друг друга.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Поли. собр. соч.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Соч.
3. Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986.
4. О реформе общеобразовательной и профессиональной школы: Сб. документов и материалов. М.: Политиздат, 1984.
5. Макаренко А. С. Пед. соч.: В 8 т. Т. 3. М.: Педагогика, 1984.
6. Макаренко А. С. Соч.: В 7 т. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1950.
7. Сухомлинский В. А. О воспитании / Сост. и вступ. очерк С. Соловейчика. 5-е изд. М.: Политиздат, 1985.
8. Ушинский К. Д. Избр. пед. соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1974.
9. Азаров Ю. П. Искусство воспитывать. М.: Просвещение, 1979.
10. Алексеев М. В северном краю // Известия. 1979. 16 сент.
11. Алексеев М. А. Из опыта внеклассной работы по физике и технике. Якутск: Якуткнигоиздат, 1968.
12. Алешин В. Будни сельской школы // Нар. образование. 1980. № 6. С. 105—111.
13. Алешин В. Ф. Растим в труде и для труда // Школа и производство. 1981. № 8. С. 5—8.
14. Алешин В. Ф. Учим трудиться на общее благо // Школа и производство. 1984. № 6. С. 18—20.
15. Анчукова Л. П. Маргарита Николаевна Сивцова // Математика в школе. 1984. № 1. С. 7—8.
16. Батурина Т. Дело нашей жизни: Этюды... по мотивам жизни А. М. Божко. Ставрополь: Кн. изд-во, 1983.
17. Белашкина Л. Ф. К вершинам педагогического мастерства [об О. С. Авраменко] // Сов. педагогика. 1984. № 3. С. 66—71.
18. Белоусов В. Сахновский учитель [об А. А. Захаренко] // Правда. 1984. 29 марта.
19. Белоштентова Н. Н. Воспитание принципиальности и коллективизма // Преподавание истории в школе. 1968. № 4. С. 39—42.
20. Борджаков Х. Счастливая судьба // Учит. газ. 1984. 9 окт.
21. Вавилина Н. Активная гражданская позиция [о Л. С. Филипповой] // Нар. образование. 1984. № 7. С. 42—45.
22. Васильев И. Не частное лицо // Сов. Россия. 1986. 22 янв.
23. Володин О. Большая жизнь [об А. П. Полехине] // Нар. образование. 1984. № 4. С. 69—72.
24. Володин О. Истоки авторитета [о Н. С. Борисове] // Нар. образование. 1984. № 1. С. 36—40.
25. Володин О. Подвиг продолжается [о К. Н. Нурғалиеве] // Нар. образование. 1983. № 2. С. 73—76.
26. Володин О. Труд, равный подвигу [о П. Г. Лозиной] // Нар. образование. 1980. № 6. С. 35—38.
27. Воскобойникова В. Одержимость [о М. А. Аверине] // Нар. образование. 1980. № 9. С. 44—45.
28. Гончарова Т. Духовное богатство // Учит. газ. 1983. 9 авг.
29. Гончарова Т. И. Исторические вечера // Преподавание истории в школе. 1984. № 3. С. 44—49.
30. Ермолаев В. Я. Школа Кобахидзе. М.: Педагогика, 1984.
31. Захаренко А. А., Мазурук С. Н. Школа над Росью. Киев: Рад. школа, 1979.
32. Захаренко А. А. О целенаправленности воспитательной работы // Сов. педагогика. 1979. № 1. С. 55—59.

33. Захарова Н. Н. Здесь столько классов пройдено // Сельский учитель. М.: Педагогика, 1980. С. 32—39.
34. Захарова Н. Праздник который всегда с тобой // Учит. газ. 1985. 28 дек.
35. Иванов А. М. Педагогические основы сельскохозяйственного опытничества // Ученические производственные бригады. М.: Просвещение, 1977. С. 127—131.
36. Калмехелидзе А. Школа Кобахидзе // Известия. 1981. 15 июля.
37. Калугин Н. К. Золотые зерна дружбы: Записки дир. Сельской школы. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во, 1980.
38. Калугин И. Школа окнами в поле // Коме, правда. 1984. 15 янв.
39. Кашкин Ю. Интересно каждому // Нар. образование. 1977. № 12. С. 62—64.
40. Кузьмина Н. В. Методы исследования педагогической деятельности. Л.: Изд-во ЛГУ, 1970.
41. Лапшина Е. Отцовский долг [об Ю. С. Кашкине] // Известия. 1980. 4 окт.
42. Лесгафт П. Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение // Умом и сердцем. 3-е изд. М.: Политиздат, 1982, С. 222—239.
43. Лосич Л. П. Народный учитель СССР Ю. Н. Черненко // Биология в школе. 1984. № 2. С. 57—59.
44. Максимова Э. Лучший дар [о М. А. Алексееве] // Известия. 1980. 11 янв.
45. Максимова Э. Льготное место [о М. А. Алексееве] // Известия. 1968. 22 мая.
46. Мамонтова В. Бином Дубинина // Сов. Россия. 1983. 2 окт.
47. Мезенцев В. Уроки Корепановой // Труд. 1983. 2 окт.
48. Мирошниченко Н. Сельский учитель [об А. В. Уляшеве] // Красное знамя. 1978. 10 окт.
49. Народный учитель: Сб. очерков. М.: Педагогика, 1981.
50. Народный учитель СССР: Сб. очерков / Сост. В. Я. Ермолаев, Н. И. Целищева. М.: Педагогика, 1985.
51. Новикова Н. Жить в ладу с самим собой [об И. Х. Шукюрове] // Учит. газ. 1984. 10 марта.
52. Овчинникова И. Вечное движение [о Н. Тухташеве] // Известия. 1979. 11 нояб.
53. Панкратьева Л. Сколько граней в слове «учитель»? : Беседа с Ю. С. Кашкиным // Учит. газ. 1985. 1 янв.
54. Преловская И. Открытый урок [о З. Г. Шоюбове] // Известия. 1982. 29 июня.
55. Психологический словарь. М.: Педагогика, 1983.
56. Пузанев В. С. Сельский интеллигент. М.: Сов. Россия, 1977.
57. Саркисян Р. В. Самсон Агабекович Дагбашян // Математика в школе. 1984. № 1. С. 9—10.
58. Семин Н. В. Из опыта воспитания школьников на примере жизни и деятельности В. И. Ленина // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 98—103.
59. Сепсякова Т. Ф. Школа. Жизнь. Труд. 2-е изд. Петрозаводск: Карелия. 1982.
60. Симонов П. В. Неосознаваемое психическое: подсознание и сверхсознание // Кибернетика живого: человек в разных аспектах. М.: Наука, 1985. С. 107—121.
61. Скаткин М. Н. Об изучении и обобщении опыта работы школ и учителей // Сов. педагогика. 1948. № 1. С. 27—41.
62. Скаткин М. Об изучении, обобщении и внедрении передового педагогического опыта // Вопросы повышения квалификации педагогических кадров. М.: МГИУУ, 1975. С. 6—39.
63. Смолко Е. Все отдается людям // Семья и школа. 1981. № 3. С. 4.
- 63 а. Смусина М. Контакт // Учит. газ. 1985. 16 марта.
64. Соколовская Р. Ю., Хозе С. Е. Учитель и комсомольская организация класса: Из опыта работы [о Л. С. Филипповой]. М. 1960.

65. Степанов А. А. Дети до шестнадцати [о Н. Н. Дубинине]. Владивосток: Приморск. кн. изд-во, 1981.
66. Суворова Г. Ф. Счастье творчества [о Н. А. Чернышеве] // Сов. педагогика. 1984. № 5. С. 62—67.
67. Сургуладзе Е. Г. Народный учитель СССР Г. Б. Кобахидзе // Физика в школе. 1983. № 6. С. 8—11.
68. Турбовской Я. Знание класса — условие воспитательного успеха // Нар. образование. 1963. № 12. С. 73 — 76.
69. Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1983.
70. Филиппова Л. С. Всегда в поле нашего зрения // Учит. газ. 1980.30 авг.
71. Хозе С. Е. Директор школы: Из опыта работы. М.: Просвещение, 1979.
72. Храпов В. Е. Воспитывать личность!: Интервью с народным учителем СССР Т. И. Гончаровой // Сов. педагогика. 1984. № 10. С. 59—63.
73. Храпов В. Е. К вершинам мастерства: Анализ становления педагогического опыта народного учителя СССР Т. И. Гончаровой. М.: НИИ ОП, 1984.
74. Храпов В. Е. Развитие творческой активности учащихся на уроках истории: Из опыта работы народного учителя СССР Н. Н. Белоштенковой. М.: НИИ ОП, 1985.
75. Храпов В. Согласно сердца и ума [о Т. И. Гончаровой] // Известия. 1984. 19 сент.
76. Цирульников А. М. В воспитании нет провинций. М.: Сов. Россия, 1985.
77. Челпанова О. Человек место красит [об А. М. Божко] // Нар. образование. 1981. № 1. С. 70—76.
78. Чернов П. Н. Урок длиною в жизнь: Беседу записал Ж. Миндубаев // Известия. 1981. 3 окт.
79. Чернышева Н. Ф. Народный учитель [о Л. Ф. Парфеновой] // Литература в школе. 1984. № 5. С. 56—59.
80. Чубар Б. «Нужно», «можно» и «нельзя» Сахновской школы [об А. А. Захаренко] // Неделя, 1984. № 40.
81. Шоюбов З. Директор школы и физическое воспитание // Нар. образование. 1972. № 3. С. 61—62.

ОГЛАВЛЕНИЕ	
ОТ АВТОРА	3
ГЛАВА 1. ИСТОКИ	5
Вглядываясь в будущее	—
С чего начинается учитель?	9
Наследство	16
Ты не властна, война	26
Учителя учителей	33
ГЛАВА 2. ВОСХОЖДЕНИЕ К ПРОФЕССИИ	42
Выбор	—
Поиски и находки	53
Учиться, учиться и учиться	64
Вопросы и ответы	82
Вечное движение и постоянство	88
ГЛАВА 3. ГРАНИ МАСТЕРСТВА	94
Созидая личность	95
Педагогическое сознание	102
Педагогическая техника	114
Метод полнокровной жизни	123
Сколько часов в сутках учителя?	140
ГЛАВА 4. ЩЕДРОСТЬ	146
По долгу сердца	—
Что остается людям?	151
Продолжение эстафеты	156
УРОКИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)	162
ЛИТЕРАТУРА	172

Храпов В. Е.

Твой лучший учитель, школа. — М.: Педагогика, 1987.—176 с.

Рецензенты:

член-корреспондент АПН СССР М. Р. Львов,

доктор педагогических наук С. Е. Хозе,

директор экспериментальной средней школы Памяти В. И. Ленина в Горках Ленинских,
отличник народного просвещения Е. И. Шаргородский

В книге на основе изучения жизненного пути и становления опыта народных учителей СССР раскрыты лучшие черты советского учительства.

Особое внимание уделяется гражданской и педагогической позиции творческому подходу к решению основных задач, выдвинутых XXVII съездом и реформой школы.

Для учителей.

ББК 74.03

X88

Научно-популярное издание
ВАЛЕРИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ ХРАПОВ
ТВОЙ ЛУЧШИЙ УЧИТЕЛЬ, ШКОЛА!

Зав. редакцией Л. И. КОРОВКИНА
Редактор И. Н. БАЖЕНОВА
Художник В. В. ИСТОМИН
Художественный редактор Е. В. ГАВРИЛИН
Технические редакторы Л. В. ХОРОЩУК, О. В. ЖУРКИНА
Корректор В. С. АНТОНОВА

НБ № 1119

Сдано в набор 27.05.86. Подписано в печать 17.09.86. Формат 84X108 7зг. Бумага офс. № 1. Печать высокая. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 9,24. Уч.-изд.л. 11,21. Усл. кр.-отг. 9,45. Тираж 100 000 экз. Зак. Ли 2652. Цена 40 коп.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 107847, Москва, Лефортовский пер., 8

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли 113054, Москва, Валовая, 28.